

фантастическая
история

Валерий Елманов

Битвы за корону.
Прекрасная полячка

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Эффект стрекозы

Валерий Елманов

**Битвы за корону.
Прекрасная полячка**

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Елманов В. И.

Битвы за корону. Прекрасная полячка / В. И. Елманов —
«АЛЬФА-КНИГА», 2013 — (Эффект стрекозы)

Чем выше взбираешься по ступеням власти, тем более одиноким ты становишься. Это хорошо прочувствовал на себе попавший в далекое прошлое Руси Федор Россошанский, став правой рукой юного царевича Годунова. Вроде бы гибель государя Дмитрия должна облегчить задачу надеть на сына царя Бориса шапку Мономаха, но не тут-то было. Жива Марина Мнишек – венчанная царица всяя Руси. И чтобы добиться единоличной власти, тайная католичка не гнушается ничем. Например, во всеуслышание объявила, что носит под сердцем царское дитя. Правда, на самом деле она вовсе не беременна, но... Неужто не найдется человек, который поможет ей в этом? Честолюбивая вдова готова пойти и на откровенное предательство. И вот уже летит от нее к королю Сигизмунду, пославшему на Русь свои рати, тайный гонец. А у выступившего навстречу полякам Россошанского сил и без того немного: два стрелецких полка и верные гвардейцы...

© Елманов В. И., 2013

© АЛЬФА-КНИГА, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	66
Глава 11	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Валерий Елманов

Битвы за корону. Прекрасная полячка

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог Тяжкий выбор

Пророчица сидела подле, вперившись в меня тяжелым взглядом. Мне по-прежнему не удавалось пошевелиться, тело словно окаменело. Силясь скинуть с себя странное оцепенение, я напрягся что есть мочи, но... бесполезно. А секундой позже и она сама подтвердила:

– Не тужься понапрасну.

Глаза ее ярко светились во мраке ночи. В зрачках полыхало кроваво-красное зарево. Но это были не отблески костра, разведенного моими гвардейцами, – тот оставался за ее спиной. И тишина кругом. Все застыло, замерло, затаившись от страха. Одни звезды продолжали беспечно кружиться над головой, да и то... В обычное время они перемещались по небу еле заметно, а тут буквально плыли по кругу друг за другом, словно облака при сильном ветре. Лишь одна, и тоже кроваво-красная, точь-в-точь как огонь в зрачках старухи, вперившейся в меня, оставалась неподвижной, застыв в самом центре кружащегося вокруг нее хоровода.

– Не о том думаешь, – поторопила она меня. – Ты до сих пор не выбрал, а времени все меньше и меньше. Решайся, да поскорее, не то мне не успеть.

Она не лгала – я знал, действительно хотела мне помочь. Но за помощь она назначила чересчур дорогую плату, и я никак не мог сделать выбор между своими гвардейцами. Как назло, передо мной лежали, безмятежно сопя или похрапывая, лучшие из лучших.

– Не могу, – выдавил я.

– Тогда...

Она не договорила, но я и без того знал, что будет тогда. Плохо. Очень плохо. Хуже некуда. И не одному мне, но и двум самым близким мне людям, одного из которых я сейчас мог спасти. Гвардеец – цена. Честная сделка, ничего не скажешь – жизнь за жизнь. Ах да, про себя забыл. Тогда вообще выгода. Почти как в рекламе. Правда, там два в одном, а у меня один за двоих. Но вначале предстояло выбрать этого одного, а я не мог.

– Так кто? Стременной?

– Нет! – торопливо выпалил я. – Мы с ним огонь и воду прошли. Он для меня... Нет, только не он.

– Тогда кто?

А действительно, кто? Вон с теми я плечом к плечу отбивался на волжском берегу, а чуть позже стоя на струге. Рядом спят те, кто стоял насмерть в Москве в бою со шляхтичами, подле них...

– Еще немного, и станет поздно, – предупредила ведьма.

Я до крови прикусил губу, заставляя себя поторопиться, и... проснулся.

«Приснится же такое», – облегченно вздохнув, улыбнулся я и... поморщился от боли в нижней губе. Осторожно потрогал ее – больно. Поднес пальцы поближе к горящей свече – в крови. Получается, кошмар кошмаром, а тяпнул-то я себя всерьез.

Интересно, какой такой страшный выбор мне предстоял, если я столь панически бежал от него из своего сна? Я нахмурился, вспоминая, но с удивлением обнаружил, что припомнить у меня не получается. Детали – да, но несущественные и ни о чем не говорящие. Да и лица ведьмы не мог припомнить – одни глаза и зрачки, горящие багрово-красным.

«Ну и бог с ним, с этим кошмаром, – сделал я глубокомысленный вывод, черпая ковшиком квасок из братины, стоящей в моей опочивальне. С наслаждением допив содержимое ковшика, я потянулся и... застыл, припомнив, что, по моим прикидкам, именно сегодня в Москве должно произойти убийство Дмитрия. Получалось, мой кошмар – не совсем чушь, а, скорее, отголосок неких сомнений.

Странно, ведь на самом деле наяву я свой выбор сделал накануне. Или у меня остались колебания? Да нет, едва царь сознался, что после завоевания Речи Посполитой займется введением церковной унии на Руси, я понял: мешать его убийцам нежелательно. Пускай лучше погибнет один, чем позже вся страна утонет в крови.

Тогда почему сейчас?.. Я потер лоб, пытаюсь вспомнить лицо пророчицы, но не смог. Немудрено. Грязные, спутанные космы волос закрывали его чуть ли не наполовину.

«Ладно, – отмахнулся я. – Сон, он и есть сон. Лет через пятьдесят займусь их разгадыванием, а нынче не до того...» – И я принялся одеваться, не забыв посмотреть на горящую свечу, стоящую в небольшом поставце.

Странно, судя по ее высоте, убавившейся от силы на пару сантиметров, спал я совсем недолго, максимум полчаса. Часы в кабинете подтвердили мое предположение. Половина шестого – для заутрени и то рано. Мелькнула мысль поваляться немного в постели, но голова на удивление свежая, а значит, ни к чему. Лучше лишний разок все прикинуть, взвесить и... приступить к утреннему омовению.

Глава 1

Перед переворотом

– Что день грядущий нам готовит? – промурлыкал я себе под нос, плюхнувшись за стол, и сам ответил на этот вопрос: «А готовит он нам убийство царя Дмитрия», но сразу осадил себя, укоризненно заметив: «Не факт». Да, в той, официальной истории его действительно завалили бояре, а в нынешней, после того как я по нелепой случайности угодил в это время и теперь вся история Руси пошла вразнос, может случиться всякое...

Поначалу мое появление здесь в начале семнадцатого века (если быть точным, то где-то в январе 1604 года), равно как и мои первые действия, мало что могло изменить в грядущих событиях. Подумаешь, выручил жителей какой-то крохотной деревни, не дав им помереть от голода.

Дальше в общем-то тоже ерунда, включая спасенного от смерти с моей подачи Марьей Петровной и волхвом Световидом Квентина Дугласа, приглашенного из Шотландии, дабы преподавать уроки танцев царевичу Федору Годунову. Сам по себе этот паренек навряд ли мог принести в грядущее какие-либо серьезные изменения, но именно его появление в моей жизни и послужило катализатором остальных событий.

Сперва малых. Жить-то на что-то надо, и я попросил Квентина посоветовать царевичу взять в учителя и меня, благо имел за плечами философский факультет МГУ. Дуглас поначалу усомнился в знатности моего происхождения. Пришлось поведать историю о подло убитом шотландском короле Дункане, пересказав трагедию Шекспира «Макбет» и пояснив, что сей король – мой далекий предок. Мол, позже один из сыновей Дункана выехал в Италию да там и осел. Вот так я и стал в одночасье князем Мак-Альпином, как, оказывается, именовали ту королевскую династию.

Однако царь Борис Федорович с первой встречи заподозрил во мне сына князя Константина Монтеки, или, как сам государь называл его, Монтекова. Да и как не заподозрить, когда мое лицо – копия дядькиного, а тот, попав в средневековую Москву, но намного раньше, чуть ли не на три с половиной десятка лет, успел познакомиться с юным Годуновым и даже гульнуть у него на свадьбе.

Я не хотел признаваться в своем родстве, невзирая на то что у Бориса Федоровича остались о дяде Косте самые прекрасные воспоминания. Слишком сильно во мне горело желание добиться всего самому, без протекции. И без того мне в память о дядьке оказывали помощь именно его давние знакомые: бывшая ведьма Светозара, ставшая травницей, волхв Световид, сын купца Ицхака Барух... Должен же я хоть немного добиться сам.

Увы, жизнь внесла свои коррективы. Дело в том, что Квентин по уши втюрился в царевну Ксению, хотя ни разу и не видел ее. Да-да, бывает и такое. И, узнав об отправке Годуновым посольства на Кавказ с задачей найти невесту для сына и жениха для своей дочери, пошел напролом, заявив царю, будто он – сын английского короля Якова, недавно сменившего Елизавету I. Пришлось спасать дуралея и пойти на признание.

Но и после того как я «раскололся» перед государем, что являюсь сыном князя Монтекова, особо больших изменений в истории ожидать не приходилось. Но дальше... За время своего учительства я искренне привязался к младшему Годунову. Поверьте, подросток этого заслуживал, будучи умницей, каких мало. Историю я знал не ахти, в школьных рамках, но о Лжедмитрии I, из-за которого спустя всего год суждено погибнуть пареньку, мне было известно. И первая моя идея, на которую я уговорил старшего Годунова, – создание особого полка, высокопарно поименованного мною Стражей Верных.

В него я напринимал всех желающих от шестнадцати до двадцати лет. Были и моложе – поди узнай, сколько ему. Мой расчет основывался на том, что эти парни, в отличие от бояр, не оставят царевича в беде. Иностранцы учили их правильно держать строй, бывалые стрельцы – меткой стрельбе, умению метать ножи. Отличалось у Стражи Верных и вооружение – на пищалях штыки, за правым плечом арбалет, в каждом голенище по метательному ножу. А вдобавок я создал и особую сотню, спеназовскую, взявшись обучать наиболее способных приемам, освоенными мною за время собственной службы в десанте.

Впрочем, и это навряд ли могло внести какие-то радикальные изменения в грядущие события. Да и мое тайное расследование, проведенное по поручению Бориса Федоровича в Угличе, тоже нельзя считать особым вмешательством в историю. Ну и толку с того, что мне удалось выяснить, кто скрывается под маской младшего сына Иоанна Грозного? Подумаешь, Дмитрий оказался на самом деле не Отрепьевым, а незаконнорожденным первенцем боярина Федора Романова. Хотя к Отрепьевым отношение он имел – его мать, Соломония Шестова, действительно доводилась двоюродной сестрой Богдану Отрепьеву. Но какое это имеет значение, коль народ, включая самого самозванца, искренне верил, будто тот – истинный сын Ивана Грозного?

Но, вернувшись из Углича, я узнал о прибытии послов из Англии, сообщивших Борису Федоровичу, что Квентин – никакой не королевич, и Годунов расสวิрепел. Казнить он Дугласа не стал, но толку. Он же пообещал послам передать несчастного влюбленного для последующей расправы, а как карают в цивилизованной Европе за оскорбление короля, я, со слов шотландца, знал. Его подвергают сразу и повешению, и четвертованию, и раздиранию на части лошаадьми.

Потому-то я и изобрел благовидный предлог для спасения Квентина, предложив царю, что сам поеду к самозванцу и соберу достоверные сведения о том, как тот во время пребывания в Речи Посполитой тайно перешел в католическую веру. Тогда, дескать, народ сам от него отвернется. Ну а во избежание подозрений в отношении меня нужен весомый предлог для побега. И таковой имеется, если я убегу, якобы спасая своего товарища-иноземца.

Мой расчет был убить одним выстрелом двух зайцев: спасти шотландца, а заодно уболтать новоявленного претендента на корону бежать куда подальше за границу, профинансировав его проживание за счет царя. Бориса Федоровича я надеялся уговорить позднее. Государь поначалу согласился, но пришла весть о победе царских войск под Добрыничами, и он отверг мою идею. Пришлось самостоятельно организовывать побег Дугласа из-под стражи. Вместе с ним я и прибыл в Путивль, где Дмитрий отсиживался после своего поражения.

Увы, войти к Дмитрию в доверие до смерти старшего Годунова я успел, а вот убедить его бежать – нет. Единственное достижение – удалось уговорить его написать грамоту царевичу Федору, в которой он обещал сделать младшего Годунова своим наследником и престололюбителем, если тот распахнет перед ним ворота столицы. Под благовидным предлогом передачи его послания я отправился в Москву, рассчитывая успеть заручиться поддержкой полка Стражи Верных, благо что к тому времени успел обучить их многому. Однако стоило мне прибыть в полк, как за мной установили слежку люди Семена Годунова – ближайшего царского советника, опасавшегося конкуренции с моей стороны. Он-то, пользуясь своей властью, уловив момент, сунул меня в тюрьму.

Просидел я в ней чуть ли не месяц, потеряв время, столь необходимое для принятия мер по защите семьи Федора. Освободили меня оттуда москвичи и... казаки, которые отвезли обратно к Дмитрию, стоящему уже под Серпуховом. Вернувшись к новоиспеченному царю, я понял, что миловать младшего Годунова тот не намерен. Сказалось нашептывание бояр, прибывших на поклон к новому государю.

Я ухитрился сбежать. Расправу над Годуновым и его матерью мне удалось предотвратить в самый последний момент, да и то не полностью – всего-навсего оттянуть ее. Но когда я настраивался принять последний и решительный бой, подоспел на выручку заранее преду-

прежденный мною полк Стражи Верных. А еще в тот день я впервые увидел царевну Ксению и... влюбился.

Спасти-то Федора получилось, но Русь к тому времени чуть ли не полностью перешла на сторону новоявленного претендента на престол. Годунов по моему настоянию добровольно отступился от царской короны. Правда, теперь он имел определенные гарантии – пригодилось письмо Дмитрия. В день покушения на Федора я торжественно огласил его с Царского места, расположенного близ Фроловских ворот на Пожаре¹. Согласно ему получалось, что бояре переусердствовали, и москвичи, облегченно вздохнув (самим стало не по себе, когда увидели, как идут убивать царскую семью), по собственному почину растерзали виновных.

Сохранение двух жизней – юного Годунова и его матери Марии Григорьевны – стало первым крупномасштабным изменением в истории России. Дальнейшие события понеслись по нарастающей. В немалой степени популярности Федору, пока он правил в Москве в ожидании Дмитрия, прибавили и его суды, которые он вершил как престололюбитель. Не скрою, я помогал, но исключительно в предварительной работе.

А тут и радость – вернулся из дальних странствий Алеха. Бывший детдомовец угодил в это время даже чуть раньше меня, и я пристроил его к делу. Борис Федорович Годунов весьма заинтересовался заморскими овощами, о которых я ему рассказал, и мне удалось уговорить его отправить за ними Алеху. Ну и заодно за художниками и разными умельцами-мастерами.

Тот успешно справился со всеми поручениями, привезя и людей и семена. Были там семена помидоров, кукурузы, подсолнухов, но главное – картофельные клубни. А на Руси появились английский философ Фрэнсис Бэкон, предназначенный в качестве учителя философии для царевича, художники Рубенс, Хальс, Снейдерс и большущий любитель выпить итальянец Микеланджело. Нет, не Буонарроти, а другой, Меризи да Караваджо, но тоже очень талантливый. Привез Алеха и множество мастеров, включая стеклодувов, и три подзорные трубы.

Однако пришло время уезжать в Кострому, которую Дмитрий отвел Федору для его проживания. И новая проблема. Государь вознамерился оставить в столице сестру и мать моего ученика. Якобы как заложниц, но на самом деле он явно положил глаз на Ксению. Мне удалось незаметно подменить ее другой девушкой, а когда Дмитрий разобрался, оказалось поздно – царевна на струге вместе со мной плыла к Костроме.

Приключений по пути хватало, пришлось даже возвращаться в Москву, но подробности расписывать не стану. Скажу кратко – выжил и царевну уберег. Более того, я успел объясниться ей в любви, а она мне. Правда, Дмитрий вынудил меня дать обещание, что без его согласия царевна ни за кого не выйдет замуж, и взял слово в следующем году возглавить его войско для захвата Ливонии.

В Костроме скучать не приходилось. Хватало и неотложных дел, и работы на перспективу – ставил первые на Руси фабрики по производству стекла и мастерскую по валянию валеков, которые, оказывается, здесь тоже пока не были известны. Ну и проекты указов, над которыми я немало потрудился вместе с Фрэнсисом Бэконом. Дело в том, что по моему замыслу принять их надлежало именно Дмитрию. Пускай он станет вроде ледокола, взламывающего вековые устои Руси, дабы к моменту, когда его грохнут бояре, основные новшества оказались бы принятыми им. Тогда впоследствии никто из приверженцев старых устоев не сможет обвинить в нововведениях моего ученика.

Работал я старательно, и, когда царь заглянул к нам с Федором в Кострому, я вывалил ему на подпись кучу заготовленных проектов указов. Пришлось попотеть, пока сумел убедить государя в их важности и нужности, но овчинка стоила выделки. Достаточно упомянуть создание действующего на постоянной основе Освященного Земского собора всея Руси, которому

---

¹ Царское место ныне известно как Лобное, Фроловские ворота – ныне Спасские, Пожар – Красная площадь.

Дмитрий по моему настоянию дал уйму прав вплоть до выборов нового царя в случае пресечения прежней династии. По сути, это был поворот к конституционной монархии. Да и Великой хартии, как я ее мысленно назвал ее, тоже цена на вес золота. На самом-то деле называлась она иначе: «О даровании вольностей народу российскому», но какая разница. Главное – содержание. Впервые царь гарантировал своим подданным их права. Небольшие, но главное – гарантировал. Итог: зарождающемуся самодержавию на Руси не бывать.

А когда я с Федором Борисовичем по настоянию Дмитрия этой зимой завоевал у шведов всю принадлежавшую им Эстляндию, попутно захватив и пяток городов у поляков, стало окончательно ясно – предугадать что-либо из грядущего не дано никому. Между прочим, брал ее исключительно один-единственный полк Стражи Верных, переименованный мною в Первый гвардейский. Нет, в захваченных городах все гарнизоны состояли из московских стрельцов, но они приходили позже, после их взятия.

Правда, официально полк, захвативший Эстляндию и часть Лифляндии, действовал на стороне королевы Ливонии Марии Владимировны. Последняя из рода Рюриковичей, будучи двоюродной племянницей царя Ивана Грозного, похоронив своего мужа Магнуса, влачила жалкое существование в монастыре. Но я уговорил ее сменить рясу на корону, и она написала прошение на имя патриарха Игнатия, утверждая, что постриг совершен насильно. Игнатий, послушный Дмитрию, благословил чудесное преобразование монахини в королеву. Она-то якобы и «повоевала» мужнее наследство, незамедлительно «поклонившись своими землями и градами» императору Руси и попросив принять ее под свое покровительство.

Да и Марина Мнишек не медлила до весны, как в официальной истории. Благодаря парочке уловок, подсказанных мною Дмитрию, ее батюшка, опасаясь, что брак царя с его дочерью может вовсе расстроиться, рванул в Москву столь стремительно, что свадьбу они сыграли прямо перед Великим постом, в середине февраля. Поприсутствовать на гуляньях мы с Годуновым из-за боевых действий в Прибалтике не успели, но зато мне, выехавшему налегке и прибывшему в Москву на несколько дней раньше Федора, удалось выяснить кое-что важное.

Вообще-то цель моего раннего приезда была иной – организация торжественной встречи престололюбителя, дабы Дмитрий отметил его заслуги по достоинству. Про заговор против царя я узнал попутно, да и то вскользь, самые общие сведения. Кто именно примет участие в предстоящем перевороте и какие силы у заговорщиков, мне выяснить не удалось, да и когда намечено их выступление, я узнал в самый последний момент.

Дело в том, что бояре, справедливо опасаясь нас с Годуновым как людей, лояльных к царю и располагающих реальной силой, способной воспрепятствовать их планам, решили еще до покушения на Дмитрия убить нас обоих. И не просто убить, но и обыграть все таким образом, будто сам государь, ревнуя к славе юного Федора Борисовича, подговорил меня на черное дело. Ну а дальше, мол, вмешались люди бояр, но подоспели слишком поздно, и захватить живым князя Мак-Альпина не вышло – погиб.

Место для своего нападения они не выбирали – я это сделал за них, специально подставившись и решив, что старые казармы моего гвардейского полка, расположенные недалеко от села Тонинского, которое именовали Царским, самое то. Роль Годунова сыграл похожий на него ратник Емеля.

Словом, ратные холопы бояр напали на нас и были перебиты, а я в тот же вечер отправился в Москву докладывать государю о происшедшем. Прежде чем выехать, я изрядно колебался. Может, лучше оставить как есть? Куда как удобно – заговорщики убивают царя, и тут мы их, голубчиков, цап-царап. В результате освободившийся престол занимает Годунов. Заодно, действуя по старой схеме, использованной прошлым летом во время покушения на Федора, можно ликвидировать и наиболее опасных бояр, злодейски лишивших жизни «красное солнышко».

И все-таки после долгих колебаний я отказался промолчать, хотя и не питал к Дмитрию особо нежных чувств. Да и за что? Достаточно сказать, что он трижды засовывал меня в темницу, и, если бы не моя изворотливость, все закончилось бы казнью. Но, как ни крути, с моей стороны такое умолчание равнялось косвенному предательству. С Годуновым бы посоветоваться – согласен ли он заплатить такую цену за престол, но увы. Прибывший накануне из Прибалтики Федор сидел в моей подмосковной деревеньке Кологрив и послушно ждал новостей. Я же находился в противоположной стороне от Москвы, на северо-востоке, и добираться до него некогда. Предстояло решать за двоих, и я понял, что не смогу пойти на такую подлость.

Но, прибыв в Москву с докладом, я неожиданно выяснил у разоткровенничавшегося Дмитрия, зачем ему понадобилось столь спешно завоевывать Прибалтику. Оказывается, у государя весьма обширные планы, в которые входит захват власти в Речи Посполитой, а затем война с Крымским ханством, за спиной которого стояла Османская империя, пребывающая в самом расцвете своей мощи. Уже от одного этого мне стало не по себе. Мои доводы – почему не стоит садиться на ляшский трон, нынче из-за шляхетских вольностей больше похожий на убогую колченогую табуретку, да и веры у подданных разные – Дмитрий отмел. Мол, он введет на Руси унию.

Сообщение о ней меня добило окончательно, и я и решил ничего не говорить ему о заговоре. Судя по грандиозным планам, царь-батюшка попросту зарвался, и, когда дело дойдет до введения унии, в любом случае грядет мятеж. А учитывая, что Дмитрий так просто не сдастся, крови прольется куда больше, чем во время заговора. Нет уж, коли он перестал отличать реальность от радужных мечтаний, я ему не помощник, не заступник и не защитник.

Словом, служил бы верой, да узнал всю правду, и, когда он обратился ко мне с вопросом, что мне известно о заговоре, я почти честно ответил: «Очень мало. Точный час выступления не ведаю, кто в нем участвует и какие силы у заговорщиков – понятия не имею. Однако предупредить счел своим долгом». И больше ни слова. Когда вожак ведет табун в пропасть, иного выхода, как пристрелить его, не остается.

Но убить – одно, а воспользоваться плодами мятежа заговорщикам давать нельзя. Следовательно, едва они прикончат Дмитрия, надо подоспеть со своими людьми и вырезать всю боярскую верхушку, включая Шуйских, Голицыных, Шереметевых, Романовых, Мстиславского и прочих, дабы новый юный царь мог править спокойно.

Вернувшись в терем, подаренный мне Федором Годуновым, я отдал распоряжение своим людям готовиться к завтрашнему дню, но говорить напрямую ничего им не стал. Мол, сердце чует: грядут завтра некие события, в которых кровушки прольется будь здоров. И чтоб проливалась в основном чужая, вражья, лучше быть начеку, а для этого каждому надлежит проверить исправность своего оружия, включая порох – не отсырел ли, пополнить запас арбалетных болтов, и так далее.

Людей в моем распоряжении имелось немного, всего полторы сотни, потому следовало расставить их таким образом, чтоб ни один «кот», охотящийся за мышонком Дмитрием, из числа самых крупных, с боярским окрасом, завтра не ускользнул. Большую часть (сотню с лишним) я оставил на своем подворье, отправив их спать. Меньшей – пяти десяткам во главе с сотником Микитой Голованом – предстояло провести ночь в Запасном дворце, принадлежавшем Годунову.

Микиту я предупредил, но частично. Мол, сердце вещует, завтра поутру бояре, скорее всего, не просто придут жаловаться на меня государю. Сдается, они, распалившись, затеют что-то недоброе в отношении самого Дмитрия. Голован понимающе кивнул и лишних вопросов не задавал, уточнив, когда ему выдвигаться к моему подворью.

– Едва услышишь наш первый залп, – ответил я. – Но помни, не выстрелы, а именно залп. И выходить тебе из дворца надо не к подворью, а тайным ходом через Сретенский собор на передний царский двор. Проход там заложен, но я сам проследил, чтоб и раствор был жидкий,

и кладка хлипкая, в один кирпич. Потому нынче же отряды ребят, и пусть они перед сном тихонько там все разберут. Завтра вы выскочите оттуда, и тогда у нас получатся клещи. Возможно, они и не понадобятся, но вдруг...

На клещах я и основывал свой расчет. На них да на эффекте неожиданности (жив, оказывается, князь Мак-Альпин) вкупе с хорошей боевой выучкой и организованностью. Ну и на небольшое количество мятежников. Учитывая любовь простых людей к Дмитрию, в заговор не может быть вовлечено много народу. Помнится, довелось мне читать у историков, что их насчитывалось всего-то две-три сотни. Почему-то эта цифра мне хорошо запомнилась. А учитывая более раннее начало мятежа (зима, а не весна), нежели в той, официальной истории, не исключено, что их окажется еще меньше. Хотя о чем я – гораздо меньше. Вон сколько их ратных холопов положили под старыми казармами мои гвардейцы, целую сотню. А потому завтрашнее дело представлялось мне не больно-то сложным.

Из-за этого я и не послал гонцов за остальными гвардейцами, пребывавшими вместе с Годуновым в Кологриве. Да и время не позволяло – слишком мало его осталось. Командиры стрелецких полков – иное дело, но я не мог предупредить и их. Правду-то не сообщишь, нельзя, ибо тогда у них возникнет логичный вопрос: а почему я не поведал обо всем самому царю? Сказать, как Головану, сердце недоброе вещует? Такого хватило для моего сотника, верившего мне на все сто, а для стрелецких командиров маловато.

«Да ладно, сам управлюсь», – беззаботно отмахнулся я. Куда хуже то, что мне никак не удавалось рассчитать нужное время выступления своих людей. А ведь требовалось попасть в самую точку – застать заговорщиков, пока они не разбрелись, но успели сотворить свое черное дело с Дмитрием. А предугадать время убийства нечего и думать. Неизвестно, насколько задержат мятежников наемные царские телохранители, куда метнется, спасаясь от убийц, сам государь и как долго будут его искать. Получалось, для правильного решения задачи, имеющей такое количество иксов, необходимо их резко поубавить. Следовательно, нужен наблюдатель, который, вернувшись, доложит о происходящем.

На эту роль вполне годился Дубец, но и ему нельзя было сообщать ничего лишнего. В самом деле, то я внушаю всем гвардейцам, что государь первый после бога², а тут сижу и жду, когда его начнут убивать. И что станет обо мне думать мой стремной? А потому пришлось поломать голову над тем, как грамотно поставить ему задачу, дабы и не выдать своих истинных намерений, и в то же время чтоб он не вернулся раньше времени обратно, тем самым вынудив выступать на выручку Дмитрию. Лишь покончив со всем этим, я направился в опочивальню, вознамерившись поспать часик-полтора – день предстоял тяжелый. Тогда-то мне и приснился этот сон. Станный, загадочный и... страшный.

Выбор... Что за выбор? Почему жертва, да еще человеческая? Нет, я уважал наших славянских богов и не возражал, когда моя ключница Марья Петровна пару раз призывала их мне на помощь, особенно бога удачи Авосья. Но насколько мне помнилось, о кровавых жертвоприношениях и речи не заходило. Они ж добрые. Если судить по Библии, пожалуй, куда добрее бога-отца. Тогда кому и зачем?

Брр! Я потряс головой, пытаюсь выкинуть сновидение из головы, и, дабы отвлечься, устался на напольные часы, стоящие в уголке кабинета, на увесистых ножках из слоновой кости. Их вид меня почему-то всегда успокаивал. Возможно, это происходило потому, что они как бы олицетворяли некую связь между мной и родным для меня двадцать первым веком. Все остальное было чужим, а эти ничем не отличались от каких-нибудь деревенских ходиков бабы Мани. Да, гораздо красивее, да и дороже во сто крат: слоновая кость, резные фигурки, сплошь

---

² Чтобы соблюсти равноправие с остальными богами, включая славянских – ведь не пишем же мы Бог Перун, Бог Авось, Богиня Макошь, – здесь и далее к словам «бог», «господь», «всевышний», «богородица» и тому подобным автор посчитал справедливым применить правила прежнего советского правописания.

и рядом серебро, но принципиальных отличий не имелось. Привезенные по моей просьбе из Европы купцом Барухом (но уже за деньги, в отличие от первых, что он мне подарил и которые остались в Костроме), они тоже имели двенадцать, а не семнадцать делений, и римские цифры, а не буквы, как тут принято.

Тик-так, тик-так – весело раскидывал маятник секунды, словно опытный банкомет карты – влево-вправо, влево-вправо, навевая покой на сердце и надежду, что у меня в очередной раз все получится, как надо. Кажется, помогло. Прочь ушли и тревожные воспоминания о страшном загадочном кошмаре, приснившемся мне, и сомнения в правильности моих действий. Да и, судя по стрелкам, пора переходить к водным процедурам. Недолго думая я снял с дежурства у ворот одного из трех караульных – все равно периодически бегают греться в караулку, для того и поставил третьего – и потащил с собой, чтоб помог принять душ.

Вода, которой он меня поливал, была ледяной, зато бодрила. Я стойчески выдержал первый ковш, второй, третий, пятый, а на восьмом вздрогнул от неожиданно раздавшегося колокольного перезвона.

– Час вроде неурочный, – удивленно заметил поливавший меня гвардеец. – Рановато к заутрене-то. Да и сам звон какой-то не такой.

«Началось...» – понял я.

Глава 2

Незванные гости

Неспешно одевшись, я вышел на крыльцо и убедился, что звон церковных колоколов и впрямь весьма и весьма отличается от обычного. Какой там призыв к молитве – скорее набат. Интересно, если патриарх Игнатий не связан с заговорщиками, а это вне всяких сомнений, кто мог отдать такую команду звонарям?

Прислушался. Точно, звон шел со стороны одной из церквей, что на Ильинке. Кажется, той, что возле Гостиного двора. Позже не забыть бы разобраться с тамошним священником, дьяконом и звонарем. Но тут ему стали вторить колокола на других церквях, и тоже набатом. Значит, одним священником или звонарем дело не ограничилось. Ну и ладно, этих мы всегда успеем взять за шиворот, а вначале нужно разобраться с главными заводилами. Но первым делом Дубец.

Пока бесцеремонно разбуженный мною парень торопливо одевался, влетел караульный с дозорной вышки, построенной по моему распоряжению где-то с пару месяцев назад Багульником. Он сообщил, что ворота Кремля открылись и через них к царским палатам валом валит толпа, возглавляемая двумя десятками конных бояр. Теперь окончательно ясно: началось. К сожалению, разглядеть – уж больно метет на улице – гвардеец сумел только братьев Голицыных и Шуйских, но мне хватило. Смутило, правда, число мятежников. По прикидкам караульного, не меньше пяти сотен.

– Слышал? – спросил я Дубца.

Тот молча кивнул.

– Понял, что оно значит?

Дубец потряс головой, по-прежнему не говоря ни слова.

– Скорее всего, до них долетела весточка о вчерашнем побоище, которое мы учинили их людям, – пояснил я. – Теперь они ринулись с жалобой к государю. Посему дождись, когда они встретятся с Дмитрием, и выслушай, в чем меня станут виноватить. Обратишь внимание не раньше чем услышишь ответ государя. И боже тебя упаси во что-нибудь встревать, – напоследок особо подчеркнул я.

Дубец торопливо закивал головой и упорхнул.

Так, теперь Годунов. Когда я закончу, нужно, чтобы он со всеми остальными гвардейцами находился на подъезде к Москве. Хорошо, что я вчера распорядился прихватить с собой в Москву тех «монахов» из числа тайных спецназовцев, которые помогли мне выследить ратных боярских холопов. Не всех – кто-то оставался в Бибиреве, кто-то в Медведкове, – но четверых, находившихся в старых казармах, я взял, опасаясь, чтобы их не запомнил в лицо кто-нибудь из раненых врагов. Что ж, весьма кстати. А еще лучше, что Обетник и Догад, возглавлявшие «монашеские» пятерки, тоже стояли рядом, ожидая распоряжений. А с ними Лохмотыш, руководивший пятеркой нищих, и Наян. Эти появились на подворье вечером, вызванные по моему распоряжению Багульником. Однако я прибыл из старых казарм слишком поздно, да и ситуация изменилась, поэтому потолковать с ними не получилось. Зато сейчас они пригодятся.

– Ты, – ткнул я пальцем в Обетника. – Отправь свою пару в Малую Бронную слободу. Там взять лошадей и пулей в Кологрив. Ксению Борисовну оставить в деревеньке под охраной полусотни, а Федор мне нужен здесь со всеми гвардейцами. А ты, Догад, посылай своих к стрелецким головам. Одного в Сретенскую слободу, второго в Замоскворечье.

– И чего сказать?

Я чуть помешкал, но, подумав, решил, что теперь скрывать свои знания ни к чему. Пусть считают, будто у князя возникла гениальная догадка.

– Бояре царя убить хотят, – выдал я.

– Царя?! Убить?! – почти в один голос выпалили все четверо.

А на лицах такой панический ужас, что я решил срочно переиначить. К черту ссылки на «гениальную догадку». Лучше поступим по-другому.

– Бояре. Царя. Убить, – твердо повторил я, пояснив: – Если государь, прислушавшись к боярским наветам, решит меня арестовать, то, прийти мне на выручку или нет, стрельцы еще подумают. Зато услышав такое о царе, они живо ринутся сюда.

– Так ведь за обман, когда он выяснится, может и не поздоровиться, – неуверенно начал Догад.

– Никакого обмана, – возразил я. – Откуда мне знать, для чего они вломились в Кремль? Вот я и решил, что такой толпой куда сподручнее не челобитную подавать, а бунт учинять. Особенно когда у каждого второго в руке пицаль.

– Тогда, может, лучше мне самому с такой весточкой отправиться? – предложил Обетник. – Ну-у для надежности.

– И к стрелецким головам лучше мне самому пробраться, – встрял Догад.

– Нет, – отрезал я. – Неизвестно, как оно обернется. Успеете пригодиться. – И я неспешно направился к остальным ратникам.

Часть их уже стояла во дворе, ежесекундно пополняясь чуть припозднившимися. Новость о том, что государь может приказать арестовать меня за вчерашнее побоище, восприняли с пониманием. Что я не собираюсь сдаваться в плен – тоже. Даже с воодушевлением. Общее мнение выразил сотник спецназа Вяха Засад:

– Покамест государь разберется в твоей невинности, бояре твои косточки давно обгложут. А мы за тебя, княже, постоим накрепко, не сумлевайся.

Я в общем-то и «не сумлевался», но лишний раз услышать такое все равно приятно. Вдохновляет, знаете ли, на новые свершения и подвиги. К тому же государь навряд ли разберется – покойников людские дрязги не волнуют. Ну а после гибели Дмитрия все окажется в точности как у моего любимого Филатова в «Сказе про Федота-стрельца, удалого молодца»: «Осерчал Федот, созвал честной народ...»

Но дальнейшие события пошли наперекосья. Вначале выяснилось, что посланные Обетником и Догадом монахи, не пройдя и десятка метров, оказались схвачены какими-то вооруженными людьми. Об этом мне доложил прибежавший караульный, видевший все собственными глазами. Правда, их не били – чай, иноки, – но и обратно на подворье непустили, а повели в Чудов монастырь. Получалось, мятежники позаботились об изоляции моего подворья.

Взлетев на вышку, я внимательно оглядел окрестности. Так и есть – все вокруг оцеплено. Людей хоть и мало, с полсотни, но зато на обеих улицах, ни пройти, ни выйти. Значит, мы блокированы. Станным показалось одно – почему бунтовщики оставили мало людей. Догадался я через минуту: на всякий случай. Бояре, по всей видимости, твердо убеждены, что здесь, кроме слуг, никого, а самого князя Мак-Альпина и его гвардейцев со вчерашнего вечера нет в живых. Выходит, не зря я послал Каравая – одного из тех, кто пытался убить меня и Годунова, – с ложным сообщением в Москву. Риск, конечно, имелся, но, учитывая оставленного у меня в заложниках родного брата гонца Горбушку, небольшой.

С одной стороны, эта блокада усложняла мои планы. Предстояло не просто прорвать ее, но и проделать это незаметно, дабы никто не смог предупредить мятежников, находящихся в Кремле, о выжившем князе Мак-Альпине. Зато, с другой стороны, у меня появлялось великолепное оправдание не спешить на выручку Дмитрию. Но вначале требовалось подумать, как быть с гонцами. Подкрепление требовалось позарез. Признаться, никак не ожидал такого коли-

чества врагов. И ведь караульный посчитал лишь тех, кто пробежал мимо моего подворья, а от Фроловских ворот к царским палатам есть и другая дорожка, да от Константино-Еленинских третья. Выходит, всего их как минимум тысяча, а то и полторы-две. Многовато.

И как быть? Открыть неприметную калитку, ведущую напрямую на подворье Троицкого монастыря? На нем вроде бы никого не видно, и, скорее всего, с этой стороны путь свободен. Но куда им уходить дальше? Через ближние к нам (всего-то полсотни метров) Знаменские ворота³ навряд ли получится, да и через остальные, ведущие к Пожару, тоже. Разве попробовать обходной путь через весь Кремль, например, к Портомойным воротам? Там-то есть шанс. Но в любом случае надо посылать самых изворотливых – Обетника, Наяна, Догада и Лохмотыша.

– А вот теперь в бой идут одни старики, – сообщил я им. – Слушайте внимательно, что вы должны передать стрелецким головам...

Двоим – Обетнику и Наяну – я велел затаиться на Троицком подворье и выжидать не меньше получаса. Вторая пара – Лохмотыш и Догад – проскользнула незамеченными, и на выходе из подворья их никто не остановил. Отлично. Теперь осталось дожидаться новостей от Дубца. Пока же я распорядился, чтоб каждый десятник распределил цели среди своих бойцов, и снова полез на вышку. Правда, как ни пытался разглядеть происходящее у Красного крыльца, не удалось. Видимость прочно загораживали звонница Ивана Великого и купола Успенского собора. И попенять некому – сам велел Багульнику установить ее в таком месте, откуда открывается наилучший обзор одновременно Никольских и Троицких ворот, которые ныне из-за метели разглядеть тоже не получалось.

В это время за звонницей грохнул одиночный выстрел из пищали. Та-ак, то ли подсутился кто-то из царских телохранителей, то ли заговорщики перешли к решительным действиям. И скорее всего, второе – не верилось, что немчура станет драться до последнего.

Людской гомон тем временем усилился, перейдя в торжествующий, но ненадолго. Почти сразу он сошел на нет. «Значит, ребятки вломились внутрь», – сделал я вывод. Но спешить не стоило. Если у Дмитрия получится затаиться в укромном местечке, отыскать его в хитросплетении галереек, каморок и комнатушек – задача не из легких. Даже в моем тереме при игре в прятки ищущему придется несладко, а он-то у меня куда меньше царских хором.

Ждать и догонять – хуже некуда. А тут еще и кошки на душе заскребли. Ведь чего я жду? Момента, когда убьют Дмитрия. Ну да, тем самым я вроде бы спасаю Русь от его идиотских задумок, которые при попытке их осуществления обильно зальют всю страну кровью. Но кто знает, если бы я попытался переубедить его, возможно, у меня бы это получилось. Вчера у меня не было для этого времени, но впоследствии... Не дурак же он, в самом деле! Да и логику понимает хорошо, проверено, и не раз. И потому, когда я, оглядывая в подзорную трубу окрестности, увидел его живым и невредимым, у меня на душе отлегло.

Нет, в самый первый миг я лишь тарасил глаза, недоуменно глядя на три фигурки, украдкой пробирающиеся между подворьем патриарха и Успенским собором, одна из которых... Ну точно, Дмитрий, а рядом с ним невесть откуда взявшийся казачий атаман Андрей Корела, и чуть впереди... Так и есть, мой стремной. Вот тебе и здрасте! И крадутся они, ежесекундно оглядываясь на Красное крыльцо, оставшееся у них далеко справа, именно в сторону моего подворья, поскольку ворота патриаршего они миновали. А вон Дубец уже поднял руку, сигнализируя караульному, ну и мне заодно. Вовремя. Замешкайся он на минуту, и их троицу непременно увидел бы кто-то из ратных холопов, выставленных боярами в оцепление подле Успенского собора. Вон они стоят. Двое прижались спиной к стене, третий выглядывает из-за угла, а чуть поодаль, у звонницы, еще парочка. Ну и с пяток, наверное, не меньше, которых мне отсюда не видно.

---

³ Ныне Троицкие ворота.

В следующую секунду я отдал команду караульному:

– Срочно вниз и передай, что князь распорядился сделать залп по всему боярскому оцеплению, выставленному у Успенского собора и звонницы Ивана Великого. А сразу после залпа пусть делают вылазку и... спасают государя.

Тот вытаращил на меня непонимающие глаза, поскольку без подзорной трубы разглядеть, кто именно торопится в нашу сторону, не мог – метель не утихала. Но переспрашивать не стал, опрометью метнувшись вниз.

Увы, но одними арбалетами обойтись не удалось. Кое-кого, да что там, добрую половину, не меньше, мои люди не заметили, и уцелевшие холопы из оцепления принялись нахально палить в ответ. Выстрелов было немного, всего-то пять или шесть, но и их хватило, поскольку кто-то недолго думая бабахнул не в сторону моего подворья, а в Дмитрия.

И попал...

Глава 3

Все меняется

По счастью, ранение государя оказалось легким – задели предплечье, да и то по касательной, – и, пока его перевязывали, я узнал от Корелы и Дубца кое-какие подробности царского спасения. Признаться, слушал краем уха, но основное уловил.

Оказывается, началось с казачьего атамана. В свое время он здорово командовал своими людьми, успешно защищая Кромы от многотысячного царского войска, за что Дмитрий, сев на трон, осыпал его серебром, и Андрей Корела, не зная, чем заняться, ударился в большущий загул, упайвая своих собутыльников чуть ли не вусмерть.

На кружечном дворе (так здесь именовали кабаки) несколькими днями ранее все и началось. Когда атаман, по своему обыкновению, уснул там, где и пил, то есть на лавке в одном из кружал, за соседний стол подседа парочка заговорщиков из числа рядовых. Корелу они не заметили, да и немудрено – росточку в нем, как говорится, метр с кепкой. Кроме того, есть у него две особенности. Даже будучи пьяным, атаман совершенно не храпит. Вторая же заключалась в том, что для передышки между выпивками ему требуется всего ничего, полчаса – час. Начала их беседы Корела не слышал – спал. Но ему вполне хватило середины и концовки, ибо они говорили хотя и намеками, не впрямую, но достаточно откровенно, и Андрей заподозрил неладное.

К Дмитрию со своей новостью он не пошел, ведь из их разговора следовало, что государь-то и есть главный подстрекатель, умышляющий на жизнь Федора Годунова и решивший его извести руками князя Мак-Альпина. На Годунова Кореле было наплевать, но дальше речь зашла, что надо порешить князя, а это совсем иное – ко мне он питал симпатию. Понравился я ему в Путивле своей простотой в общении. Да и мое ратное искусство во время дуэли с паном Свинкой ему тоже запомнилось. А уж когда мы с ним под Серпуховом лихо опрокинули по пять чарок, да еще за рекордно короткое время и с такими тостами, коих ему ранее слышать не доводилось, он и вовсе оказался очарованным.

Уже будучи в Москве, он как-то раз, когда мы с ним выпивали (забрел Андрей ко мне в гости от нечего делать, и пришлось выставить угощение), сам откровенно сознался, что среди всего боярского сброда уважает лишь одного меня. За что? Да за преданность Годунову, которого я не бросил на произвол судьбы в критический момент и неизменно продолжал хранить ему верность. Но тогда как Дмитрий Иоаннович сумел меня уговорить на предательство?

Словом, решив для начала прояснить все вопросы до конца, Корела, когда заговорщики разошлись, крадучись направился следом за одним из них. Тот подался на подворье к Голицыну. Памятуя о стойкой ненависти ко мне Василия Васильевича (да и немудрено, ведь именно я прошлым летом организовал расправу народа над боярином, тот только чудом остался жив), атаман окончательно зашел в своих размышлениях в тупик. Малость покумекав, он, желая разрешить загадку, решил поступить по-простому: улучшить удобный момент и припереть незадачливого болтуна к стенке.

Дежурство Корелы у подворья Голицына длилось два дня, но ратник не появился. Зато атаман подметил кое-что иное. Например, как оттуда вчера поутру выехал многочисленный, не меньше полусотни, вооруженный отряд, направившийся куда-то из Москвы. А вечером, спустя час после того, как там появился прискакавший неведь откуда заполошный гонец (по всей видимости, это был посланный мною Каравай), на подворье началось оживление. Тогда-то наконец оттуда выехал и ожидаемый атаманом ратник, в компании с двумя другими. Некоторое время они ехали вместе, а потом разделились. Куда направились двое остальных, Корела не видел – не разорваться же ему, – а его знакомец повернул коня к младшему из братьев

Шуйских. Андрей не мешал ему, но на обратном пути, успев выломать откуда-то из забора увесистую жердину, не мудрствуя лукаво ахнул всадника по хребту, а свалив его, потолковал по-свойски и выяснил то, что должно произойти утром.

Однако в Кремль идти было поздно – ворота закрыты, и навряд ли стрельцы его пустят. Кроме того, ратный холоп, назвавшийся Авдеем, слукавил, сообщив атаману неверные сведения о времени выступления – через два дня. Решив, что можно не спешить, Корела поплелся спать. Зато сегодня поутру, услышав набатный колокольный звон, он мгновенно смекнул о своей ошибке и ринулся к Кремлю.

К Никольским воротам он подоспел раньше заговорщиков. Стрельцы пропустили его беспрепятственно, и он что есть мочи припустил к Красному крыльцу. Маленький, кривоногий, но Корела каким-то чудом успел добраться до него раньше мятежников.

На его удачу, Басманов, ночевавший в ту ночь в царских палатах, как раз оказался на крыльце, недоумевая, к чему этот колокольный звон. Узнав от атамана о заговоре, Петр Федорович метнулся к Дмитрию с сообщением об измене. Государь поначалу не поверил, что ситуация не просто плоха, а чуть ли не безнадежна. Эти минуты промедления и оказались роковыми – заговорщики добрались до Красного крыльца, плотно обступив его – не скрыться. И тогда Басманов предложил государю вместе с Корелой добраться до стрельцов, охраняющих Кремль, а он сам тем временем станет тянуть время и заговаривать мятежникам зубы. На том и порешили.

Уходил Дмитрий по настоянию атамана через передний царский двор, куда некогда через арку Сретенского собора проник и я, спасая семью Годуновых. Отчего-то именуемый передним, двор оказался до умиления тих и безлюден, лишь издали слышались голоса. Один – басовитый, увещевающий – явно принадлежал Басманову, а прочие, то и дело зло перебивавшие его, бунтовщикам. Затем раздался выстрел из пищали, и больше Петра Федоровича государь не слышал.

Дмитрий с Корелой мрачно переглянулись и заспешили прочь, но, дойдя до забора, огораживающего двор, в растерянности остановились.

– Ну и что теперь? – осведомился Дмитрий, оглядывая непреодолимое препятствие и зло косясь на Корелу, словно тот собственноручно его воздвиг. – Эвон какой тын. Нешто такой перемахнешь? Кошку бы какую с веревкой, чтоб за верх уцепиться, а с голыми руками его нипочем не одолеть.

Но тут вверху мелькнула в воздухе черная тень, и в следующую секунду оба они растерянно взирали на спикировавшего через тын Дубца.

Мой стремной поначалу смешался с заговорщиками, стоящими в последних рядах. Однако, наблюдая за происходящим, он быстро скумекал, что дело худо, и ринулся обратно к моему подворью. Почти дойдя до Успенского собора, он слышал голос вышедшего на крыльцо Басманова и остановился поглядеть, как пойдет дело дальше. Расправа с Петром Федоровичем, в которого кто-то из первых рядов в упор выстрелил из пищали, изменила ход его рассуждений. Судя по сноровке и торопливости, с которой действовали мятежники, стало ясно, что князь Мак-Альпин навряд ли успеет прийти на помощь. И тогда он, вспомнив путь, которым полгода назад я с ним и еще двумя десятками ночью пробрался в опочивальню Дмитрия, решил поступить точно так же.

Неуклюже приземлившись в сугробе, Дубец сноровисто выбрался из него и отрывисто выпалил:

– Беда, государь. Басманова-то того, порешили. Да столь скоро, и слушать ничего не пожелали, что, сдастся, и с тобой речей вести не станут. Надобно бы тебе на подворье к моему князю. У него отсидишься, покамест стрельцы не подспеют.

Дмитрий радостно вспыхнул, но уныло покосился на забор и снова скис.

– Надо, токмо как? Это тебя князь летать выучил, а мне...

– Ништо, – бодро заверил его Дубец. – Счас подсобим.

Они с Корелой, держа Дмитрия на руках, вдвоем ухитрились забросить его, чтобы он уцепился за край тына. По счастью, бревна, вставленные в пазы столбов, располагались параллельно земле, и худо-бедно точки опоры для ног имелись. Вторым, стоя на руках стремennого, с прыжка уцепился за верхний край забора атаман. Третьим, быстренько вырвав оглоблю из телеги и использовав ее в качестве шеста, перелетел сам Дубец.

Оказавшись в пустынном проулке, мой стремennой первым делом критически оглядел царя, оценивая его гусарский парчовый полукафтан и красный бархатный доломан, и, скинув с себя зипунок, протянул его Дмитрию.

– На-ка тебе, государь, одежду, а то твоя больно видная. – И, дождавшись, пока тот напялит его на себя, скомандовал: – Ну а теперь за мной.

Зипунок-то и сыграл роковую роль. Зипунок и неумение государя держать язык за зубами. Из-за последнего на них обратили внимание, но в нарядно одетого, как знать, холопы палить бы поостереглись, а тут стреляли без разбору. Хорошо, угодили вскользь, ранение оказалось легким, однако кровавым, – наверное, пуля разорвала какую-то вену. Во время вылазки не до того, и, пока добрались до моего подворья и наложили тугую повязку, крови государь успел потерять изрядно. Хотя по его виду и не скажешь: бодр и... весел.

Последнему в немалой степени поспособствовала чаша красного вина, которую я ему поднес для поддержания сил. Да и изменившаяся ситуация вселяла в него боевой азарт – было-то из рук вон плохо, а сейчас вроде как ничего, и главные беды, по его мнению, остались позади. Вдобавок он пылал жадной мщенья, настаивая на немедленной атаке. Особенно его возмущала подлость помилованного им Шуйского.

– Да что ему от меня ныне-то надо?! Из ссылки воротил, вотчины обратно возвернул, тысяцким на своей свадьбе сделал, чего еще-то?! – вопил он.

– Ему надо от тебя все, что у тебя есть, – хладнокровно пояснил я. – Кажется, я тебя предупреждал: опасайся тех, кого простил, ибо великодушные тебе обязательно припомнят.

– Нет уж, – криво ухмыльнулся он. – Теперь моя очередь припоминать. А Мишку-иуду не на плаху – на кол посажу.

– Мишку? – недоуменно нахмурился я.

– Скопина-Шуйского, – пояснил он. – Я ему титул великого мечника даровал, а он...

– Что он?

– Ныне хватился, ан меч-то моего и нет! – с новой силой завопил Дмитрий. – То-то он вчерась допоздна в жмурки с нами игрался. И сам утек, паскуда, и меч мой прихватил. А ведь три дня назад чуть ли не в рот мне заглядывал, каждое слово на лету ловил. Ну, каково?!

– И об этом у нас с тобой разговор был, государь, – равнодушно пожал плечами я. – Обычно в рот для того и заглядывают, чтобы прикинуть, как поудобнее дать в зубы.

– А я, признаться, мыслил, будто опаска Басманова ложна. Ан поди ж ты... – грустно махнул он рукой.

– Опасения всегда сбываются намного чаще, чем надежды, – хмыкнул я.

– Чаще, говоришь? – Лицо Дмитрия скривилось в злобной ухмылке. – Ну я так думаю, что и у бояр на сей раз вместо надежд сбудутся именно они. – И неожиданно набросился на меня: – А чего мы здесь до сих пор топчемся?! Давай, князь, командуй своими людишками. Давно пора.

Я послушно кивнул, но остался стоять на месте. Командиры есть, руководят толково – и Сенька Груздь, и Вяха Засад. Если я появлюсь и внесу излишнюю сумятицу, окажется не лучше, а хуже. Точно так же я кивал, на самом деле ничего не предпринимая, и когда государь вторично потребовал от меня более энергичных действий. К тому же за то время, пока мы перевязывали Дмитрия, количество «бляжьих детей» (самый деликатный из эпитетов, отпущенных царем в адрес заговорщиков) выросло раз в пять и продолжало увеличиваться. При-

чина проста – мятежники, привлеченные выстрелами, скоренько успели вычислить, где находится сбежавший из своих палат государь, а потому ринулись к моему подворью.

Ну и куда тут лезть на рожон? Одно дело – отбиваться из-за высокого забора, время от времени постреливая и подкидывая боярским ратным холопам для полноты ощущений и охлаждения разгоряченных чувств гранату. Совсем иное – распахнуть ворота настежь и рвануть в наступление, где после первого залпа моих гвардейцев из арбалетов и второго – из пищалей решающим критерием окажется численность, которая, увы, далеко не в нашу пользу. Куда проще ждать подмоги, если... она придет вообще, ведь неизвестно, прошли мои тайные сквозь заслоны и удалось ли им добраться до стрелецких голов.

– На конях мы их вмиг рассеем! – орал на меня Дмитрий. – Не трусь, князь!

– Слишком мало их тут у меня, – возражал я. – Всего-то десяток, а остальные на Конюшенном дворе.

– Да нам с Корелой токмо двух и надо, – не унимался он, но осекся и, виновато покосившись на меня, поправился: – То есть трех.

Ах какой молодец! Значит, драпать удумал. А я и мои люди побоку, и что с нами станет – тоже. Хотя нет, в последний момент для хозяина подворья исключение сделано: ладно, возьмем. И на том спасибо.

– Ты не думай, – сконфуженно промямлил Дмитрий. – Я ж ненадолго. За стрельцами и обратно. – И вопросительно уставился на меня.

А может, и впрямь дать коней? Далеко им не уйти, и все вопросы окажутся решенными так, как надо. Но я отогнал коварную мыслишку прочь. Коль уж так вышло, придется защищать его безо всякого лукавства.

– Не дам я тебе коня, – ответил я. – Ты на нем больше двух десятков саженой не проедешь – слишком крупная мишень. В такую любой дурак попадет, и тогда...

Он нахмурился, очевидно представив последствия, но, не желая сдаваться, проворчал:

– Стой тут заместо меня ученичок твой, ты бы иначе себя вел и мешкать не стал.

– А вот тут ты и прав и неправ, государь, – усмехнулся я, пояснив: – Не скрою, вел бы я себя действительно иначе, но разница лишь в том, что мешкал и осторожничал еще больше.

Однако погода переменилась, и, увы, не в лучшую для нас сторону. Метель, словно по заказу мятежников, утихла, чем атакующие попытались воспользоваться. Все чаще и чаще в бревна моего терема впивались горящие стрелы. Гасить их нечего было и думать. Из окон второго и третьего этажей не высунуться – пристрелят в два счета, а с земли не достать, хотя мои люди и пытались, всюю орудя кошками. Но на каждую стрелу, которую удавалось сорвать со стены, приходилось по три-четыре новых. Пламя постепенно разгоралось, пускай и медленно, отдельные робкие очажки огня начинали сливаться, грозя вот-вот запылкать с неистовой силой.

Впрочем, почему вот-вот? Скорее *уже*, ибо ближайший к Чудову монастырю угол терема оказался наполовину объят пламенем. Смежные с ним стороны горели слабее, но ведь горели. А помимо терема занялся и амбар с припасами, и прочие строения. Исключение одно – конюшня, расположенная в глубине двора, но толку с того. Отсидеться в ней нечего и думать. И до того момента, когда мы окажемся в огненном кольце, остается совсем недолго, от силы час. Получалось, отсидеться и впрямь не выйдет.

Когда я, выслушав доклады своих людей, сообщивших о положении дел, известил Дмитрия о решении идти на прорыв, тот возликовал.

– А я предупреждал тебя! – торжествующе взвыл он. – Ну и куда мыслишь податься?

– Вначале попробуем в сторону Запасного дворца. Там у меня еще полсотни ратников, – твердо ответил я, быстро прикинув складывающуюся ситуацию. – Соединимся – и на Конюшенный двор, а от него и до Боровицких ворот рукой подать.

– Мои палаты куда ближе! – возмутился Дмитрий.

– Сейчас гораздо важнее вырваться из Кремля, – пояснил я.

– Все равно далеко. Тогда лучше к Знаменским воротам – они эвон где, под боком, а уж когда доберемся до стрельцов, я первым делом... – И он мрачно засопел, сжимая кулаки.

Вообще-то резон в его словах имелся, но мне припомнились кое-какие эпизоды из биографий большинства стрелецких командиров. Дело в том, что я в свое время интересовался их, так сказать, анкетными данными и наткнулся на одну любопытную детальку. Вроде бы ратный путь у всех разный, но у многих присутствовал один общий нюанс – в свое время они были за приставами, то бишь надзирали и конвоировали в ссылки опальных бояр. Да не простых, а самых именитых. Иван Юрьевич Смирной-Маматов караулил Василия и Ивана Романовых, а до этого за ними надзирал Иван Некрасов, бывший тогда стрелецким сотником, а ныне тоже ставший головой. Донесения Богдана Воейкова, бдевшего за Филаретом, в миру Федором Никитичем Романовым, мне в свое время давал читать старший Годунов. Это третий из командиров. Еще двое присматривали за князьями Черкасскими. Василий Хлопов за князем Иваном, а Давыд Жеребцов за сосланными на Белоозеро его женой и прочими Романовыми, включая детей Филарета.

Ничего не скажешь, умел подстраховаться покойный государь. Такие, услышав боярские рассказы об убийстве мною младшего Годунова, из мести за престололюбителя могут меня и на клочки порвать, ничего не дав объяснить. А если и уцелею, то доказывать обратное и мне и Дмитрию придется долго. Пожалуй, слишком долго. И пока они будут колебаться, заговорщики, улучив момент, жahnут по нам в упор, и всего делов. Однако вслух говорить ничего не стал, пояснив свой отказ иначе:

– Туда не добраться, увязнем. Во-первых, бояре тоже рассчитывают, что мы, скорее всего, пойдем к Знаменским. Да и забор у меня с той стороны деревянный, поэтому атакующих возле него собралось намного больше. Кроме того, стоит нам выйти и завязать перестрелку, как им на помощь ринутся те, кто пока осаждает подворье Семена Никитича Годунова, которое ты отдал под проживание своему тестю Мнишку.

– Тогда давай к Тайницкой, – выдал новую идею Дмитрий. – Там и к реке тайный ход есть, и подземный проход через весь Кремль. А он не токмо до Никольской башни тянется, но и далее, ажно чрез Алевизовский ров и Пожар на Никольскую улицу.

– Славная мысль, – одобрил я. – Но пока загадывать не станем. Поначалу давай доберемся до Благовещенского собора, а там увидим, куда уходить дальше: то ли направо, к Запасному дворцу и на Конюшенный двор, то ли прямо к Тайницкой.

– Быть по сему, – согласился Дмитрий. – Но решать буду я, а потому и твоими людишками распоряжаться стану сам. – И он, чувствуя мои возможные возражения, привстав, несмотря на внушительные каблуки сапог, на цыпочки, грозно добавил: – И не перечь!

Я оценивающе посмотрел на него, представил, сколько моих людей погибнет, выполняя приказы этого азартного неумехи, уже сейчас рвущегося в атаку невзирая ни на что, и решился. Он открыл было рот, желая отдать первую команду, но не успел.

– Остановись, государь, – твердо сказал я. – Они – мои люди, и распоряжаться ими я никому не позволю.

– Ты в своем уме, князь?! – опешив, уставился он на меня. – Али под шумок тоже из повиновения решился выйти?

– А я и не входил, – парировал я. – Если ты помнишь, меня наняла на службу королева Ливонии Мария Владимировна, и я тебе пока не подчиняюсь. Да и сюда в Москву я прибыл в числе ее посольства, а они, – кивнул я в сторону гвардейцев, – меня сопровождают. Потому будет по-моему. – Но по возможности смягчил свой отказ: – Да и не знаешь ты, как правильно ими командовать.

– А может, проще? – криво ухмыльнулся он. – Можя, и ты втайне на *их* сторону решил встать? – кивнул он на ревущих за воротами заговорщиков. – То-то я гляжу, ты вчера меня ни о чем не упредил.

– Ты в жмурки игрался, – напомнил я. – Да еще сказал мне, будто сам знаешь. А до того и Басманов подтвердил, что ему обо всем известно. Про день выступления мне и вовсе невдомек было. Но если бы я втайне за *них* стоял, тебя бы давно связанным выдал. Или подождал, когда ты из-за Успенского собора выйдешь, а там тебя бы и схватили. Убедил?

– Ладно, о том опосля потолкуем, – отмахнулся Дмитрий и недовольно отступил в сторону, буркнув: – Командуй людишками... королевы... герцог Эстляндский.

Ох, чувствую, боком мне мое упрямяство выйдет. Не зря он помянул мой новый титул, ох не зря. Плакало мое боярство. Ну и пес с ним, зато ребят уберегу. Не всех, конечно, как получится. А боярство? Да к черту его! И очень хорошо, что не получу. Заседать в Думе? Увольте. Да я на первом же заседании гикнусь от теплового удара. Это Мстиславскому и прочим привычно таскать на себе зипун, кафтан, охабень, а поверх них еще и две шубы, а на мой взгляд, в царских палатах и в нормальной одежде парилка – слишком старательно их протапливают. Опять же и вставать надо ни свет ни заря, а мне такой распорядок – нож острый, сова я по натуре.

Наскоро утешившись этим, я остановил своего сотника, выскочившего из-за угла терема с пятью гвардейцами и опрометью летевшего к деревянному флигельку, и осведомился у него, сколько у нас осталось гранат.

– Пяток, – выпалил Груздь, пояснив: – Я их на крайний случай у себя оставил.

– Молодец, – похвалил я.

– Токмо нам тут не... – Он смущенно замялся, не став ничего предлагать, но выразительно кивнув на горящий терем.

– Вижу, – кивнул я, распорядившись: – Готовь людей к отходу. Направление: проход между Успенским собором и звонницей Ивана Великого. Выходить будем через передние ворота. Фитили у пищалей запалить, арбалеты перезарядить. Конечная цель – Благовещенский собор. Когда минуем, скажу, куда дальше.

– С той стороны терема забор каменный, а чрез ворота всем враз не пройти, – напомнил Груздь.

– Не пройти, – согласился я, – но ничего страшного. Раздели людей на две полусотни. Одну отдашь мне. Порядок следующий. Твои люди метнут все пять гранат за ворота, после чего дают залп прямо через забор по уцелевшим. В это время моя полусотня открывает ворота, выбегает на улицу и занимает позицию у подворья, перегораживая мятежникам путь. Ты со своей второй, сделав залп, выбегаешь следом и ставишь людей в две линии ближе к Успенскому собору. Дистанцию держим друг от друга в пятнадцать – двадцать саженей. Далее все как обычно, то есть в точности как учили действовать при отступлении. Не забыл, как оно делается?

– Наука нехитрая, – хмуро кивнул тот.

– Тогда распределяй людей. Времени тебе два дробных часовца⁴, посему поторопись. Но вначале сыщи мне Вяху и пришли вон к тому деревянному сарайчику, – кивнул я и остановил Багульника, велев ему тихонько провести всю дворню на Троицкое подворье да пояснить монахам, чтоб не поднимали лишнего шума.

Тот недовольно скривился, попросив для себя дозволения вернуться после выполнения моего поручения, но я остался неумолим, не желая «засвечивать» своего дворского. Слишком

---

⁴ Слова «минута» в то время на Руси не существовало. Час делили на шесть дробных часовцев. Они, в свою очередь, делились на десять часец, которые, по сути, и являлись минутами. То есть в данном случае речь идет о двадцати минутах.

хороша голова у парня, чтоб ею рисковать. Не зря я выбрал его главным координатором действий моих тайных спецназовцев.

– Звал, кня... – Опрометью влетевший в сарай командир сотни спецназа Вяха Засад осекся на полуслове, оторопел при виде раздетого Дмитрия. Рот его так и оставался открытым, пока он во все глаза таращился на царя, стоящего в одном нижнем белье.

– Ну чего уставился? – буркнул я. – Государя голого не видел?

– Не-э, – простодушно протянул Вяха, глуповато улыбаясь.

– Потом разглядишь, а пока подбери десяток самых шустрых спецназовцев и пришли сюда, – велел я, пояснив: – Они уйдут конно и наособицу, в другую сторону. И включи в этот десяток такого человечка, чтобы он ростом, цветом волос и осанкой немного напоминал Дмитрия.

– Да где ж я его?! – в изумлении всплеснул руками Вяха.

– Сказано же: немного, – повторил я. – Хотя бы издалека. Остальные твои люди пойдут вместе с нами. Вооружение обычное, но пускай прихватят и особое снаряжение: кошки, веревки и прочее. Мало ли. Но запомни: оборона – дело мое и Груздя, а твое – прикрыть государя и... – Я оглянулся, но казачьего атамана не увидел.

Вяха догадался, кого я ищу, и торопливо пояснил:

– Мы ему пищаль дали. Теперь бегают по двору да стреляет почему зря.

– Вот их обоих и будете прикрывать, – кивнул я.

Десятку, которому предназначалось отвлечь мятежников, задачу ставил я сам, но вначале приказал Лихарю, отобранному Вяхой в качестве двойника Дмитрия, надеть одежду государя. Пока тот переодевался, я инструктировал остальных. Их задача заключалась в том, чтобы дождаться нашего второго залпа, после чего открыть передние ворота и во весь опор мчаться через дорогу к Чудову монастырю, а там по обстановке. Если впереди, на пути к Никольским воротам, никого нет, то туда. Если есть, то в зависимости от количества врагов. Коли их окажется много, тогда через забор и в Чудов монастырь. Частокол у монахов дай боже, не меньше двух с половиной метров высотой, но, встав на седло, перемахнуть его нечего делать. Зато пока преследователи побегут в обход, весь десяток успеет спрятаться.

– Но тебе самому, – ткнул я пальцем в переодевающегося Лихаря, – через забор прыгать запрещаю. Будете ему помогать, – повернулся я к остальным. – Вдвоем ухватите его за ноги и подкинете вверх. Когда уцепится за край забора, дальше сам управится.

– Чай, я и без них сумею, – обиженно протянул тот.

– Да и время потеряем, – добавил их десятник Кострик.

– Нельзя, – отрезал я, – а то догадаются, что он не государь. – Я окинул спецназовца оценивающим взглядом, прикидывая, сработает ли подмена, и на всякий случай предупредил: – Да гляди, Лихарь, не вздумай оборачиваться в сторону бояр. Вмиг распознают. И когда подле забора будете, – возникла у меня дополнительная идея, – крикните чего-нибудь эдакое, чтоб было понятно: подсаживаете самого Дмитрия Ивановича. Ну к примеру: «К матушке в келью беги, государь». А если к Никольским воротам направитесь, тоже на ходу кричите: «К Никольским, государь, к Никольским правь. Там стрельцы, они заступятся». Но тогда Лихарь должен быть впереди всех.

– А ежели взаправду, то куда нам бечь, опосля того как мы в Чудов попадем? – поинтересовался Кострик.

– Взаправду?.. – Я задумался. – Так у вас действительно один путь – к воротам. А как каким – сами разберетесь. Доберетесь до стрельцов, твердите одно: бояре государя убивают. Пока он жив, но нужно торопиться. Все понятно?

Те дружно закивали головами.

– Тогда седлайте коней...

Теперь осталось предупредить государя, чтобы он не вздумал лезть со своими командами, ибо хуже неумелого командира может быть лишь одно: когда их сразу двое. Помнится, это хорошо доказал еще Ганнибал на примере римских консулов. Я почесал в затылке, подыскивая слова повежливее, чтоб Дмитрий не обиделся, но в это время у задних ворот возникло подозрительное затишье. Не иначе как мятежники что-то задумали. Я направился туда, но вмешаться не успел...

Глава 4

Потери небольшие, но...

Оказывается, Василий Шуйский, отрядив своих людей на подворье Владимирского Рождественского монастыря, благо что оно располагалось неподалеку от моего (тоже в Кремле, подле Никольских ворот), повелел доставить настоятеля этого монастыря архимандрита Исайю – царского духовника.

Поставив его перед нашей калиткой, мятежники отхлынули на внушительное расстояние, принявшись горланить, чтоб мы открыли ее и впустили «божьего человека». Увы, но я подоспел слишком поздно, когда гвардейцы, выполняя повеление Дмитрия, пропустили архимандрита внутрь. Вообще-то мудро придумал боярин. Вдруг Исайе удастся уговорить царя добровольно сдаться.

«Час от часу не легче», – вздохнул я, увидев знакомую фигуру. Нет-нет, конкретно против самого отца Исайи я ничего не имел. Скорее наоборот. Один из немногих священнослужителей, которого я искренне уважал. Чем-то напоминал он мне погибшего отца Антония. Возможно, взглядом. Царский духовник всегда смотрел на собеседника чуточку с грустинкой и эдак всепонимающе. С таким и впрямь хочется поделиться самым сокровенным и облегчить душу, ибо верится – все поймет, не осудит, да еще и слово утешительное найдет, поддержит.

Другое дело, что тут и сейчас он мне как пятое колесо в телеге. И опять-таки не потому, что тот действительно начнет уговаривать Дмитрия сдаться. Это дела мирские, а в них отец Исайя, насколько я знал, практически никогда не влезал, строго ограничиваясь духовными: спасение души, исповедь, отпущение грехов, утешительное слово, наставление и всякое такое. Вот и теперь он, коротко благословив на ходу всех гвардейцев и направившись к Дмитрию, не стал лезть ни с какими советами, а просто успокаивал разгоряченного царя. Но нам же вот-вот идти на прорыв, и куда его девать?! Хотел отправить обратно, хотя и рискованно – осаждающие могли изобрести какую-нибудь хитрость и попытаться ворваться, но архимандрит наотрез отказался.

– Невесть как оно тут сложится, княже, а потому, яко духовный наставник государя, в сей тяжкий час суровых испытаний должен быть подле него, – пояснил он. – Я ведь и сам в его палаты идти собирался. Когда за мной пришли, я уже в полном облачении был.

– Пуля – дура, она не разбирает, кто есть кто, – предупредил я.

– А я ее словом божьим, – слабо улыбнулся он. – Кто ведает, вдруг забоится да в сторону вильнет.

Ишь юморист! Нашел время для шуток.

– Хоть кольчугу под рясу поддень, – взмолился я. – Убьют ведь!

– Ну так что с того, – пренебрежительно пожал плечами он. – За венцом мученическим не гонюсь, но господу виднее. Какая чаша мне уготована, ту и приму.

– Понятно, – кивнул я, чувствуя, что никакие уговоры не помогут.

Пришлось срочно вызывать Вяху, дабы он перераспределил своих людей. Тот оценивающе покосился на архимандрита и кисло скривился:

– Не поспеть ему за нами.

– Главное, чтоб твои люди поспевали вовремя взять его на ручки, если потребуется бежать, – парировал я. – Тяжело, конечно, но он без шубы, да и весит не столь много. Разрешения не спрашивать. Без лишних разговоров, молчком ухватили и понесли. Думаю, брыкаться не станет.

– А не грех?

– Грех, если не убережете, – пояснил я. – А спасать от смерти – дело богоугодное. Все, иди перераспределяй, да побыстрее.

Чертик из табакерки выскакивал не столь проворно, как мои гвардейцы из задних ворот, мгновенно выстраиваясь в две линии. Первая, примерно в три десятка, припала для удобства ведения стрельбы на одно колено, используя руку в качестве упора. Вторая линия за их спинами сноровисто устанавливала стволы пищалей на сошники бердышей.

Оставшиеся в подчинении Груздя спешно бежали в сторону Успенского собора. Большая их часть должна была метров через тридцать притормозить, развернуться лицом к погоне и образовать такие же две линии, как у меня. Меньшей части – десятку спецназовцев, охранявшему Дмитрия, отца Исаяю и Корелу, – предстояло держаться за их спинами. Самостоятельно бежать дальше, в проход между звонницей Ивана Великого и Успенским собором, рискованно. Вдруг возле царских палат остались мятежники. Нет уж, пусть постоят подле Груздя.

Мятежники в первые секунды атаковать не ринулись – помогло мое появление. Те из рядовых участников, кто не был посвящен в суть заговора, обалдели. Всего несколькими часами ранее им сообщили, что князь Мак-Альпин, убивший Федора Годунова, тоже погиб, а тут нате-здрасте, жив-здоров и на покойника никаким боком. Замешкались и бояре, но ненадолго. Спихватившись, что добыча ускользает, они погнали своих ратных холопов в атаку.

– Первая линия, пли! – рявкнул я, когда особо ретивым и шустрым оставалось до нас три десятка метров, не больше.

Раздался дружный залп. Навряд ли хоть одна пуля оказалась истрачена впустую – в такой тесноте промахнуться невозможно. Атакующие ахнули, взревели – кто от боли, кто от ужаса – и отпрянули, вжимаясь в бревенчатые заборы по краям дороги, а то и просто рухнув в первый попавшийся сугроб и застыв в нем, не шевелясь и закрыв лицо руками.

– Вторая, товсь! – отдал я новый приказ.

– Ну же! Чего ждете?! – заорал на своих вояк Голицын. – Покамест у них ручницы разражены, давайте дружно! Успеете!

Зараза! У меня прямо руки зачесались снять его с лошади. Жаль, Дмитрий во всеуслышание заявил, что запрещает стрелять в бояр, мстительно упомянув об иной казни, которая их всех ждет опосля. Или все-таки эдак случайно всадить пулю? Я воровато оглянулся, прикидывая, заметит царь мое своеволие или нет. Кажется, смотрит на меня. Ладно, пускай поживет, гад.

Толпа меж тем загомонила, некоторые сделали пару робких шагов вперед, но дальше не пошли, остановились. Еще бы. Чай, не дураки и видят, что заряжают лишь гвардейцы первой линии, а вторая готова к стрельбе. Словом, призыв боярина пропал втуне. Зато Шуйский сообразил способ получше. Нет, ей-богу, когда на кону твоя собственная жизнь, изобретательным становится каждый. Прекрасно понимая, что теперь ему либо удастся прикончить Дмитрия, либо придется расстаться с белым светом, и скорее всего в мучениях, Василий Иванович нашелся:

– А у вас самих чаво, пищалей нетути?! С нами бог, он подсобит не промахнуться. Стреляйте в них, робяты, стреляйте. А кто в еного дьявола иноземного попадет, тому тыщу рублев жалую.

«Ого, – восхитился я, наслышанный о скупости Шуйского. – Ай да Мак-Альпин! Какого Плюшкина раскрутил. Значит, кое-чего стою». Но рисковать людьми не хотелось, и я, мельком глянув назад и убедившись, что большая часть гвардейцев в двух линиях Груздя, выстроившихся метрах в тридцати позади нас, перезарядила пищали, скомандовал:

– Огонь! – и сразу после залпа распорядился: – Все. Отходим. Следующий рубеж между стенами собора и звонницей.

Момент отступления был самым опасным. Преследовать навряд ли решатся, но кто может помешать палить нам в спины? И пусть они защищены полубайданами, бахтерцами, колонтарями, юшманами – словом, средневековыми бронежилетами, но в их надежность верилось плохо. Одно дело, когда пуля попадает в пластину юшмана с расстояния в триста метров, и совсем иное – с полусотни. Вдобавок почти все они короткие, до пояса, а многие и без рукавов, то есть ноги и руки вообще не защищены.

Однако обошлось. Помогла образовавшаяся густая дымовая завеса (да здравствует черный порох!) и возникшая сумятица. Не зря же я приказал спецназовцам выскакивать за ворота именно после второго залпа. Едва мы устремились к линиям Груздя, как за спинами осажденных с моего подворья рванулись всадники. Судя по растерянным возгласам, бунташный народ оказался в ступоре: кого преследовать в первую голову? Словом, моя задумка оправдалась – кое-кто решил, что царь действительно среди конных беглецов, и спешно ринулся в погоню за ними, а остальные застыли в нерешительности.

Обольщаться не следовало. Через пару-тройку минут подмену распознают. А кроме того, я для верхушки мятежников столь же опасен, как и государь. Но хорошо хотя бы то, что по моей полусотне практически не стреляли вдогон, и мы преспокойно миновали выстроившуюся в две линии полусотню Груздя.

– Едва крикну, что готов, сразу делай второй залп и бегом на новые позиции, – предупредил я, чуть тормознувшись возле сотника.

Тот кивнул, а я устремился за остальными гвардейцами. Первые из добравших до нового рубежа уже спешно растягивались в две линии.

«Ай молодцы! – мысленно одобрил я их. – Действуют на загляденье, словно на ученьях» – и гаркнул во всю глотку, чтобы слегка скинуть напряжение и добавить бодрости:

– Поспешай, ребята, а то щи с кашей на столах остывают!

Шутку мою поняли. Кто-то хмыкнул, а кто-то и улыбнулся, вспоминая старые казармы под Москвой. Именно там, чтобы не тратить уйму времени на специальную отработку этого сложного элемента отступления, я и ввел правило для всех сотников: возвращаться с занятий не просто так, но... отступая. И, повинувшись своим командирам, будущие гвардейцы не шли к столовой, а «отступали» к ней всю дорогу – разделившись на полусотни и перебежками, то и дело выстраиваясь в две линии и оцетинившись ручницами. И такие тренировки проводились каждый день.

Поначалу дело шло не ахти, и пришлось ввести для нерадивых наказание. Сотне, плохо исполнявшей этот маневр, отдавалась команда... перейти в наступление. То есть приходилось бежать «в атаку», по сути возвращаясь обратно, и начинать «отступление» заново. Тогда-то кое-кто из сотников и напоминал своим подчиненным про остывающие щи да кашу. Зато теперь этот элемент выполнялся всеми чуть ли не на автомате, никакой толкотни, каждый четко знал свое место и быстро занимал его.

Но радовался я недолго... Увы, мои опасения насчет тыла оказались не напрасны. Из дворца для осады моего подворья действительно прибыли не все заговорщики. Дело в том, что сброд, имевшийся в распоряжении мятежников, в корне отличался от моих гвардейцев, не приученных к грабежу. Изрядное количество ратных холопов, едва вломившись в царские палаты, пользуясь случаем (когда еще подвернется такая шикарная возможность?!), принялись хапать все, что попадалось под руку, вплоть до нарядных тканей, коими были обшиты покои Марины Юрьевны, и даже... подушек с перинами. Особо жадные, не удовольствовавшись туго набитой пазухой, сноровисто соорудили узлы из содранных со стен тканей, в которые увязывали награбленное добро. И как они ни торопились, но грабеж – чересчур увлекательное занятие, и пока они этим занимались, то, вполне естественно, изрядно подзадержались.

Словом, когда Микита Голован услышал первый залп и, проникнув на передний царский двор, ринулся с него в палаты, ему было кого изгонять из них. И остатки мятежного сброда,

ошалевшие, но, увы, пищали не бросившие, повывлетали из дворца как раз в то время, когда оборону в узком пространстве между стенами Успенского собора и звонницей Ивана Великого держала моя полусотня, а гвардейцы Груздя уже устремились к Благовещенскому собору. Да тут еще сам сотник, увидев знакомые лица гвардейцев Микиты Голована, радостно протянул:

– Наши подросли! Ну теперь держись!

И Дмитрий, воодушевленный тем, что пришла подмога, а враг бежит, недолго думая крикнул гвардейцам Груздя:

– За мной! – и ринулся в атаку.

Был бы на его месте кто иной, мои ратники навряд ли его послушались. Но повелевал сам государь, и вновь сказалось мое отсутствие. Хотел сотник встрять и отменить его приказ, но не решился. Спецназовцы, назначенные в царскую охрану, тоже не ожидали от него такой прыти, а потому, метнувшись вслед за государем, дабы взять его в защитное кольцо, сделали это с небольшим запозданием и догнать его не успели. Да, подавляющее большинство мародеров ринулось наутек, не думая об обороне, но кое-кто успел выстрелить. Таковых оказалось немного, десятка два, но четыре пули угодили в цель. Взметнулся в отчаянном прыжке Корела, бывший подле царя, чтоб закрыть его своим телом, но поздно – свинец угодил Дмитрию в грудь. Да и немудрено, бежал-то он впереди всех.

Когда я со своими людьми подросел, трое моих гвардейцев и государь лежали на снегу. Едва глянув на него, я понял, что дело худо – на белой рубахе чуть повыше сердца зловеще расплывалось темно-багровое пятно. Приемлемый выход оставался один – немедленное отступление. Но куда – в царские палаты или в Запасной дворец? Не знаю, что бы я выбрал, но когда встал с колен и огляделся по сторонам, то заметил слегка приоткрывшуюся дверь Успенского собора и выглядывающее из-за нее бородатое лицо какого-то не в меру любопытного дьякона или священника. Я указал на нее и распорядился:

– Государя и прочих раненых на полушубки и в храм. Груздь, командуй. Вторая полусотня вместе со мной в атаку. Впере-од!

Иначе было нельзя, поскольку всем сразу не войти и у дверей храма неизбежно образовалась бы толкучка. Мы вновь метнулись в проход между собором и звонницей и всадили первый залп чуть ли не в разинутые глотки ошалевших преследователей, никак не ожидавших такого поворота событий. Толпа в панике отхлынула, огрызаясь разрозненными выстрелами, но особого урона они нам не нанесли, слегка зацепив двоих. Образовавшиеся полминуты мы использовали на всю катушку, успев перезарядить пищали, после чего половина гвардейцев, по моей команде дав второй залп, ринулась к дверям собора. Выждав минуту и бабахнув напоследок третий раз, следом отправилась оставшаяся часть полусотни. Особо смелым преследователям досталось по арбалетному болту.

Едва мы оказались внутри Успенского собора, я, бегло оглядевшись по сторонам, понял, что спонтанно выбранный мною вариант действительно самый лучший. Во-первых, храм чрезвычайно удобен для обороны. Оконца узенькие, не больно-то пролезешь, да и расположены они высоко. Залезть через них внутрь можно исключительно с лестницы. Закидать через них храм факелами? Но и тут радости для атакующих мало – почти все каменное, кроме икон и алтаря, гореть, по сути, нечему. Получалось, единственное уязвимое место – двери. Натаскать к ним побольше хвороста, запалить, а когда прогорит, протаранить – это куда ни шло. Но опять-таки дверей куда меньше, чем в палатах, и выглядят они не в пример крепче: тяжелые, дубовые.

Во-вторых, на моей стороне была психология. Одно дело – штурм дворца. Никаких вопросов, связанных с верой, не возникает. А идти на приступ храма, да какого – одной из главных святынь Кремля, – многие призадумаются. Не вожаки, нет. Бояре-мятежники колебаться не станут. Чтобы уцелеть самим, у них один выход – убить Дмитрия. Ну и меня заодно, ибо слишком много знаю. Зато для рядовых дело иное. Следовательно, если их ратные холопы

и станут выполнять приказы своих командиров, то нехотя, с изрядной долей боязни перед карой господней за подобное кощунство.

И в-третьих, пока мы дотащили бы царя до его палат, тем паче до Запасного дворца, первую помощь оказывать было бы некому...

Забаррикадировавшись изнутри и распорядившись расставить людей по всему периметру и по десятку на каждые двери, я подозвал Вяху и ткнул пальцем в окна:

– Сооруди из своих людей с каждой стороны по «пирамидке», да троих пошли наверх – пусть глядят, что творится подле кремлевских ворот, – и сунул ему в руки подзорную трубу.

– Ежели «пирамидки» ставить, боюсь, лики свалим, а то и того хуже, – возразил командир спецназовцев.

Я задумчиво посмотрел на иконы, густо усеивающие стены, в том числе и под окнами. Действительно, можем испачкать, и потом злые языки наговорят про мое войско, что оно действовало хуже, чем басурмане в храме Святой Софии после взятия Константинополя.

Пришлось искать отца Лазаря – протопопа и настоятеля этого собора. Тот буквально за минуту до нашего появления в храме закончил служить заутреню и послал одного из дьяконов поглядеть, что творится на улице. Сообщить дьякон не успел... При виде вооруженной толпы, ввалившейся в храм, отец Лазарь поначалу перепугался, решив, будто это ляхи, но, заслышав русскую речь, ободрился, хотя и ненадолго, ровно до того момента, пока не признал в лежащем на полу собора тяжело раненном человеке самого царя. Когда я его выдернул из толпы, окружившей Дмитрия, бледный протопоп, вытаращив глаза, смотрел, как мои гвардейцы бинтуют государя, не в силах поверить в творящееся кощунство.

Нежненько взяв отца Лазаря под локоток, я коротенько обрисовал ему сложившуюся ситуацию, изложив о возможных перспективах штурма собора, и попросил скоренько снимать иконы под окнами: вон тут, здесь, вон там и там, ибо мне нужно приставить к окнам наблюдателей, а потому лики святых, угодников и прочих мучеников могут пострадать. Поначалу, ошарашенный происходящим, он толком не понял меня. Хорошо, удалось выцепить какого-то дьякона Филимона, у которого соображаловку заклинило не столь сильно. С помощью его и пары-тройки служек – мальцов лет пятнадцати – мои спецназовцы принялись сноровисто снимать иконы, а я поспешил к Дмитрию, которого заканчивали перевязывать.

Глава 5

Царское завещание

Государь лежал на заботливо подстеленных полушубках подле Царского места (деревянное сооружение, напоминающее небольшую беседку), отчего-то именуемого Мономаховым тронem. Внутри не заносили – там лежать не поместиться, да и подле раненого уже никому не встать. Рядом с Дмитрием лежали двое моих гвардейцев (еще четверо оставались на ногах, пока их бинтовали). Их тоже неплохо зацепило, но степень ранений не шла ни в какое сравнение с царскими.

«Все-таки надо было настоять, чтоб он поддел под полушубок хотя бы юшман», – мрачно подумал я, склонившись подле него и с тоской глядя на страшное багровое пятно, расплывшееся у государя на груди поверх белой перевязочной ткани.

Оставалось надеяться на лучшее и просить Дмитрия держаться и не закрывать глаза, как бы того ни хотелось. Он старался, но с каждой минутой заметно слабел. Тяжело дыша, с пузырящейся на губах розовой пеной (не иначе как задето легкое), он не говорил – выкашливал каждое слово. Я просил его помолчать, но он не унимался. Правда, о христианском всепрощении и милосердии не говорил. Скорее напротив.

– Всех, князь, слышишь, всех казни... Глуп я был... Не слушал тебя... отмахивался... а ведь ты... верно... сказывал... Мягкостью не сделаешь... друга из ворога... токмо... увеличишь его притязания...

Ишь ты, запомнил слово в слово. Жаль, не применил на деле.

– Не волнуйся, государь. Может, кто-то из мелких сошек и улизнет, но из верхов – бояр, окольников, стольников и прочего сброда – не дам уйти никому, – твердо заверил я его.

– И не мешкай, – хрипло выдавил он, вновь закашлявшись. – Вишь, меня как тяжело... Не мене двух седмиц... в постели проваляюсь... а то и... цельный месяц... да?

Я не ответил, смущенно отведя глаза. И впрямь правду говорят, будто молодые не верят, что смерть их не минует. Странно, мы с Дмитрием ровесники, но тогда получается, сам я уже не молод. Ведь я-то допускаю мысль о собственной смерти. А впрочем, один последний год моей жизни вместил в себя столько событий, и меня столько раз пытались убить, что тут и до идиота дойдет – могут. Запросто могут.

А Дмитрий продолжал выплевывать слова, слабея на глазах:

– Покарай немедля... моим именем... Прямо нынче... не мешкая... и еще... – Он ожил и, приподняв правую руку, ткнул пальцем куда-то мне за спину.

Я обернулся. Вокруг, кроме обступивших нас гвардейцев и отца Исаяи, никого. Недоуменно уставился на раненого. Исповедаться хочет? Неужто понял, что пришел его смертный час?

– Я здесь, сын мой, – отозвался встрепенувшийся духовник.

Дмитрий ласково улыбнулся ему и, поманив, чтоб склонился поближе, потребовал:

– Подтвердишь, что я... по доброй воле... находясь в крепком разуме и сознании... передаю княж Федору Константиновичу... всю свою власть над Москвой. – Дмитрий вновь закашлялся, и уже не розовая пена, а струйка алой крови виновато выскользнула из уголка его рта, торопливо побежав по подбородку.

– Помолчать бы тебе, государь, да сил не тратить, – попросил я.

В этот миг куда-то исчезли мои раздумья, колебания, коварные замыслы, и не думалось про вожака, ведущего в пропасть свой табун. Было искренне жаль этого безмятежного, веселого сумасброда. Да, планы у него безумные, но ведь по наивности. Зло творил, но по необхо-

димости. Глупости делал, но по неразумению. Это его не оправдывает, кто спорит, но чисто по-человечески мне его стало жалко. А уния... Думается, уговорил бы я его, чтоб не вводил ее.

– У меня сил... в достатке, – криво усмехнулся Дмитрий и судорожно сглотнул очередную порцию собственной крови, мешающую ему говорить. – И не токмо над Москвой власть отдаю, – уточнил он, – но и над всей Русью, покамест... – Он вновь сглотнул. Глаза закрылись, но сил хватало, и через пару секунд он открыл их. – Покамест не прибудет мой престололюбитель... Федор Борисович. – Фамилии царь не назвал, слишком она ему претила, но и без того ясно, кого он имел в виду. – А яко он прибудет в град... его власть... пока... пока не поправлюсь... – Он ненадолго умолк.

– Исповедаться бы тебе, – осторожно подсказал отец Исая. – Исповедаться да причаститься. Я уж и отца Лазаря попросил, дабы он все подготовил.

– Успею, – упрямо отмахнулся Дмитрий. – Покамест кой-кто жив, и я поживу. Вот когда рассчитаюсь...

– Одно другому не мешает, – поддержал я архимандрита. – Исповедаются не одни лишь умирающие. Да и распоряжения тебе надо отдать на случай, если... – Я осекся. Очень уж жалобным был взгляд Дмитрия. Чтобы он не впал в уныние (бодрость духа тоже иной раз помогает удержаться и не скользнуть в могилу), пришлось переиначить концовку, и я, натужно улыбаясь, торопливо добавил: – Ну хотя бы для того, чтоб... сглазить.

Государь зло скрипнул зубами, но чуть погода его взгляд смягчился, и он, усмехнувшись, еле заметно кивнул, соглашаясь, однако не преминул заметить:

– Ну разве токмо... костлявую обмануть... Тогда слушай... – Отец Исая вновь открыл рот, но Дмитрий весьма красноречиво махнул ему рукой, чтоб не встревал, и продолжил: – А ежели не выживу я, тогда и власть вверяю... помянутому мною... престололюбителю... да князю... коего ныне... за превеликие заслуги... жалую титулом... думного боярина... А третьей с ними повелеваю быти императрице Марине Юрьевне до... рождения моего сына.

Я похолодел, ибо такого не предвидел, хотя, казалось, чему удивляться. Для зачатия ребенка, как известно, порою хватает одной ночи, а он их с Мариной имел несколько.

«Погоди-ка, – встрепенулся я. – Вроде бы в официальной истории эта дамочка не успела забеременеть. Впрочем, тогда свадьба состоялась в мае, а ныне в феврале. И вообще, кто теперь может хоть что-то утверждать наверняка?»

М-да-а... Ну ничего себе поворот, как сказал пьяный ямщик, вылетая из саней под откос. И что тогда получается? Выходит, всем станет заправлять эта пигалица, или как там ее, императрица? Да ее советники за полгода всю Русь так разворуют – ста лет не хватит, чтоб восстановить. Один папашка, который вечно в долгах, чего стоит. Не-эт, не пойдет. Надо бы напомнить о Годунове, имя которого, как наследника, должно прозвучать в случае, если на свет божий появится девочка.

Но получилось еще хуже. В ответ на мои слова Дмитрий небрежно отмахнулся, заявив, что он сердцем чувствует – родится сын. А если и дочь, все равно она тоже царского рода, а потому и в этом случае ничего не меняется.

– А до его рождения и опосля... покамест сын...

Я кашлянул, всем своим видом выражая сомнение. Дмитрий осекся, с укоризной покопился на меня и нехотя поправился:

– Пока дитя не войдет... в должные лета... править велю совету... И быть в нем тем, кого я помянул...

Я облегченно вздохнул. Нормально. Как польский воробышек ни чирикай, все равно окажется в меньшинстве. Но, оказалось, радовался рано, поскольку Дмитрий продолжил перечень состава опекунов:

– И быть в сем совете... ясновельможному пану... Юрию Мнишку, дабы... яко самому ближнему... родичу подобает... никому не давал в обиду... ни свою дочь... ни своего внука. – И взгляд его, скользнув по мне, строго уперся в архимандрита. – Все ли слышал?

Тот молча кивнул, вновь хотел встрять, наверное, напомнить об исповеди и причастии, но я успел первым, ибо кандидатура пана Мнишка меня не устраивала никоим боком, и торопливо выпалил первое из возражений, которое пришло на ум:

– Не слишком ли много иноземцев? Может, вместо Мнишка назначить кого-то из своих русских родичей?

– Верно, – согласился Дмитрий, похвалив меня. – Чтоб никто не попрекнул... будто я ляхам власть... над Русью передал... Пущай помимо вас и пана Юрия...

«Все-таки оставил», – скрипнул я зубами, лихорадочно прикидывая новые доводы для его удаления, но от сказанного в следующую минуту Дмитрием вообще впал в ступор.

– ...пущай в совет войдут трое бояр... Слушайте все, и ты... отче... опосля... ежели что... подтвердишь...

«Только бояр в совете и не хватало, – мысленно возмущился я. – Блин, да что ж такое-то! Что ни скажу, выходит хуже и хуже. Прямо непруха какая-то. Остается молчать, иначе...»

Но моей выдержки хватило ненадолго. Едва я облегченно перевел дыхание, услышав первую фамилию – Басманов, как Дмитрий выдал вторую. Ее я проглотил молча. А куда деваться, когда князя Мстиславского и впрямь надо включить, а то нехорошо, как-никак старейший и первейший член Боярской думы. Да и трусоват он – если надавить, то особо ни в чем упираться не станет. Ладно, сойдет. Но третий опекун – Федор Никитич Романов – меня добил окончательно.

– Не делай этого! – выпалил я.

– Нет, – заупрямился царь. – Ты, князь, не ведаешь, сколь он для меня... в сей жизни... сотворил... по своей доброте. К тому ж ты и сам... про родичей сказывал.

«С какого боку ты его в родственники записал?!» – чуть не сорвалось у меня с языка, но я сдержался и сформулировал свое возражение поделикатнее:

– Покойному царю Федору Иоанновичу он действительно двоюродный брат, но крови Рюриковичей в нем, если разобраться, ни единой капли. Кроме того, ты родился от другой матери, и он тебе вообще никаким боком. Двоюродный плетень соседнему забору, не больше. А теперь припомни, сколько истинных князей на Руси. Обязательно обидятся, что ты столь высоко вознес бывшего холопа, да мало того, расстригу. А коли хочешь родича, тогда назначь лучше кого-нибудь из... Нагих.

Конечно, любитель выпить Михаил Федорович далеко не подарок, и на кой черт Дмитрий помимо боярского титула возвел его в сан конюшего, почетнее некуда, но с ним управиться куда проще. А если царь назовет вместо него второго дядю, Григория, и того лучше. Тот и вовсе, как мне рассказывали...

Мои размышления прервал голос Дмитрия:

– И то верно. Посему повелеваю... включить моего дядю... Михайлу Федоровича Нагого... боярина и конюшего.

М-да-а, все-таки Михаил. «Ну и ладно. Буду припасать не меньше бочонка вина к каждому его визиту, и всего делов», – успокоил я себя и на всякий случай уточнил, но больше для архимандрита, дабы тот впоследствии мог подтвердить исключение Романова из опекунов:

– Вместо Федора Никитича?

Но ответ государя оказался неутешительным:

– Заместо Басманова... ежели его... до смерти...

Час от часу не легче. Впрочем, поправимо. Двое могут потянуться к нам в поисках защиты от бояр, и в первую очередь ко мне, как к такому же, как и они, иноземцу. Еще трое, которые с другой стороны, не желая оставаться в меньшинстве, попытаются перетянуть нас с

Федором в свой лагерь. Словом, мы с Годуновым оказываемся в центре, и если умно поставим себя, то на ближайшие восемнадцать или двадцать лет, пока ребенок не станет совершеннолетним, перспективы имеются, пускай и не столь радужные...

Правда, непонятно, на кого Дмитрий оставляет свое царство-государство в случае, если дитя не родится или не доживет до своего совершеннолетия. Спросить? Я на секунду задумался, но, вспомнив про сегодняшнее невезение, решил промолчать, а то мало ли чего ляпнет. В конце концов, имеется оглашенное мною всего полгода назад при всем честном народе заявление Дмитрия о своем престололюбостителе и наследнике. Получается, коль этот вопрос не обговорен дополнительно, то именно оно и вступает в силу. Но моя непруха продолжалась, ибо этот вопрос задал отец Исая, и царь-батюшка, еле-еле шевеля пересохшими губами, выдал:

– Ма... – Но осекся на полуслове, напоровшись на мой посуровевший взгляд.

Секунд десять мы с царем играли в гляделки. Увы, но поединок закончился ничьей. Дмитрий не назвал Марину, но не упомянул и Годунова, ответив уклончиво:

– А на то божья воля.

Вот так. Хоть стой – хоть падай. И что делать? Уточнить, мол, божья-то она божья, но как ты сам считаешь? Или не надо? А Дмитрий продолжал:

– Федору передай совет мой... От души даю, поверь, князь. Ежели его...

И вновь слова «изберут на царство» он не произнес. Впрочем, и без того понятно.

– Пушай он в свои духовники возьмет отца Исаяю.

Архимандрит всхлипнул, но рыдания сдержал и робко попросил:

– Уволь, государь. Лучше пусть кого иного себе выберет, а мне бы сызнова во Владимирскую обитель, а?

Я удивленно покосился на него. Да, я был высокого мнения об отце Исаяе, но сейчас, после его отказа, понял, что все равно занизил планку. Отвергнуть пост царского духовника – это что-то с чем-то.

– Не выйдет лучше, – улыбнулся Дмитрий. – Не сможет он... такого второго сыскать, хоть всю Русь обойдет. Ты уж пригляди за ним, отче, ладно? Это мой завет тебе. Млад Федя, куда моложе меня летами, а в младости душа ох как мечется. И кто ж ее лучше тебя утишить может? Кто... – Но не договорил и, прижав руку к груди, захрипел, тяжело, надсадно кашляя.

Кое-как отдышавшись, он поманил меня к себе. Повинуясь жесту, я склонился поближе к его лицу.

– Ниже, – еле слышно прошелестел его голос, и, когда мое ухо почти коснулось его губ, Дмитрий выдохнул:

– Кажись, все... Чую... *Venit summa dies et ineluctabile fatum...*⁵ – И он, усмехнувшись, добавил: – *Hodie Caesar, cras nihil*⁶.

Я выпрямился и, глядя ему в глаза, неестественно бодрым голосом произнес:

– Не сдавайся, государь. Борись до конца.

Губы Дмитрия скривились в жалкой усмешке – почувал фальшь, – и он посетовал:

– Видать, промашку ты дал в своем последнем пророчестве.

Я нахмурился, недоумевая, и он напомнил:

– В Костроме... когда сказывал мне... про торжества через триста лет... Теперь их точно не будет... Как там у древних римлян? *Sic transit gloria mundi*⁷.

«Нашел о чем переживать», – вздохнул я, но твердо заверил его:

– Я не ошибся. Непременно будут, великий кесарь. Ибо дело не в том, сколько ты правил, а сколько успел сделать.

---

⁵ Пришел последний день и неотвратимый рок (*лат.*).

⁶ Сегодня Цезарь, завтра ничто (*лат.*).

⁷ Так проходит мирская слава (*лат.*).

На сей раз голос меня не подвел – он действительно поверил и еле заметно улыбнулся. Да в сущности, я и не солгал. Вся слава, как инициатора великих и мудрых перемен, теперь навечно останется за Дмитрием. Разумеется, при условии, что его начинания не окажутся безжалостно похерены преемником, которого он не назвал. Но уж я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы им стал Годунов, а потому можно быть спокойным – курс останется прежним. Если кратко и по-современному: нечто вроде Петровских реформ, но без ненужной жестокости, торопливости и откровенного дебилизма, вроде строительства городов на гнилых болотах.

Однако следовало позаботиться и о вхождении царя в историю как благочестивого и истинно православного, дабы никто из злопыхателей впоследствии не смог запустить слух о его тайном переkreщивании в латинство. Я склонился к его уху и тихонько шепнул:

– Но исповедаться и причаститься не помешает, а то кое-кто может...

Я не договорил, но он и без того понял и слабо кивнул:

– Пущай.

Я оглянулся. Отец Исаяя по-прежнему стоял подле, успев к этому времени принять принесенные ему Святые Дары и даже облачиться в более подходящее случаю одеяние. Я хотел отойти в сторону – тайна исповеди священна, – но Дмитрий удержал мою руку в своей, попросив:

– Останься... И прочие тоже пусть послушают... Не желаю ничего таить. – Он повысил голос. – Токмо допрежь приподымите меня... Не хочу лежа свой остатний час встречать. Не личит оно кесарю.

Я подал знак Дубцу, и мы вдвоем, бережно приподняв его, прислонили к резному столбику Мономахова трона.

– Во-от, – удовлетворенно протянул он. – И сил ровно прибыло. А теперь слушай, отче, – произнес он негромко, но достаточно отчетливо. – Каюсь, в любострастных помыслах жаждал некой девы, имя коей вслух не сказываю, но оно тебе и без того ведомо. Мне бы ей самой в ноги поклониться, да нет ее тут. Ну ничего, передадут поклон. – Взгляд его скользнул по моему лицу, и Дмитрий легонько сжал мою руку. Я ответил тем же, давая понять, что намек мне ясен. – Каюсь и в том, что имел злые умыслы супротив своих верных преданных слуг. – И снова я почувствовал, как его пальцы сжимают мое запястье. – А еще в том, что хоть и не по своей воле, а по повелению всевышнего, но не успел дать моим подданным всего, что они заслужили.

Голос его возвысился, став почти громким. Впрочем, акустика в храме изумительная, и толпившиеся подле гвардейцы, не говоря уж обо мне и архимандрите, и до того прекрасно слышали каждое его слово.

– Но на то божья воля. К тому ж оставляю заместо себя надежных людишек в Опекунском совете, кои продолжат и закончат начатое мною. А как продолжить, подскажет князь Федор Константинович. Ему мои задумки ведомы. И проклиная любого, кто осмелится строить оным опекунам помехи и козни, буде даже таковой...

Он запнулся, посмотрел на меня. Я кивнул, подбадривая. Мол, сказал «а», говори и «б», и Дмитрий твердо продолжил:

– ...мой родич.

Отец Исаяя всхлипнул, но, памятуя о том, что это все-таки исповедь, робко напомнил:

– Ты бы о грехах, государь, о грехах.

– Все, – выдохнул Дмитрий. – Боле мне пред вседержителем, Исусом⁸ Христом и богородицей каяться не в чем. – Он, вновь устремив взгляд на меня, слабо улыбнулся и почти беззвучно, одними губами прошептал: – *Plaudite, amici, finita est comoedia*⁹.

---

⁸ В те времена на Руси было принято произносить и писать имена без сдвоенных согласных и гласных: Исус, Аврам...

– Заговаривается, – раздалось за моей спиной.

Архимандрит всхлипнул. Слезы градом лились по его морщинистым щекам, когда он дрожащими руками торопливо извлекал из небольшого бархатного мешочка на груди какой-то платок. Положив его на бережно подставленные руки служки, он суетливо развернул его, что-то извлекая.

Меня отвлек присланный Груздем гвардеец. Склонившись к моему уху, он принялся торопливо докладывать, что боярские холопы пошли на штурм, принявшись ломать одновременно все двери. Да я и сам последнюю минуту слышал гулкие мощные удары таранов.

– Попозже подойду, – отмахнулся я. – Передай сотнику, пусть держится.

Но тут вмешался Дмитрий.

– Иди, князь, – кивнул он мне. – Мне все одно... пора... Обними меня... напоследок... и иди.

Он и впрямь и выглядел, и говорил совершенно иначе, чем минутой ранее, во время исповеди. Увы, но произошедший в нем всплеск сил оказался последним, и сейчас их остатки буквально на глазах стремительно и безвозвратно покидали его тело. Бледное лицо Дмитрия покрылось неприятной восковой желтизной, а левая рука принялась собирать с одежды нечто невидимое.

– Обирается, – еле слышно прокомментировал кто-то сзади. – Такое частенько перед...

«Вот обниму, обернусь и скажу, что когда и перед чем бывает», – зло подумал я.

– Береги... – шепнул мне Дмитрий на ухо.

Я подождал, однако кого беречь – не услышал. Переспросил, но он не ответил. Я отстранился и понял – все. Глаза царя оставались открытыми, но никого и ничего не видели, покрываясь еле приметной пленочкой, точно саваном, да и сам он не дышал. Получилось, конец свой он встретил в моих объятиях.

Задержался я возле его тела совсем ненадолго – запомнить лицо, пока не тронутое тленом, да кровавую рану на груди. Она хоть и скрывалась под повязкой, но багровое пятно, проступившее сквозь белую ткань, напоминало, что у меня перед ним остался последний должок – отмщение.

– Государя перенести внутрь, – велел я, кивнув на беседку, то бишь Мономаший трон. Не хотелось в такой момент говорить о делах, но куда деваться, и я распорядился: – Гвардейцам, кто находился близ Дмитрия Иоанновича и слышал его последний завет, ждать меня. – И, деликатно уцепив продолжающего всхлипывать архимандрита под локоток, увлек его в сторонку потолковать кое о чем.

Тянуть не стал, время поджимало, и сразу приступил к откровенному разговору. Смысл его сводился к тому, что, мол, он и сам видит, сколько ныне ляхов в Москве. И ведут они себя далеко не как робкая монашка в присутствии матери-игуменьи, а скорее как запорожский казак, завидевший этих самых монашек. И если сейчас объявить полностью, без оговорок, последнюю волю государя, можно быть уверенным – вести они себя будут уже как подвыпивший казак, которому и вовсе море по колено. А посему не все сказанное Дмитрием в своем последнем слове подлежит огласке...

– Негоже царские словеса утаивать, тем паче такие, – строго покачал головой архимандрит. – То ж его предсмертный завет, и я греха на душу не приму.

– Утаивать и мне на ум не приходило, – заверил я его. – Прошу об ином: пока промолчать. Поверь, отче, у меня и в мыслях нет самовольничать и что-то менять, но на сегодняшний день все должны знать одно: власть государь передал своему престололюбстителю Федору Борисовичу Годунову и князю Мак-Альпину. Ну и императрице, – поморщился я, нехотя включая ее в состав опекунов.

---

⁹ Рукоплещите, друзья, комедия окончена (лат.).

– А-а... как с боярами, коих Димитрий Иоаннович помянул? – нахмурился отец Исайя.

Та-ак, получается, про ясновельможного пана Мнишка промолчать он согласен. Уже замечательно, ибо означает, что архимандрит принципиальных возражений не имеет.

– И про них скажем, не утаим, – пообещал я, – но позже. Сам посуди, надо ж поначалу разобраться, кто есть кто. Царь – простая душа, к людям доверчив без меры, через это и смерть мученическую принял. А вдруг на самом деле Мстиславский или Романов среди тех, кто умышлял на его жизнь? – И я кивнул на ближние к нам боковые двери, в которые снаружи упорно продолжали долбить.

Судя по стуку, бревно было увесистое. Но двери держались, благо должный разгон осаждающим взять не удавалось – по ступенькам высокого крыльца не больно-то разбежишься.

– Слышишь, как старательно ломаются в божий храм? Если там кто-то из названных государем, то ему прямая дорога не в Опекунский совет, а на плаху. Потому и говорю: надо вначале разобраться, а тогда и говорить про них.

Отец Исайя с минуту пребывал в раздумье, оглаживая свою пышную седую бороду, но согласился и даже дал совет, чтоб я растолковал о том и своим людишкам из тех, кои все слышали.

Гвардейцы к моей просьбе отнеслись с пониманием, особенно когда я упомянул про возможных убийц. Более того, они предложили вовсе утаить упоминание царем пана Мнишка, но я остался непреклонен, пояснив, что в подтверждение своих слов, возможно, придется клясться на кресте. А кроме того, остаются иные послухи – и кивнул в сторону архимандрита, давая понять, что он нипочем молчать не станет.

– И получится, будто ваше лжесвидетельство...

Но договорить я не успел, увидев спешившего ко мне Зимника, дежурившего вместе с двумя десятками гвардейцев подле дверей с южной стороны.

– Там они, кажись, бочку с порохом подкатали, княже! – выпалил он, и чуть ли не одновременно с его сообщением, как бы подтверждая его, с той стороны, откуда он пришел, раздался страшный грохот, вдобавок усиленный превосходной акустикой храма.

Глава 6

Цена времени

Хорошо, Груздь, находившийся как раз подле них, послав ко мне Зимника, одновременно дал команду всем остальным отступить подальше от двери. Да и атакующие ворвались лишь спустя секунд пять, а потому дежурившие подле гвардейцы с первой волной управились сами. Дружный залп в упор не просто свалил троицу появившихся в дверном проеме холопов, но и откинул их на остальных. Те чуть замешкались, и раздался второй залп. Толпа испуганно отхлынула назад.

– Первому десятку самострелы к бою! – крикнул сотник. – Второму перезарядить пищали! – И ободрил: – Не робей, робяты. Таких, как они, на каждого из нас по цельной куче надобно.

Он не волновался, оставаясь абсолютно уверенным в себе и своих людях. А на лице улыбка. Как же, помню. Точно такая была на его лице в Прибалтике, когда возникли проблемы с одной из казарм в Нарве. Думаю, тем, кто попробует ворваться в пролом, она навряд ли сулит что-то доброе. Ну и хорошо. Встревать я не стал, да и не до того мне стало – в окна полетели камни, а вслед за ними и зажженные факелы.

– Полушубки на них накидывайте, да не нагольной стороной, а чтоб овчина снаружи оставалась, – рявкнул я и окликнул торопившегося к очередному полыхавшему факелу командира спецназовцев: – Вяха, тут прочие гвардейцы управятся, а твоим орлам особая задача. Если эти нехристи и остальные двери взорвут, придется туго. Дабы этого не случилось, бочки с порохом надо взрывать заранее, чтоб их подкатить не успели. Стрелять оттуда. – И ткнул пальцем на узкие высокие оконца с осколками стекол, торчащими из свинцовых переплетов, предупредив, чтоб без нужды себя не обнаруживали и по людям почем зря не палили – исключительно по бочкам.

Вообще-то надо было предусмотреть такое развитие событий раньше, едва вошли в храм. Но, во-первых, я надеялся, что осаждающие не решатся на кощунство со взрывами – все-таки храм, святыня, а во-вторых... Стрелять, предварительно не разбив само окно, невозможно. Словом, не рискнул я «святотатствовать», решив ограничиться наблюдением. Теперь – дело иное. Не я бил стекла – мятежники, а потому с нас взятки гладки.

Новая задача для орлов Вяхи была привычной – обычная «пирамидка», но из троих, один на одном. Веревка с кошкой, цепляющейся за внешний проем стены, служила главным образом для подстраховки верхнему. Четвертый, стоящий внизу, должен подавать и принимать пищали, ну и заряжать их. Добравшись до окна, первый из спецназовцев осмотрелся, изготовил ручницу к бою. Пару минут царил тишина, затем прогремел выстрел, и следом раздалось эхо взрыва. Очень хорошо. Значит, вторую бочку докатить до других дверей не выйдет. Вяха оглянулся на меня и гордо подбоченился. Я показал ему большой палец и напомнил:

– Рано или поздно они приспособятся и станут переправлять их вдоль стен, по мертвой зоне. Словом, подкинь наверх еще пяток – пусть поглядывают, откуда их к нам катят и...

Спустя пару минут раздался еще один выстрел, но с другой стороны. И снова послышался взрыв.

– Попал! – радостно улыбаясь, выкрикнул стрелявший Лютик, подтянулся на веревке, желая получше разглядеть, но грянули ответные выстрелы, и спецназовец рухнул вниз, а нас с Вяхой обдало кровавыми брызгами.

Засад выругался:

– Вот уж воистину на Руси сказывают, что любопытной Варваре нос оторвали.

– И полголовы в придачу, – мрачно добавил я.

Отчаявшись взорвать остальные двери, осаждающие вновь рискнули пойти на штурм, но столь же неудачно, как и в первый раз. Наступило затишье, воспользовавшись которым я попытался прикинуть, как поступить дальше. Продолжать пассивно отсиживаться в обороне, и все? А если никто из моих не добрался ни до Кологрива, ни до стрельцов? Нет, надо что-то предпринимать самому.

Найдя какого-то служку, я поинтересовался, есть ли из храма потайной ход. Тот виновато ответил, что ему о том неизвестно, и предложил сходить за отцом Лазарем. Протопоп отсиживался вместе с прочими в алтарном помещении. Робко выйдя оттуда и боязливо поглядывая на погром, учиненный в храме, в ответ на мой вопрос он обескуражено развел руками.

Тогда я решил вести поиск в двух направлениях, сверху и снизу. Двое гвардейцев направились в подвал. Сам я, проинструктировав на всякий случай Груздя, как отвечать, если отчаявшиеся мятежники попытаются пойти на переговоры, направился наверх. Заодно проверю наблюдательный пост да выясню, отчего они ни разу не прислали гонца с сообщением, как и что у кремлевских ворот.

Добравшись до них и обозрев окрестности в подзорную трубу, я понял, почему они мне до сих пор ничего не сообщали. А нечего. Увы, но мой терем продолжал весело полыхать, и клубы черного дыма надежно загораживали Знаменские и Никольские ворота. Я скрипнул зубами, но утешил себя мыслью, что самое ценное гвардейцы успели занести в подвал, перекрыв люк, ведущий туда, толстым листом железа. К тому же я и сам подумывал снести все деревянные строения, заменив их надежными и прочными каменными палатами. Ну а теперь сам бог велел заняться их строительством... когда закончится эта заварушка.

Прочие проездные ворота, включая наиболее интересующие меня Фроловские, разглядеть тоже не получалось – многочисленные купола соборов и храмов стояли несокрушимой стеной. А вот у стен Чудова монастыря о чем-то оживленно разговаривали двое Василиев – Голицын и Шуйский. Судя по обильной жестикуляции, они явно спорили. Первый больше отмахивался, а последний неустанно тыкал в сторону кремлевских ворот.

«Снайперов бы сюда человек с пяток, – подумалось мне. – Дистанция метров двести, хоть и не убойная, но попасть запросто». За пищаль я ухватился, но выстрелить не успел. Бояре, словно почуяв недоброе, стали разъезжаться в разные стороны. Василий Иванович, понурился, повернул коня обратно к Успенскому собору, а Василий Васильевич в сопровождении двух десятков ратных холопов направился в противоположном направлении, к Фроловским воротам.

Я выглянул в оконце, прикидывая место для спуска, но понял, что из этой затеи ничего хорошего не получится. Учитывая, что их люди, задрав головы, таращатся на окна храма, обязательно заметят спускающихся по веревкам и перещелкают как куропаток. Как бы в подтверждение правильности моих предположений над ухом свистнула пуля. В следующее мгновение она, глухо ударившись о стену, отрикошетила. Я нагнулся, зачем-то решив поднять маленький и теперь уже безвредный кусочек свинца – горячий, гад. В это время раздался второй выстрел.

– Со звонницы палят, – констатировал кто-то за моей спиной.

Оглянулся. Корела. Внешне казачий атаман выглядел спокойным и невозмутимым, но, если приглядеться, можно заметить, что он еле-еле сдерживает ярость.

– Давай-ка я тут побуду, – предложил он. – Кто ведает, может, как раз кто-то из них нашего государя «угостил». А долги отдавать надобно. Так и господь завещал.

– Оставайся, – кивнул я. – Сейчас еще пяток подошло, пускай во все стороны садят. – А сам стал спускаться обратно.

Гвардеец, посланный за мной Груздем, повстречался мне на лестнице. Оказывается, мятежники решили пойти на переговоры. Что ж, нам любая заминка кстати. Если сделать вид, что принимаю их предложения всерьез – без разницы какие, – то на торговлю и обдумывание

условий можно вбухать столько времени, мама не горюй, а там как знать, глядишь, что-нибудь придумается.

К тому времени выбитые взрывом и валявшиеся на полу двери мои люди кое-как приставили обратно. Совсем загородить проем не получилось, с одной стороны образовалась изрядная, в полметра шириной, щель, но хоть что-то. Вот в ней-то и появился отчаянно трусивший, судя по лицу, боярский сын Валуев. Знать бы, что именно этот гад и выстрелил в упор в Басманова, убив его, – разговаривал бы с ним иначе, а так я держался миролюбиво.

Как выяснилось, потолковать им хотелось не с государем, а именно со мной. Для чего – в принципе понятно. Вначале станут уверять, насколько безнадежно мое дело, а затем начнут уговаривать продать Дмитрия.

Я согласился, но не сразу, сделав вид, что колеблюсь. Однако мятежники звали меня наружу, суля неприкосновенность и изъявляя готовность поклясться на кресте. Ага, а я и поверил, особенно после всего сотворенного ими. На мое ответное предложение показаться в проеме кому-то из бояр Валуев замялся и посмотрел куда-то влево, явно в ожидании ответа. Получив его, он заявил, что через дверной проем беседовать несподручно, придется говорить громко, а им не хочется, чтоб до поры до времени о том услышал государь, ежели он тут, в храме.

– А Дмитрий и не услышит, – проворчал я, пояснив: – Рану он изрядную получил от одного из ваших людишек, а потому мы его отнесли подальше да уложили в безопасном месте.

– Во как?! – воскликнул боярский сын и снова замялся, глядя куда-то влево. Оттуда донеслось неразборчивое бормотание. Не иначе инструктаж. – А насколько же опасна его рана? – последовал новый вопрос Валуева.

– А тебе что за печаль?! – зло рявкнул я.

И вновь наступила пауза. На сей раз ее прервал появившийся в проеме... Василий Шуйский. Властно отодвинув Валуева, он кротко ответил:

– Так ведь мы, князь Федор Константинович, и в Кремль явились... для его защиты, ан видишь, как случилось.

Признаться, я на пару секунд остолбенел от такого нахальства. Ну ничего себе! А боярин меж тем невозмутимо продолжал:

– Дознались мы, будто ляхи заговор учинили супротив него из обиды, что ты грады ихние повоевал, и решили их упредить. Ныне народец московский над погаными латинами расправу чинит, а мы сюда, в палаты...

– Для того и Басманова убили, – бесцеремонно перебил я его. Говорил наугад, но, к сожалению, выяснилось, попал в яблочко.

– Дак ведь и он в том злодейском сговоре участвовал, – развел руками Шуйский. – Поначалу-то мыслили живьем взять, дабы он сам государю поведал, как на его жизнь умышлял, да Петр Федорович больно верток оказался, ну и пришлось...

Я молчал, окончательно ошалев от услышанного. Нет, я ни на секунду не поверил боярину. Но когда тебя начинают нахально уверять, будто черное – это белое, да со столь серьезным видом, поневоле обалдеешь.

Воспользовавшись моим молчанием, Василий Иванович успел рассказать, что именно потому они и хотели пригласить меня в качестве посредника между ними и царем, а то Дмитрий больно горяч. Того и гляди может, не разобравшись, в чем дело, вместо благодарности и милостей отправить своих защитников на плаху. Ну и они за ценой не постоят, не покусаясь, отблагодарят меня как должно.

– Хошь мы и бояре, но вознаградим по-царски. С головы до ног златом-серебром тебя осыпем. Ежели... – слегка запнулся Шуйский, – будет кому расплачиваться. – И мелко захихикал, давая понять, что пошутил. Однако я не отреагировал, и он, стерев с лица улыбку, торопливо пояснил: – Потому и хотели с тобой обговорить, а уж ты ему опосля...

– Ну заходи, – пригласил я его, начиная приходить в себя.

– А взамен никого нам не дашь? – поинтересовался Шуйский. – Ну-у в заклад.

– Перебьетесь, – проворчал я.

– Ну хоть крест поцелуй, что ничего с нами не учинишь, – попросил он.

– Не стану, – отрезал я, съязвив: – Я ведь не боярин, потому и без клятвы не обману. Коль сказал, выпущу живыми и невредимыми, значит...

– Тогда мне с прочими потолковать надобно, – выпалил Шуйский и исчез, причем весьма кстати – надо ж было позаботиться о теле Дмитрия, чтобы боярин его не увидел.

Маскировать смысла не имело. Перильца у беседки невысокие, но сплошные, и с маленьким росточком Василия Ивановича, есть ли там кто внутри, нипочем не разглядеть. Но на всякий случай я выставил троих гвардейцев подле – подстраховка не помешает.

– А чего с ними толковать-то? – зло проворчал Курнос, стоящий поблизости от меня с пищалью наготове.

– И впрямь, – поддержал его Зимник. – Ну какие беседы с ними вести опосля того, как они...

Я успел оборвать его, прижав палец к губам и кивнув на проем, давая понять, что о гибели Дмитрия надо помалкивать. Их возмущение было мне хорошо понятно – переживают. Оба из спецназа, именно им и еще восьми Вяха поручил защищать Дмитрия, чего они выполнить не сумели. Но в глазах остальных тоже отчетливо застыл огромный вопрос: «К чему такая уступчивость? Тут драться надо, а ты, князь, вон чего удумал. Почто?!»

Пришлось напомнить, что военные хитрости, когда враг слишком велик числом, бывают всякие, в том числе и такие, как переговоры для затяжки времени.

– Да мы и без того отобьемся, – проворчал Зимник.

– Верно, отобьемся, – согласился я. – Но людей при этом потеряем уйму. Пока у них на счету один Лютик, а окажется невесть сколько. И еще. Каждый из них должен расплатиться за все содеянное сполна, в точности как в Писании сказано: «Око за око, кровь за кровь, смерть за смерть». А теперь призадумайтесь, как они поступят, убедившись, что силой нас не одолеть? Да разбегутся кто куда, спасая свои шкуры. И где мне их искать? Нет уж, пускай продолжают толпиться подле собора. А потому всем молчок и о смерти государя ни гугу.

Гвардейцы разом закивали, а я, приобняв Зимника с Курносом за плечи, твердо произнес:

– О том, что не сумели закрыть собой Дмитрия, думать запрещаю. Обоим. И прочим из десятка передайте. Все понятно? Мне, как воеводе, виднее, чья вина больше всех, и ведомо, что она не на вас.

– А-а... на ком? – оживился Зимник.

– На мне, – ответил я и, возвысив голос, отчеканил: – Не настоял, дабы государь надел юшман. Надо было силком его на Дмитрия напялить. А вы... Ну откуда вам знать, как надлежит вести себя телохранителям, коли я вас этому не учил.

– Это да, – вздохнул Курнос и тоскливо протянул: – Были бы здесь Кулебяка с Частоколом, они бы нипочем...

Действительно, если бы с нами находились те, кого он начал перечислять, Дмитрий, скорее всего, остался бы жив. И Кулебяка, и Частокол, и остальные из десятка, которых я начал специально тренировать еще в Костроме, навряд ли допустили бы такое. Какое там выстрелить?! Даже когда кто-то, изображая злоумышленника и выбрав момент поудобнее, неожиданно кидал в мнимого Годунова небольшой деревянный шарик, имитирующий нож, они успевали среагировать и закрыть «государя». Поначалу срабатывали не всегда – в половине случаев, но чем дальше, тем лучше. А когда я организовал соревнование, чья смена предотвратит больше «покушений», то спустя месяц четыре броска из пяти не достигали цели. Тогда-то и пришел черед Годунова, ибо одно дело – не церемониться в случае угрозы с таким же

спецназовцем, как они сами, закрыв его своими телами, и совсем иное – с престололюбостелем и наследником. Однако освоились ребята быстро, уже к исходу первой недели. Разумеется, пущенный моей рукой шарик иногда попадал в Федора, но редко. И спустя месяц, когда я усложнил задачу, с согласия Годунова взяв себе в «помощники-террористы» трех гвардейцев, телохранители в большинстве случаев успевали его закрыть.

А то, что не всегда... Так ведь это шарик, который, во-первых, можно незаметно вынуть из кармана, а во-вторых, на замах руки уходит всего секунда. На деле настоящему убийце понадобится как минимум три-четыре секунды. Да и не принято на Руси поступать с царями, как в свое время римские сенаторы с Юлием Цезарем. Наши бояре больше полагаются на яды, а коль решатся сработать в открытую, вот как сейчас, с Дмитрием, то вначале должны настроить себя, накрутить, а на это требуется время.

И никогда бы они не позволили Дмитрию первым бежать в атаку, наплевав на его приказы и его брань. Пусть себе ругается как хочет, а они бы все равно сделали что положено: и придержали бы его, и, выскочив вперед, прикрыли.

Всего один разок они оплошали в Прибалтике, да и то как посмотреть. Ляхи вынырнули из-за угла неожиданно и, увидев Годунова, шарахнули разом из семи стволов. Но и тут телохранители успели отреагировать. Едва заметив устремленные в их сторону вражеские пищади, Кулебяка кинулся на Федора, завалил на снег и прочно обхватил своими ручищами, не давая дернуться. Не сиди Годунов на лошади, он бы вообще остался невредим, да и так получил всего одну пулю в руку, по касательной, а еще четыре, предназначенные ему, Летяга, Ходок и Лапоток поймали своими телами.

– Если бы, да кабы, да на сосне росли грибы, – проворчал я. – Нашли время сетовать. Сами знаете, что они остались в Кологриве близ Федора Борисовича. Кто ж ведал, что Дмитрию не хватит трех сотен его алебардчиков? – Курнос открыл было рот, но я не дал ему вставить слово – не до дискуссий, – отрезав: – И все, кончен разговор! Негоже нам при столь дорогих гостях такие разговоры вести. – И кивнул на появившегося в дверном проеме Шуйского.

Странно, но за его спиной я никого не приметил.

– Один? – негромко осведомился я у боярина.

– Дак остальных боязнь обуяла, – угодливо пояснил он. – Мол, заклада ты не дал, крест целовать отказался. Вдруг умышляешь чего-нибудь.

– А ты не испугался, – усмехнулся я.

– Нет, – мотнул он головой и льстиво заулыбался. – Мне иное ведомо – слово князя крепче булата и дороже злата, потому ежели обещался, непременно сполнишь. Опять же коли со мной чего случится, то и иным прочим тоже несдобровать, а мне ведомо, сколь ты до своих людишек заботлив.

Он сделал шаг в сторону, и откуда ни возьмись на крыльце появились два рослых ратника, на плечах которых повис – я нахмурился, вглядываясь, – ну так и есть, Лихарь. Лицо в крови, грудь перевязана, а сквозь повязку угрожающе проступило точно такое кровавое пятно, как у Дмитрия. Оказывается, сегодня не везет не только государям, но и тем, кто их изображает. Не царский нынче день, ох не царский.

– Его мы в знак доброй воли передаем, – раздался голос Шуйского. – А прочих, числом полдесятка, коих поймали, погодим. Тут зависит от того, как столкуемся.

Я молча указал гвардейцам на Лихаря. Принять его не получалось, пришлось сдвинуть створки дверей в сторону, расширив щель до метрового проема. Лишь тогда кое-как моим ребятам удалось перехватили его тело у холопов. Следом протиснулся и Василий Иванович.

Дождавшись, чтоб все восстановили обратно и проем вновь превратился в щель, я направился к Лихарю. Увы, выяснить как и что не удалось – парень пребывал без сознания, и, судя по всему, надолго. Распорядившись, чтоб оказали помощь, я мрачно посмотрел на терпеливо

ожидавшего меня боярина, огляделся по сторонам, выбирая местечко поукромнее, и, указав в сторону бокового придела, предложил:

– Пойдем.

– А жарко тут у тебя, – оценил он, не двигаясь с места и нерешительно оглядываясь в сторону проема.

– А по мне, в самый раз, не запарился.

– Оно и понятно, – угодливо согласился Шуйский. – Эвон, ты вообще без ничего, – кивнул он на мою непокрытую голову, – а тута... – Не договорив, он стащил с себя горлатную шапку, под которой я увидел колпак. Когда боярин снял и его, под ним обнаружилась еще и тафья¹⁰.

«Да уж. Тут и при тридцатиградусном морозе вспотеть можно», – подумалось мне.

– Не много ли напялил? – хмыкнул я, кивая на три головных убора.

– Обычай такой, – снисходительно пояснил Шуйский. – Промежду прочим, тебе, яко окольниковому, тоже не менее двух надо нашивать, а ты, эвон, и одной брезгуешь. Одно слово: иноземец...

Последнее слово, слетевшее с его уст, прозвучало презрительно, как плевок. Даже обидно стало. В конце-то концов, не я к нему пришел договариваться, а он ко мне.

– А православным положено в божьем храме шапки скидывать, – хмуро напомнил я ему.

– А-а-а, ну да, ну да, – торопливо закивал он и робко осведомился: – А где?.. – Боярин не договорил, но и без того было понятно, кого он имеет в виду.

– Не бойся, – устало вздохнул я. – Сказал же, рана у государя, да и гвардейцев я подле него оставил. Не выйдет он сюда. Не выйдет и... ничего из нашего разговора не услышит, о чем бы мы ни договорились, – намекнул я, что меня можно попробовать уболтать.

Последнее оказалось кстати. Шуйский мгновенно оживился и послушно засеменял вслед за мной. Подозвав показавшегося в отдалении служку, я попросил его организовать нам какие-нибудь стульчики или табуретки. Тот закивал, метнувшись к алтарю, и вскоре приволок пару низеньких скамеечек.

---

¹⁰ Подобно тому как в то время было принято надевать при выходах одну одежду поверх другой, зачастую напяливая на себя сразу по две шубы, надевали и несколько шапок. Вначале тафью, представлявшую собой четырехугольную тобетейку, далее колпак – высокую шапку с зауженным верхом, часто заломленным и свисающим книзу, а на него горлатную шапку – тоже высокую, но расширяющуюся кверху, с плоской тульей. Последняя символизировала боярское достоинство, нечто вроде генеральской папахи. Шилась исключительно из меховых горлышек, отсюда и название.

Глава 7

Государей на рядовичей не меняю...

Начинать разговор Василий Иванович не торопился, смущенно покряхтывая и страдальчески морщась, словно от зубной боли. Наконец, кашлянув в кулак, он пояснил:

– Поначалу повиниться хочу. Промашка вчерась вышла, княже.

– Это ты про своих людишек, которые напали на мою сотню под Царским селом? – уточнил я и, не дожидаясь ответа, великодушно согласился: – Точно. Да оно и без того ясно, что промашка, иначе бы я тут не сидел. А на будущее запомни, Василий Иванович: убить меня весьма затруднительно. Для этого надо как следует постараться. Ну хотя бы стрелецкий полк позвать. С ним мои две сотни навряд ли бы управились. А лучше два полка, для надежности.

– Как же, пошли б они супротив тебя, – сокрушенно вздохнул Шуйский, но, спохватившись, зачистил, торопясь с пояснениями.

Согласно его словам получалось, что виноват он в одном: недоглядел за Голицыным, выведавшим от лазутчиков, засланных боярами к ляхам, про умысел князя Мак-Альпина.

– Он ведь едва услышал, будто ляхи тебя купили и ты согласился на их уговоры умертвить царевича Годунова, а опосля и самого государя, ничегошеньки никому не поведал, – сокрушенно рассказывал Шуйский. – Вмиг подхватился и людишек своих к тебе заслал. Знамо дело, виноват. Доверчивость его сгубила. Да и то взять – молодой, горячий, до славы падкий, потому и решил самолично спасителем нашего красного солнышка стать.

– Ну да, ну да, – согласился я. – Да и случай удобный, чтоб двух зайцев одной стрелой сразить: и Дмитрия Ивановича спасти, и с убийцей своего сына поквитаться. – Я вспомнил струг, бой на волжском берегу, мертвого священника Антония, погибшего от рук его первенца¹¹, и зло выпалил: – Об одном жалею: не от моей руки возмездие его Никите пришло. За священника, которого он убил, я б его самолично и с превеликой радостью на куски бы порезал.

– Во-во, – назидательно заметил Шуйский. – И ты сердцем ожесточился. А теперь сам помысли, каково боярину, кой не священника – родного сына потерял.

Вообще-то стоило промолчать, до поры до времени не выкладывая, что именно я знаю об их замыслах, но уж больно любопытно было поглядеть, как станет выкручиваться боярин. Или он и впрямь решил, будто я поверю в небылицы, которыми он меня угощает? И я решил вскрыть имеющиеся у меня козыри. Не все – пока один. Да и какой смысл продолжать держать их в рукаве, когда игра вступила в решающую стадию. И я лениво осведомился:

– А почему ж ты своим ратным холопам иное говорил? Мол, Дмитрий уговорил меня умертвить Федора Борисовича? Не сходятся у тебя концы, боярин.

Василий Иванович растерянно захлопал подслеповатыми глазками.

– То не я сказывал, а... сызнова... Голицын, – выдал он, запинаясь. – Токмо не Василий Васильевич, а... братец его младший, Иван. – И, подметив мою ироничную усмешку, заторопился: – Да ты, Федор Константиныч, сам посуди, неужто я до такого бы додумался? – Он жалобно улыбнулся.

Вид при этом у Шуйского стал столь безобидным, любо-дорого смотреть. Если бы мне не доводилось сталкиваться с ним ранее, обязательно подумал бы, что передо мною безобидный плешивенький старичок, пришедший с просьбой к высочайшей персоне. Бороденка взлохмачена, в слезящихся глазках униженная мольба не отказать в милости. Лишь заметно выпирающее пузцо выбивалось из общей картины. Полное впечатление, что он сейчас достанет замызганную челобитную, бухнется на колени и протянет ее мне со словами: «Помилосердствуй,

---

¹¹ События, связанные с гибелью Никиты Голицына, описаны в книге «Поднимите мне веки».

великий господин, и сжался над рабом своим преданным Васькой, дабы мне соседский лужок прирезали».

Но я-то хорошо знал настоящую цену этому «просителю». И не по истории – на деле. Еще по Костроме, когда он пытался подставить нас с Годуновым перед Дмитрием. И не лужок этот старичок хочет прирезать к своим и без того немалым владениям, а всю Русь.

– А если я сам Ивана спрошу? – осведомился я.

– И правильно, – засуетился он. – Непременно спроси. А коли хочешь, – он перешел на заговорщический шепот, – я расстараюсь головой его тебе выдать, и учиняй с ним что твоей душеньке угодно. Одна просьбишка – над бездыханным телом глума не творить. Ну да ты ж у нас, чай, не латин поганый, православной веры, таковским заниматься не станешь. Верно?

– Верно, не стану, – согласился я. – Но, признаться, что-то не особо хочется за тебя перед Дмитрием заступаться. А золото-серебро, кое ты мне предлагаешь... Неужто ты думаешь, будто потомки шкоцких королей ради тысячи рублей, да хоть бы и двух-трех, станут ложью свои уста марать?

– Отчего ж ложью? – И Шуйский, демонстрируя свое возмущение, привстал с лавочки, но я бесцеремонно осадил его парой фраз, из которых он понял, насколько хорошо я осведомлен об их заговоре.

Шуйский ответил не сразу. Выгадывая время, он вновь принялся вытирать пот, но на сей раз без обмана – лицо боярина и впрямь покрылось обильной испариной. Поначалу я не торопил его, но спустя минуту не выдержал.

– Будешь так усердствовать, скоро всю голову до дыр протрешь, – выдал я насмешливый комментарий.

Шуйский в ответ поморщился, тяжело вдохнул и пошел ва-банк, но начал с угроз:

– А к чему тогда противишься, коли сам о нашей сказке ведаешь? Должен понимать – жизни *ему*, тебе и твоим людишкам ровно до того часа, когда стрелы сюда подойдут.

– И я их жду с нетерпением, – отозвался я. – Только ошибся ты, боярин. Придут они, чтоб вас вязать.

– Э нет, – не согласился Шуйский.

Я иронично хмыкнул, и он заторопился с пояснениями:

– Я к тому, что ныне к ним князь Голицын поехал уговариваться, а Василий Васильевич – баюн известный, живо подскажет, на какую сторону вставать. Стало быть, либо они за нас встанут, либо в стороне останутся, а нам и того довольно.

– И снова у тебя промашка, боярин, – возразил я. – Он к ним теперь поехал, а я со стрелецкими головами давно потолковал... о том да о сем.

Шуйский недоверчиво уставился на меня. Пришлось подтвердить:

– Да-да, имелось у меня время, не сомневайся. Я ж предусмотрительный, загодя стараюсь просчитать.

– А чего ж ты тогда *тут* сидишь, коль такой предусмотрительный? – криво усмехнувшись, поддел боярин.

Я развел руками:

– И на старуху бывает проруха. Никак не ожидал, что вас столь много соберется. Полагал, сотни две-три, не больше, а ты аж тысячу насобирал.

– Полторы, – буркнул он. – А скоро еще тыща добавится. Мы уже послали за ними... Потому все едино – возьмем вас. А про байки... Ты Василия Васильевича худо знаешь. Он их сколь хошь наплетет, да всяких разных, токмо слушать поспевай.

– Стрелецкие головы – не дураки, – парировал я. – Лучше скажи, откуда столь много народу взял, чем соблазнил?

– Ты нам и подсобил, – криво усмехнулся он. – Ты да Димитрий. Эва, чего Освященный Земский собор по твоей подсказке выдумал. Чтоб мы за каждого холопа подати платили. Да

мало того, и за закладчиков раскошеливались. Это ж сущее разорение. А царь на то согласие дал.

Я молча кивнул, переваривая новость и досаду на себя – мог бы и сам догадаться, дело-то нехитрое. Сработал Дмитрий-«ледокол». Одна беда – слишком много льда оказалось на его пути, потому и увяз.

– Так как насчет?.. – И Шуйский, не договорив, вопросительно уставился на меня.

– А никак, – заупрямился я. – Сдается, ты так ничего и не понял из моих слов. Тогда поясню: это не мне надо думать о спасении своей жизни, а тебе. Поздновато, конечно, но, пока стрелы не подошли, время есть.

– А на что тебе самому этот ляшский свистун сдался? – горько спросил он меня. – Али мыслишь, мне неведомо, сколь меж вами неладов приключалось? Сказывал мне как-то Лыков, яко он тебя, будучи в Путивле, к смертушке приговорил. Еще б чуток, и его казачки тебя бы беспрерывно на тот свет отправили. А в Серпухове я сам видоком был, яко он тебя в узилище саживал. Да и когда ты опосля учиненного побоища на Волге в Москву возвратился, тож в Константино-Еленинскую башню угодил.

– Но не казнил, – напомнил я. – Как видишь, сижу перед тобой живой и здоровый.

– Не казнил, – протянул Василий Иванович. – Рад за тебя, от души рад. – Но в голосе, вопреки словам, чувствовалось такое огромное сожаление, что я чуть не рассмеялся, а он меж тем продолжал: – Да ведь оно, учитывая таковские его капризы, токмо до поры до времени. Сказывают, бог любит троицу. Выходит, на четвертый раз ты, как знать, можешь и не спастись. О том не помышлял?

– Больше такого не повторится, – отрезал я.

– Это он тебе, поди, сказывал? – усмехнулся Шуйский. – Дивно мне такое из твоих уст слышать. Вроде и умен ты, князь, эвон как лихо наши тайны выведал, а ему веришь. Нашел кому. У него ж семь пятниц на каждой седмице. Ныне он покамест к тебе с Годуновым и впрямь со всей душой, за Эстляндию благодарен, а ты погляди, что он далее, через месячишко запоет, когда про нее запомнит. А теперь сам посуди – стоит он того, чтоб ты за него кровь свою проливал да живота не щадил. Мы ведь все одно – вовнутрь пройдем, поверь, ибо нам теперь иной дорожки вперед вовсе нет.

– Как же нет? – удивился я. – А на плаху?

– То не дорожка, то крестный путь, – мрачно пробурчал боярин. – И не вперед, а вверх. Но тебе с того проку не будет, поверь. Нас не станет – иные сыщутся, а нет... Дмитрий же известный сумасброд, потому такого наколбродить может – вся Русь кровушкой умоется.

Вообще-то прогноз был верным, но не человеку, сидящему предо мной, выдавать такие предсказания, и я озлился. Виду не подал, но спросил без обиняков:

– И что предлагаешь? Стать таким, как ты, и предать доверившегося мне человека?

– Не предать, – покачал головой Шуйский. – С таким я бы к тебе не пришел. Ты, князь, хошь и в ином стане, но в подлости тебя и ворог не попрекнет. А вот перейти на нашу сторону – иное. Перейти и нас... возглавить. Ну до прибытия Федора Борисовича. А далее его на царство и посадим, потому как он не просто законный наследник, но ажно двойной – и батюшки своєю, и Димитрия.

– И проку? Вы ж потом и Федора на тот свет отправите, – усмехнулся я.

– Грешно тебе, князь, такое сказывать, – строгим голосом сделал мне замечание боярин. – Нешто мы нехристи какие али душегубы? Молодой Годунов – царь хоть куда, а главное – православный он.

– И Дмитрий православный, – возразил я.

– Перекрестился он у ляхов в поганое латинство али нет, мне доподлинно неведомо, – честно признался Шуйский, – но ты призадумайся, с чего подле него попы ихние вьются и отчего он их прочь от себя не гонит, ась? То-то и оно. Да и иного довольно. Ты сам, князь,

погляди, чего он творит-то. – И он принялся загибать пальцы, обстоятельно повествуя о многочисленных грехах последнего царя.

Дескать, банями брезгует, после обеда не спит, телятину лопают. Святой водой запретил себя сбрызгивать, когда куда-нибудь из палат направляется. Другой обычай, чтоб его во время торжественных выходов бояре под руки поддерживали, тоже отменил... Всего я не запомнил, но к тому времени, когда боярин закончил перечислять государевы нарушения старого доброго порядка и вековых устоев, он успел загнуть все пальцы на обеих руках.

Досталось и Марине, которая кощунственно целует икону богородицы в губы вместо смиренного лобызания ее руки, предпочитает польское платье царицыному убранству, от русской пищи отказывается, а в кушанья, подаваемые ей за трапезой, вместо ножа тычет, прости господи, какими-то бесовскими вилами, точно такими же, коими в аду черти подсаживают грешников на сковороды. И даже на венчании своем она отказалась от предложенного патриархом причастия. Одно это говорит о многом.

– Вот и призадумайся. – И он выжидающе уставился на меня.

– Действительно, чего-то не того выходит, – вздохнул я, сделав вид, будто начал колебаться, и нерешительно протянул: – Раньше я как-то всего этого не примечал, да и не до того мне. Ты ж, боярин, сам знаешь, я в Москве всего ничего бываю. Можно сказать, набегам, в промежутках между Костромой и Эстляндией, а теперь, когда ты мне глаза открыл...

– А я тебе и главное поведаю, – оживился он и с заговорщическим видом огляделся по сторонам, не подслушивает ли кто. Но даже убедившись в отсутствии чужих ушей, он привстал на лавке, потянувшись всем телом поближе ко мне, и почти беззвучно выдохнул: – Не истинный он. Точно тебе сказываю. Подлинный-то давно в земле сгнил. Ты мне верь. Я ж сам в Углич ездил, потому ведаю, что говорю.

Он уставился на меня, ожидая ответа и не переставая боязливо оглядываться по сторонам. Вообще-то правильно боялся. Это мне наплевать. Я и сам давно знал о происхождении Дмитрия, притом куда больше самого Шуйского. А вот мои гвардейцы, услышав такое, могут и за сабельки схватиться – поди удержи.

Затягивая время, я отделался неопределенным ответом. Мол, надо подумать и взвесить как следует. Видя мое лицо, остававшееся невозмутимым, Василий Иванович осмелел и принялся меня уверять, что, мол, Иван Голицын нынче ездил в Воскресенский монастырь, и старица Марфа Нагая подтвердила, будто Дмитрий не ее сын. Сообщив об этом, боярин вопросительно уставился на меня – мол, чего ж тебе еще надо?!

Идиот! Неужто решил, что я хоть на миг поверю его вранью?! Так она и созналась при живом-то Дмитрии. Чичас, разбежалась! Иное дело, если бы она увидела его мертвым. Тогда все возможно. Но пока государь жив...

– Ты о том больше никому не заикайся, – почти ласково посоветовал я. – А Ивану передай, чтоб он свою басню засунул себе...

Шуйский, выпучив глаза, выслушал мои рекомендации о том, куда именно засунуть, и, смущенно заерзав на лавочке, принялся вновь вытирать платком лицо. Я не торопил. Время работало на меня, спешить ни к чему.

– А с людишками твоими как решим? – вспомнил он про свой последний козырь. – Ты ж вроде всегда о своих холопах заботился. Может, учиним мену? Их, конечно, с государем не сравнить, но зато не один – пятеро.

Я невольно усмехнулся. То ли у человека от страха крыша поехала, то ли он, подобно утопающему, за соломинку хватается. Моей иронической улыбки ему хватило, чтоб понять – и тут не срослось.

– Ну да, ну да, – закивал он своей плешивой головенкой и предложил новый вариант: – А ежели я всех пятерых в обмен за свою голову предложу?

Я почесал в затылке. Звучит заманчиво, но чем дольше прикидывал, тем больше приходил к выводу: овчинка выделки не стоит. Эта бестия в будущем может учинить столько пакостей, что в результате погибнет не пятеро гвардейцев, а вдсятеро больше, если не в сто. Но отказал не сразу, а, оттягивая время, поведал притчу про Сталина и его сына, заменив фельдмаршалов на воевод, которых на простых ратников не меняют.

– И не жалко? Ведь смертушке лютой твоих ратников предадут, коль не сговоримся. А я б их отстоял.

– Они – воины. Должны понимать. Да и воины не из лучших, коль угодили в плен, – попытался я слегка принизить их цену, но Шуйский не позволил.

– Какое там не из лучших? – горячо возразил он. – Мы-ста дюжину людишек положили, прежде чем их пояли. Да полдесятка с такими ранами лежат – до утра навряд ли протянут. Ты б не спешил в отказ идти, подумал.

– Лучше ты призадумайся, прежде чем начать их мучить, – посоветовал я и возвысил голос. – Видит бог и все святые, кои на меня со стен храма глядят, что за каждого из пятерых я со всех вас по пять шкур и спущу. – И в подтверждение своих слов я встал с лавки, перекрестившись на икону с изображением волхвов, пришедших поклониться Христу. – Ну и за погибших, само собой, – добавил я, усаживаясь обратно. – Это еще пять шкур получается. Итого – десять.

– Семь, – мрачно поправил меня боярин. – Один-то не в счет – я его тебе выдал, хошь и с ранами. А двое в Чудовом монастыре остались валяться. Стало быть, ежели вместе со схваченными, семь.

Я кивнул, принимая поправку и внутренне возликовав. Выходит, двое уцелели и не попались. Не факт, что они прорвались к воротам, добрались до стрельцов, но надежда остается. Отлично! Тогда вдвойне есть смысл потянуть время.

– Пускай семь. Но это с остальных бояр. А с тебя, Василий Иванович, причитается побольше.

– За что ж мне такие леготы? – криво ухмыльнулся он, пытаясь хорохориться.

– За Кострому должок остался, – напомнил я. – Да и подворье ты мое спалил, а там много добра погибло. Потому тебя особо предупреждаю. В Константино-Еленинской башне такие умельцы, что поискать, а если попросить их как следует, то и вовсе расстараятся, с душой к своему черному делу подойдут, и ты у меня, Василий Иванович, о смерти сам молить станешь, но она к тебе ох как не скоро придет. Словом, призадумайся. К человеколюбию твоему не взываю – глупо, но ради своей собственной шкуры, которую эти умельцы ломтями с тебя, живого, настругают, ты моих гвардейцев побереги, пока до меня не доберешься. Тогда и я тебя быстро казню, терзать не стану. Ответ же тебе прежний – не только государей, но и бояр на рядовичей не меняю.

– А вот ты тут про подворье свое сказывал, – решил он зайти с другой стороны. – Есть грех. Но я его и искупить могу. Чай, я не государь, и мошна у меня не пустая. Немалую деньгу дам. На три новых терема хватит.

– А ты не забыл, что твои вотчины и все прочее добро без того к государю перейдет?

– Не все, – не согласился Шуйский. – Далеко не все. Вотчины – да, их не скроешь, а серебрецо... Оно у меня в надежных местах, а я про них, поверь, как бы ни терзали, молчать стану. Хоть в ентом верх возьму. Да и перейдет взятое не к тебе – в казну. А прошу о малом – словцо свое перед государем замолвить в мою заступу. Неужто одно словцо десяти тыщ не стоит?

– Не слишком ли дешево ты себя оценил? – усмехнулся я.

– Ну тогда... – Он воровато оглянулся на гвардейцев и пальцем вывел на лавке букву «В», заключив ее в круг¹².

Я усмехнулся, покачал головой и вывел на своей лавке букву «Е». Боярин с минуту угрюмо разглядывал ее и, решившись, обреченно махнул рукой.

– Без ножа режешь, князь, – пожаловался он, – но ныне твоя воля. Грамотку хоть сейчас отпишу, чтоб не сумлевался, а само серебрецо...

– Ты не понял, – перебил я, вновь вывел пальцем ту же букву и принялся обстукивать ее, изображая круг из точек.

Лицо Василия Ивановича надо было видеть. Из красного оно мгновенно стало белым, а глаза чуть не вылезли из орбит. Он растерянно уставился на меня:

– Где ж я тебе их возьму?

Я пожал плечами, давая понять, что этот вопрос занимает меня меньше всего.

– Да у меня отродясь и одного легиона не бывало. Их токмо государь у себя в казне мог отыскать, да и то не нынешний. Помилосердствуй, Федор Константиныч!

Я прикинул. Кажется, и впрямь не врет. Ладно, можно и помилосердствовать. После недолгого раздумья я нарисовал «Д», но едва принялся обстукивать ее, как Шуйский замотал головой, выпалив:

– И стока у меня нет. Не губи, князь.

Дальнейшие полчаса прошли у нас в отчаянной торговле. Подробности пересказывать не стану, но зрелище было весьма любопытное. В азарте Шуйский подчас забывал, где он и что стоит на кону. Несколько раз он даже соскакивал с лавки и, в точности как покупатель на ярмарке, порывался уйти от несговорчивого продавца. Лишь в самый последний момент, напорвшись на суровые взгляды насупленных гвардейцев, он приходил в себя, вспоминал, где находится, и вновь усаживался на место.

Наконец я сжалился и, видя, что боярин упорно стоит на своем, а значит, скорее всего, действительно не имеет в наличии четырехсот тысяч, поменял буковку на «Г». Обстукивать не стал – и без того понятно, о какой сумме речь, и напомнил про указ Дмитрия о судьях, к которым в качестве верховных государь причислил троих: меня, Басманова и царевича. Петр Федорович судить не сможет, стало быть, остаются двое. И тут разницы нет, кто именно из нас станет вершить его судьбу.

– Известно, Федор Борисович из твоих рук глядит, – подтвердил Шуйский, но артачиться не перестал, продолжая возмущаться непомерностью моих требований.

Очередной виток торговли длился минут десять. Пришлось подрезать на пятьдесят. Шуйский и здесь упирался как мог, умоляя скостить хотя бы полсотни, но я оставался непоколебим.

В конце концов Василий Иванович дал «добро». Изрядно помогло и появление Корелы. Правда, поначалу спустившийся сверху атаман чуть не уложил боярина на месте – очень уж его разъярила наша безмятежная беседа. Я едва успел перехватить занесенную над Шуйским руку с саблей.

– Пусти, князь! – упирался он что есть мочи. – Пусти! Дай мне его...

Крепка рука у Корелы, ох крепка. Вроде бы и ладошка маленькая, но жилист атаман, еле удалось сдержать. Хорошо, вовремя подоспел Дубец и помог.

---

¹² В старину на Руси цифры обозначались буквами: А – 1, В – 2, Г – 3, Д – 4, Е – 5... Для указания того, что знак является цифрой, над ним ставился специальный волнистый знак – титло. Тысячи записывались теми же буквами с титлом, что и 1, 2... 9, но слева внизу изображался еще один знак – наклонная линия, которая пересекается двумя черточками. Десятки тысяч тоже отмечались буквами алфавита, но без титла, а сами буквы брались в кружок. Для изображения сотен тысяч кружок составлялся из точек, а для миллионов – из черточек. Записанные таким способом числа имели свои названия. Десять тысяч называли тьмой, сто тысяч – легионом (легеоном), а миллион – леодром. Приведенная здесь нумерация называлась «малое число», или «малый счет».

– Нельзя, – пояснил я обезоруженному Кореле. – Он – посол. Мне и самому хочется, но нельзя. Я клятву дал, что он выйдет отсюда живым и невредимым. – И, отведя его в сторонку, тихонько шепнул: – Погоди немного, до всех доберемся.

– Когда? – буркнул он недоверчиво.

– Нынче же, – твердо ответил я. – Стемнеть не успеет, как мы их народу отдадим. А пока погоди.

Он зло скрипнул зубами, но согласно кивнул, предупредив:

– До вечера, князь. Помни, ты слово дал.

– Теперь ты понимаешь, чего стоит твоя жизнь? – осведомился я у Шуйского.

Тот, перепуганно глядя в спину уходящего наверх Корелы, молча кивнул и больше насчет денег не спорил.

Очень хорошо. Получалось, я выиграл кучу времени, а заодно вызнал, какими финансами располагает мой враг. Пригодится, нет ли, кто знает. Во всяком случае, информация подобного рода лишней не бывает.

– Разорил ты меня, князь, вконец разорил, – пожаловался боярин.

– Но не до конца, – возразил я, желая оттянуть их штурм еще на часок, и поманил к себе показавшегося из-за алтарной двери служку. Пошептавшись с ним, я отправил мальчика к протопопу, а сам повернулся к опешившему боярину и, удовлетворенно наблюдая, как гаснет и сходит на нет улыбка на его лице, повторил: – Не до конца. С тебя еще кое-что причитается.

– Да мне и эту прорву собрать за великий труд! – возмутился он.

– Верю, потому и говорю: с серебром мы покончили. Тебе осталось продиктовать мне список всех, кто принял участие в заговоре против государя.

– А зачем? – озадаченно уставился на меня Шуйский. – Они и так подле храма стоят.

– Кроме тех, кто самый умный и понял, что пора разбежаться. Тебе-то самому, боярин, как, не обидно, что ты свою жизнь за двести пятьдесят тысяч купил, а самым смекалистым она задаром достанется? Они, поди, еще и посмеются над тобой, когда увидят, сколько ты мне серебра отвалил.

– Да нешто я всех упомяну, – залебезил Василий Иванович. – Мне токмо ближний круг ведом, а кто каких ратных холопов привел, о том...

– И не надо, – бесцеремонно перебил я его. – Мне ближний круг и интересен. – И поторопил, не давая ему опомниться: – Давай-давай, вспоминай, пока я за бумагой с пером послал. Да гляди, ни одного не забудь. А чтоб память лучше работала, за каждого, кто там, за стенами храма, стоит, но тобой не помянут, я с тебя особую пеню взыщу, по тысяче рублей за голову. Ратные холопы не в счет, из купчишек да боярских детей ты тоже можешь кой-кого не припомнить, но стольников, окольничих и бояр чтоб всех назвал. – И многозначительно добавил: – Помощь следствию в глазах государя тебе зачтется как смягчающее вину обстоятельство.

Уйма загадочных слов окончательно ввела Шуйского в ступор. Он поморгал подслеповатыми глазками и, когда расторопный служка вернулся со всеми письменными принадлежностями, без возражений приступил к перечислению. Список он диктовал мне долго, не меньше получаса. Вошли туда и его братья, про которых он поначалу попытался промолчать, и трое Голицыных, и аж четверо Колтовских, и Оболенские, и многочисленные Ростовские, почему-то все с двойными фамилиями – Темкин-Ростовский, Лобанов-Ростовский, – и много-много других, рангом пониже.

Кстати, среднего и мелкого дворянства среди них практически не имелось. Да оно и понятно. Их-то Дмитрий по моему совету вообще освободил от податей. Они и раньше платили их частично, не со всей земли, а теперь и вовсе, потому и не приняли участия в перевороте. А что? Какое нормальное государство станет облагать налогами собственных защитников? У них за свои поместья плата иная – собственная шкура.

Увы, но никого из членов будущего Опекунского совета он не упомянул, а жаль. Надеялся я, что Романов или Мстиславский задействованы в заговоре. Зато отсутствие Власьева и князя Горчакова, председателя Освященного Земского собора всея Руси, порадовало. Не было среди бунтовщиков и князя Пожарского, про которого Шуйский сказал, что тот, может, и согласился бы прийти к нему в терем для откровенного разговора, но, узнав о Лыкове, наотрез отказался. Ну да, у него с этим боярином местнические счеты аж со времен Бориса Годунова, когда и они, и их матери катали доносы друг на друга. Первые – царю, вторые – царице. Получалось, ныне эти счеты спасли Дмитрию Михайловичу жизнь.

Порадовало и отсутствие князей Долгоруких – пора обзаводиться в Думе сторонниками, а кого и брать в них в первую очередь, как не своих родичей. Наверное, имелись и другие отказники из видной знати, но ими я не интересовался. Не оказалось среди заговорщиков и окольничего Татищева, хотя о нем я на всякий случай переспросил отдельно. Он – единственный, кто помимо Шуйских и Голицыных запомнился мне из курса истории как наиболее активный участник переворота.

– Да его и в Москве нет, – ответил Шуйский. – Может, Михаил Игнатьич и встал бы с нами заодно, не ведаю, но не сдержался и попенял государю за телятину, кою Дмитрий вкушал, а тот на него осерчал и усрал в свои вотчины вежести набираться. Оно аккурат опосля твоего отъезда в Ливонию случилось.

Ну что ж, хорошо. Есть кого отправить в Персию договариваться с шахом Аббасом. Радовало и что среди стрелецких голов, как я и предполагал, тоже не оказалось ни одного заговорщика. Значит, они не должны колебаться, на чью сторону встать. Лишь бы не поверили в сказку об убийстве мною Годунова.

За то время, что я строчил, в проем неоднократно заглядывал Валуев, беспокоясь о судьбе боярина, но я специально выбрал для Шуйского местечко, откуда его сразу можно увидеть, поэтому боярский сын быстро успокаивался.

По окончании диктовки я некоторое время внимательно наблюдал, как Шуйский неловко водружает на свою плешивую голову тафью, колпак и горлатную шапку. Прodelывал он это неторопливо, обстоятельно, но руки его, как я подметил, дрожали. Однако едва тот дернулся к выходу, как я перехватил его за полу шубы.

– Куда? А грамотку насчет долга составить? Или забыл?

– Дак я ж тебе слово дал, – проямлил он.

– С тобой одним обещанием ограничиться – совсем дураком надо быть, – откровенно сказал я, и Шуйский вновь уселся на место, принявшись послушно писать под мою диктовку. Лишь раз он подивился, почему надо выплачивать деньги не мне, а Годунову.

– А тебе не все равно, кто их получит? – усмехнулся я.

Шел боярин к выходу, сопровождаемый мной, неспешно, но скорее не из желания соблудности достоинство, а из-за того, что сил не осталось – вон как шаркает ногами. Да и взгляды, которые он исподлобья время от времени бросал в сторону моих ребят, выдавали его. Такие бывают у затравленного волчары, загнанного в угол. Опасался Шуйский, явно опасался, что, невзирая на наш с ним уговор и долговую расписку, подписанную в качестве свидетелей сделки и гвардейцами, и тремя священнослужителями – протопопом, дьяконом Филимоном и архимандритом, – я его не выпущу из храма.

Остановившись подле двери и настороженно глядя на гвардейцев, вновь взявших пищали на изготовку, он вновь уточнил у меня:

– Точно ли перед государем словцо за меня замолвишь? Не обманешь?

– Замолвлю, замолвлю, – пообещал я. – Но что он скажет – не ведаю. А теперь ступай, да помни: с голов моих людей, которых пленили, ни один волос... – И осекся, прислушиваясь.

Странный шум привлек мое внимание. Он прорывался сквозь людской гомон и крики, ритмичный и очень напоминающий... Так и есть, барабанная дробь, причем барабан бил не

один, а чуть ли не десяток. И еще одно – сквозь какофонию звуков прорывалась пара-тройка достаточно дружных, работавших строго в такт друг другу, а не как попало.

На душе полегчало – дождался. Прибыли мои гвардейцы из Кологрива. Но спустя всего минуту я понял, что ошибся.

Глава 8

Те же и стрельцы

Шуйский оглянулся на меня, словно ожидая прощального напутствия. Ну это мы запросто.

– Иди, иди, боярин, – ободрил я его и, не удержавшись от злорадной ухмылки, добавил: – Все равно далеко не уйдешь.

И точно. Едва Василий Иванович кое-как протиснулся в проем, как застыл на месте, остолбенело уставившись куда-то на улицу. Я с улыбкой глядел на него. Дробь, издаваемая двумя дружными барабанами, раздавалась громче и громче, окончательно заглушив остальные, – барабанщики явно приближались к крыльцу.

И тут на крыльце возникла фигура Федора Брянцева. Властно отодвинув боярина в сторону, он неспешно нырнул в проем, а за его спиной показались довольно улыбающиеся Кудряш и Шишок – спецназовцы из десятка Кострика.

Пожалуй, никому другому из командиров стрелецких полков я так сильно бы не обрадовался, как ему. Как-никак коллега, такой же вице-спикер Освященного собора. Да и полк его чуть ли не самый лучший. Когда я выбирал, кого именно взять в Прибалтику, то в первую очередь положил глаз именно на него. Позже, когда узнал об избрании Брянцева в Освященный собор, пришлось отказаться от этой мысли, подыскав замену. Но зато расстарался, чтоб Федора Ивановича избрали в товарищи председателя собора от служивого люда.

Симпатичный, с задорной улыбкой, самый молодой из всех стрелецких голов, всего-то тридцати пяти лет от роду, он всегда был готов поучиться новому. Так, например, он первым загорелся, услышав от меня, сколько бывает видов барабанной дроби, и я до отъезда в Прибалтику поручил солисту своего маленького оркестра Волобую помочь музыкантам Брянцева освоить те три, кои освоил сам Волобуй.

– Четвертый день в Москве, а к нам в слободу глаз не кажешь, – хитро улыбнулся Брянцев, шагая мне навстречу. – Вот и решил самолично проверить, не возгордился ли князь. – Обнял он меня от души. Я аж охнул: сила у мужика медвежья. – Мы б и ранее сунулись, без твоих людишек, – виновато принялся пояснять Федор Иванович. – Да тут к нам боярин Голицын подъехал и ум за разум заплел. Сказывал, будто его Дмитрий Иванович самолично прислал. Да столь складно пел, – сокрушенно покрутил он головой, – что нас оторопь взяла. Он ведь чего поведал. Мол, ляхи тебя вместях с королевной Марией Владимировной на великое воровство¹³ подбили, пообещав венец царский, ежели ты нашего государя изничтожишь. А ведая, что ты с нами в дружбе, царь-батюшка опасается, вдруг князь и кой с кем из нас в стовор вошел. Потому государь и прислал повеление, дабы ни один стрелец вовнутрь города¹⁴ не хаживал. Дескать, он сам с воров управится, сил довольно.

– И ты поверил? – попрекнул я.

– Да ни на единый часец. Я ж тебя, князь, еще на Освященном соборе хорошо запомнил. А вот иные... – Он смущенно кашлянул и потупился. – Не то чтоб не поверили, но усомнились. Сказывали, кто ведает, каким князь из Ливонии прибыл опосля таких побед? Можя, и впрямь возгордился не по чину. А как проверишь? Вовнутрь пройдешь, стало быть, повеление Дмитриево нарушил. Боязно. Вот и стояли там у ворот да гадали, как быть. Даже когда твой монашек мне грамотку в руки сунул, в сумнениях пребывали. Ну а когда вслед за ним твои ратники

---

¹³ Слово «воровство» в то время означало политическое преступление, измену, соответственно «вор» – изменник, а все уголовники именовались татями.

¹⁴ В отличие от остальных частей Москвы (Белый город, Китай-город, Земляной город) Кремль именовали просто городом.

подскочили, – он кивнул в сторону Кудряша и Шишка, радостно обнимавшихся с остальными гвардейцами, – тут уж мешкать не стали. Все учинили, как ты в грамотке прописал, чтоб в кажные ворота по полку. И далее в точности по твоему слову творили: шли к собору, яко улицу метельщики метут: подчистую всех гребли да на Соборную площадь сгоняли. Ну и у ворот стражу выставили. Как ты и повелел, по сотне оставили. Ежели кто и затаился где-нибудь в Чудовом монастыре али еще в каком месте, из Кремля ему ныне ходу нет. Да, а где сам государь-то? – спохватился он. – Али его тут вовсе нет?

– Есть, как не быть, – вздохнул я. – Сейчас его тело вынесут.

Федор нахмурился.

– Как... тело?! – недоуменно уставился он на меня.

– Подрали его. Да так тяжко, что он и часа не протянул, – пояснил я.

– Как... не протянул?! А ты, князь, куда глядел?! – выдохнул Брянцев.

Я развел руками. Некоторое время Федор молчал, наконец плачущим голосом воскликнул:

– Да как же это?! – Он скрипнул зубами и шарахнул шапкой об пол. – Эхма, промешкали! А ведь сказывал я Жеребцову, да и прочим, поспешать. Вот те и погодили!

– Себя не виновать, – буркнул я. – Ему прямо на улице кто-то в грудь угодил, когда мы в храм бежали. Все равно бы вы не успели.

– И чего теперь делать?! – растерянно спросил он меня.

Я оглянулся на своих гвардейцев, затем на вышедшего из алтаря архимандрита и, повернувшись к Брянцеву, твердо произнес:

– Слово он свое перед смертью поведал. Сказал, что пока должен править Опекунский совет.

– Совет? – озадаченно переспросил Федор.

– Совет, – подтвердил я. – А в него он включил престололюбителя Федора Борисовича Годунова, императрицу Марину Юрьевну, ну и меня.

– А почто он сразу свое царство Федору Борисовичу не отдал? – изумился Брянцев.

Я чуть помедлил, колеблясь, но решил сказать правду.

– Таить не стану. Править нам надлежит только до тех пор, пока у императрицы не родится дите и не придет в нужные лета. – Но предупредил: – Но ты пока про это молчок.

– Да какое дите, когда их свадьба всего седмицу назад была? – нахмурился Федор, непонимающе уставившись на меня.

Ну да, точь-в-точь как я пару часов назад взирал на Дмитрия: «Какой еще ребенок?» Пришлось напомнить, что для зачатия порой хватает и одной ночи, а заодно пояснить, что если Марина Юрьевна окажется «праздная», то вопрос о новом государе согласно все тому же предсмертному завету государя решит Освященный Земский собор всея Руси. Да-да, тот самый, где Брянцев наряду со мной является одним из товарищей председателя. И то, что Дмитрий его распустил до лета, ничего не значит – соберем досрочно в связи с чрезвычайностью ситуации.

Федор кивнул, почесал затылок и недоуменно спросил:

– Ну оно и опосля обговорить можно, чай, не к спеху, а с этими-то, – кивнул он в сторону выбитой двери, – чего делать?

– А то ты не знаешь? – хмыкнул я. – По-моему, кара за государеву измену известна. Выведем их на Пожар и спросим народ, что с ними учинить.

– Растерзают, – уверенно предсказал Брянцев. Он поморщился, очевидно вспомнив про Дмитрия. – За убиенного государя, ей-ей, на клочки раздерут. Да и ни к чему всех выводить, больно много.

Я равнодушно пожал плечами:

– А мы всех и не станем – одних бояр с окольными да думными дворянами. А коль растерзают, значит, туда им и дорога. Глас народа – глас божий, и противиться ему нельзя.

– Попытать бы для порядку, – пробормотал он. – Мож, кой-кто улизнул.

– Э, нет, – улыбнулся я. – У меня тут список имеется. Шуйский сам всех назвал, а потому улизнуть ни у кого не выйдет.

Выйдя на крыльцо храма и окинув взглядом толпу, я присвистнул. Количество пленных, окруженных со всех сторон стрелецкими полками, действительно впечатляло. Они занимали чуть ли не всю площадь аж до Богоявленского собора и Казенной избы. На их фоне окружавшие мятежников ряды стрельцов, пусть и с пищалями в руках, выглядели хлипкими и ненадежными.

«Если найдется какой-нибудь отчаянный, могут уже сейчас попытаться вырваться», – мелькнула у меня мысль.

Пришлось чуть поменять план действий, распорядившись первым делом всех связать. А куда дальше? В застенки Константино-Еленинской? Но туда и половина не поместится. Значит, пока определим в нее самых знатных – поближе к Пожару. А когда освободится место, то...

– Нет, не влезут, – произнес я вслух, прикидывая, как быть.

– Помимо Константино-Еленинской еще и Благовещенская башня имеется, – осторожно подсказал мне один из стрелецких голов, Богдан Воейков. – Тесновато, конечно, но ежели ненадолго, то...

Я хлопнул себя ладонью по лбу. Ну точно. Как я забыл про узилище, из которого год назад выкрал своего друга Квентина Дугласа! Наверное, потому, что самому там сиживать не доводилось.

– Так и поступим, – согласился я. – А пока их вяжут, давайте-ка прикинем, что делать дальше...

Кто с какой стороны начнет со своими людьми прочесывать московские улицы, дабы навести порядок и остановить повсеместные погромы дворов, где остановились поляки, решили быстро. Правда, поначалу командиры стрелецких полков восприняли мое распоряжение недовольно. Тот же Богдан Воейков скривился так, словно уксусу хлебнул, заявив, что, конечно, сделает все, как повелит князь, но ежели помыслить, то лезть защищать ляхов не к спеху, можно и подождать до вечера.

– Не доживут, – возразил я.

– Их горе, – огрызнулся Воейков. – Неча свой шляхетский норов где ни попадя выказывать, а то приехали в гости, а ведут себя словно хозяева! Усадили свиней за стол, а они и рады с ногами на него взгромоздиться!

– И то верно, – поддержал его Давыд Жеребцов. – Не впрок им твое поучение пошло, княже. Летом-то, опосля «божьего суда», кой ты над ними учинил, они малость попричихли, а ныне сызнова за свое взялись.

Я покосился на остальных командиров. Те помалкивали, но недовольство явственно читалось на их лицах. Пришлось пояснить, что урок свой ляхи уже получили, и изрядный, а наша задача, пока не приехал из Кологрива Федор Борисович, навести порядок в столице, так что хочешь не хочешь, но москвичей надо остановить.

– Сейчас народец в раж вошел, может и не послухаться. Тогда как быть? – хмуро поинтересовался Жеребцов.

– Пищали у всех стрельцов имеются? – вместо ответа осведомился я и, дождавшись утвердительного кивка, развел руками. Мол, что непонятно?

Однако чтоб действовали порешительнее и не смущались стрельбы по людям, напомнил, что среди напавших на ляхов изрядное количество разбойного люда, невесть почему выпущенного из острогов. И коль имеется возможность взять большинство из них на месте нового преступления, то оно и хорошо, если кто-то из погромщиков не послушается. Ни к чему им казенный хлеб проедать. Прямо там же, на месте...

Основные силы решили выделить на Китай-город – именно в нем Дмитрий разместил большую часть гостей из Речи Посполитой. По одному полку отправили в Белый город и в Занеглименье. Наиболее надежных людей из полков Воейкова и Брянцева, как и их самих, я отправил менять стражу на кремлевских стенах. У всех проездных ворот решено было оставить те сотни, что там находились.

Закончив с распределением, я направился к своим спецназовцам, плененным бунтовщиками. Вид удручающий. У одного перебита рука, беспомощно свисающая как плеть, у второго не лицо – сплошной кровоподтек, третий вообще еле стоит на ногах... Впрочем, главное, живы, а синяки, ссадины и кровь – пустяки.

– Прости, княже. Уж больно много их навалилось, вот и не управились, – повинился Кострик. – Да и то, может, утекли, коль не понадобилось бы от остальных отвлечь, чтоб хоть кто-то до стрельцов добрался.

– И не зря отвлекали. Добрались они, – подтвердил я, порадовав его.

– Вона как. – И окровавленные губы Кострика дрогнули, пытаясь улыбнуться.

– Все как ты и повелел, княже, – угодливо напомнил Шуйский, стоящий поблизости в толпе пленных. – Теперь токмо за твоим словом заминка.

– Если услышу от государя дозволение тебя помиловать, будь спокоен, – заверил я его, сделал пару шагов и озадаченно остановился, взглядываясь в лежащие на снегу тела погибших бунтовщиков.

Дело в том, что первый из них, положенный чуть поодаль от всех прочих, оказался мне знаком. Выходит, Шуйский меня снова надул, ибо вот он, Иван Голицын. Теперь понятно, почему боярин столь легко посулил выдать мне его головой. Да потому, что головы у Ивана уже не имелось. Ну не совсем, конечно, частично. Выстрел кого-то из моих гвардейцев пришелся ему точно в глаз, на выходе разворотив чуть ли не половину задней части черепа. И тут Василий Иванович сжульничал. Ох и пройдоха!

Я повернулся к нему, кивнул, подзывая, и, когда он подбежал, угодливо семеня, осведомился, указывая на труп Голицына:

– Значит, головой выдашь?

– Чего не посулишь, когда жизнь на кон брошена, – пробурчал он, уставившись на грязный снег под ногами. – Да и не солгал я. Вот он, пред тобой лежит. А уж какого выдать, живого али нет, – о том уговора не было. Ну слукавил малость, не без того.

– Это верно, – согласился я и, подметив, как мои люди выходят из Успенского собора, бережно вынося тело Дмитрия, водруженное на своеобразные носилки из стрелецких бердышей и изъятых у заговорщиков копий, кивнул в ту сторону. – А теперь вон туда посмотри.

Тот повернул голову и, поняв, кого несут, попятился, упав. Я помог подняться. Правда, весьма бесцеремонно, за шиворот. Когда носилки поравнялись со мной, я остановил гвардейцев и распорядился опустить тело.

– Государь, милости прошу для Василия Ивановича Шуйского, – произнес я негромко и, выждав пару секунд, повернувшись к боярину, констатировал: – Молчит царь. Не желает отменять свой приговор.

– Он ить мертвый, – пролепетал Шуйский.

– Ну да, мертвый, – невозмутимо согласился я. – Точь-в-точь как Иван Голицын.

– А чего ж ты мне...

– Чего не посулишь, когда жизнь на кон брошена, – процитировал я его собственную фразу. – Но ведь и я не солгал. Обещал, что попрошу заступы, и попросил. А уж у живого или мертвого, о том у нас с тобой уговора не было.

– Все одно – обман! – возмутился он.

– Ну слукавил малость, не без того, – вновь воспользовался я его недавней терминологией. – Но ты и меня пойми: с волками жить – по-волчьи выть. А с таким волчарой, как ты, тем паче.

– Но я ж покался, – недоумевающе уставился он на меня, еще не осознав, что ему пришел карачун, трындец, абзац и финиш одновременно, и на всякий случай, вдруг я оглох, повторил: – Я во всем покался.

– Видишь ли, ранее ты тоже каялся, и тебе давали возможность стать хорошим человеком, но всякий раз ты неудачно использовал свои новые попытки, – пояснил я. – Теперь все. Считай, что у господ бога их лимит закончился. – И, дружески хлопнув по плечу, подтолкнул в сторону прочих пленных бояр, а тело Дмитрия понесли дальше, в Архангельский собор.

Кажется, Шуйский что-то выкрикивал мне вслед, и, скорее всего, это были ругательства. В иное время непременно остановился бы послушать. Ничто так не услаждает слух, как брань бессильного врага. Действительно приятно. Но дела, дела. Мне ж еще надо показаться в царских палатах. Так сказать, отметить, ну а заодно посмотреть что и как. К тому же волновала судьба еще нескольких человек, проживавших в них.

Нет, императрица в их число не входила. Жива Марина Юрьевна или нет, честно говоря, меня не больно-то волновало. Более того, в глубине души я надеялся, что заговорщики успели с нею расправиться. Баба с возу, – и волки сыты, как говаривал великий путаник русских пословиц и поговорок шведский принц Густав. За музыкантов моего оркестра, остававшихся при палатах, я тоже был спокоен. Вчера вечером я специально предупредил их, чтобы шли ночевать в Запасной дворец.

Зато за задиристого Микеланджело, которого в Москве успели окрестить Миколой Караваем, было тревожно. Могли мятежники под горячую руку с ним расправиться, ох могли. Волновала меня и судьба царских «секлетарей». С покойников какой спрос, а мне кровь из носу требовался секретный архив Дмитрия – не дай бог, всплывет невесть где. А кроме того, в нем такие бумаги, за которые не один я – и ясновельможный пан Мнишек выложил бы не одну тысячу.

Я уже направлялся к Красному крыльцу, но остановился, подумав, что ни к чему быть человеком, принесшим скорбную весть. Пусть скорбным гонцом окажется кто-нибудь иной. Отправив в палаты к Марине Юрьевне Зимника, я решил чуть обождать, пока утихнут первые женские вопли. Вдобавок мне припомнилось еще одно неотложное дело, и я, развернувшись, направился обратно в Успенский, дабы наскоро отписать Годунову в Кологрив об основных событиях, приключившихся сегодня. Заодно следовало предупредить Ксению, что со мной все в порядке, но приезжать в ближайшие три дня нельзя, ибо... некуда.

Да-да, это мне с Федором есть где жить – остается Запасной дворец. Но жених до свадьбы не имеет права проживать с невестой в одном доме, не положено, посему вначале следовало прикупить себе на торгу сруб для избы, скоренько поставить ее, а уж потом... Короче, как ни крути, а минимум дня три ей придется побыть в Кологриве.

Отправив гонцов к Годунову и вторично подойдя к Красному крыльцу, я остановился подле двух рослых бравых иноземцев из дворцовой стражи. Странно, откуда они тут появились? Их же вроде бы разогнали мятежники. Присмотрелся и невольно залюбовался. Красавцы, что и говорить. Гренадеры хоть куда. Даже оружие в их руках выглядело роскошно. На лезвии каждого бердыша, прикрепленного к древку серебряными гвоздиками, золотой царский герб, само древко обтянуто красным бархатом, увито серебряной проволокой, а сверху в изобилии свисали серебряные и золоченые кисти. Это откуда у нас такие бравые? Ага, судя по красным кафтанам и плащам из вишневого бархата, ребята из сотни француза Якова Маржерета.

На мой изучающий взгляд оба отреагировали совсем не так, как я ожидал. Вместо смущения и потупленных взоров совсем наоборот – сурово выпрямились, демонстрируя неусп-

ную бдительность. Лица невозмутимые, словно и не они несколько часов назад, вместо того чтоб драться насмерть, защищая царя, преспокойно пропустили бунтовщиков в палаты.

– Ну и наглецы! – вырвалось у меня.

– Да уж, – согласился Брянцев, которого я специально прихватил с собой, чтоб с первых минут недвусмысленно дать понять Марине, за кем стоит стрелецкая сила. – Я б на их месте со стыда провалился, – добавил он, – а им хоть бы хны. Эвон, бердыши похватали и стоят как ни в чем не бывало.

– Теперь стоять не будут, – прошипел я сквозь зубы и, обернувшись к своим людям, распорядился немедленно их заменить. В такое тревожное время нужна подлинно надежная охрана, а не эта расфуфыренная шелупонь с декоративным оружием. Впрочем, таким воякам настоящее и ни к чему.

– А нам куда? – растерянно спросил один из них, с лихо закрученными остроконечными усами на пол-лица, бесцеремонно выпихиваемый моими гвардейцами с лестничных ступенек.

– Лучше бы... – И я недолго думая порекомендовал ему, в какое место направиться, ибо там им всем вместе с их командирами самое место.

– Ишь ты! А и силен ты, князь, – с восхищением заметил Брянцев. – У меня десятник есть, Головка. Начнет сказывать – заслушаешься, и все так складно. Но таковского я и от него не слыхивал.

– Так куда нам уезжать? – переспросил наемник, ничегошеньки не понявший и теперь вопросительно взиравший на меня.

Я вздохнул. Повторять не хотелось. Крепко сказанное вовремя словцо облегчает душу, но частая ругань превращается в бессмыслицу. Душу я уже облегчил, а потому ограничился более конкретным адресом:

– Во Францию. И спешно, чтоб к завтрашнему дню духу вашего в Москве не было. Так и передай Маржерету вместе с остальными, ибо из вас телохранители, как трапеза из дерьма. – И направился вверх по ступенькам, но неудовлетворение осталось. Я остановился, обернулся к ним и выпалил: – А оружие перед отъездом сдать. И одежду тоже. Не личит она вам. Дерьмо нарядным быть не должно.

Хотел добавить еще пару ласковых, но не стал и, махнув рукой – что проку с ними разговаривать, все равно не поймут, – двинулся дальше. Брянцев сзади разочарованно вздохнул и прокомментировал:

– А в первый раз куда лучше сказал.

Глава 9

Первое столкновение, или Кто из ху

Даже на самый первый беглый взгляд палаты имели весьма и весьма удручающий вид. Как Мамай прошел, да не один, а в компании с Батыем и Наполеоном. Аж удивительно. Вроде и находились в них мятежники всего ничего, но натворить успели – мама не горюй.

Нет, пока шел по галерейкам и коридорчикам – более или менее. Причина проста – особо нечем поживиться. Попутно успел заглянуть в несколько комнатушек, где проживала придворная челядь, чтобы успокоить и заодно напомнить, что война войной, а обед по распорядку, причем аж для полутора сотен, не считая проживающих в самих палатах.

О Микеланджело мои гвардейцы доложили еще на входе в палаты. Местопребывание его мне было известно, и посланные в его комнатушку гвардейцы обнаружили итальянца безмятежно и оглушительно храпевшим. Будить его они не стали, поспешно попятившись обратно в коридорчик – слишком силен был винный дух, стоявший в его спальне. Не иначе как накануне вновь изрядно нализался, ухитрившись проспять все утренние события. Пожалуй, это его и спасло. Одежда-то на нем была русская, да и дух соответствующий, нашенский.

На всякий случай, но больше из желания оттянуть неизбежную встречу с Мариной, я сам заглянул к нему. Заглянул и умилился увиденному.

Как яблочко румян,
Одет весьма беспечно,
Не то чтоб очень пьян —
А весел бесконечно¹⁵.

На щеках проснувшегося к тому времени и сладко потягивающегося, сидя на кровати, Караваджо действительно гулял яркий румянец. Вот уж поистине влюбленным и пьяным помогает судьба. В который раз крепкий мед выручает веселого фрязина. И ведь при эдаком беспорядочном образе жизни он и на картины время находит. Заглядывал я как-то в его мастерскую – Самсон, которого он писал с меня, уже готов и выглядел отменно. Лицо один к одному, а вот с фигурой он мне явно польстил, могучая сильно. Да и мускулатура – штангист-тяжеловес позавидует, а у меня она гораздо скромнее. Но и его понять можно – с моими подлинными бицепсами девушек на руках носить куда ни шло, а вот раздирать пасть льва навряд ли получится.

– Так всю жизнь проспийшь, – ласково заметил я ему.

Караваджо молча отмахнулся и... заговорщическим шепотом предложил по чарочке. Да уж, обрусел дальше некуда. Увы, пришлось его разочаровать, отказавшись и посоветовав выпить одному за... упокой души государя. Микеланджело нахмурился и сурово уставился на меня, подозревая некий подвох. Я обернулся и, подозвав одного из гвардейцев, распорядился:

– Поясни человеку, а то мне некогда... – и двинулся дальше.

А вот гвардеец из пятерки, которую я посылал на розыск царских секретарей, принес гораздо худшие новости. Пьяными Слонский и братья Бучинские не были, потому в отличие от Каравая огребли по полной. Даже с избытком. Один бездыханный, братья пока живы, но Станислав... Судя по проломленной голове, до вечера ему не дотянуть. Ян получше, но тоже плох: три резанные раны, две пулевые, и главное – потерял много крови.

---

¹⁵ Пьер Жан Беранже. «Как яблочко румян...» Перевод В. С. Курочкина.

– Разыскать царских лекарей, и немедля к ним. Да еще послать гонца за моей травницей. Мне они нужны живыми, – выпалил я, прикидывая, что розыском архива придется заниматься самостоятельно и получится его найти или нет – неизвестно.

Ну а теперь... Как ни оттягивал, но оставалась одна дорога – к вдове. Шествуя по нарядным комнатам, отделанным для проживания Марины, ее фрейлин и прочей обслуги, прибывших из Речи Посполитой, я только диву давался – ну и накуролесили ребятки. За каких-то десять – двадцать минут, пускай полчаса, но никак не больше, успели привести все в такой свинский вид, что волосы дыбом вставали.

Пол в кровавых пятнах, часть стекол отсутствует, но больше всего пострадали стены. Обтянутые совсем недавно, к предстоящей свадьбе, голубыми шелками с россыпью вышитых на них цветов, а то и золотой парчой либо бархатом, сейчас они представляли весьма удручающее зрелище. Лишь кое-где ближе к потолку то тут, то там с них сиротливо свисал обрывок нарядной материи – очевидно, руки не дотянулись. В основном же все содрано. Мелкие клочки и обрывки тканей валялись на полу, хотя пару раз попадались и покрупнее. Видно, хапали, но, видя дальше еще лучше и краше, а места за пазухой уже нет, они вынимали, выбрасывали и вновь хватали, хватали, хватали...

Везде было пусто. Уцелевшее окружение царицы в основном собралось в одной из самых последних клетушек. Впрочем, нецелевшее находилось там же. Я имею в виду какого-то юношу в окровавленной рубашке, лежащего на постели, и бездыханное тело старухи в кресле. Судя по одежде, оба – поляки.

Впрочем, юношу я, присмотревшись, тоже причислил к уцелевшим, но частично – пока дышит, пусть и с трудом. Не иначе как пуля угодила в легкое – розовые пузыри на губах при каждом выдохе. Странно, но лицо знакомое. Ну да, так и есть, юный паж царицы Матвей Осмольский. Вчера вечером именно его я видел в палатах. Тоже в жмурки играл. Господи, как давно это было!

Догадаться, что именно подумали дамы о нашем с Брянцевым и Воейковым появлении, было несложно – все пятеро дружно завизжали так, что у меня в ушах аж зазвенело. Одна толстуха проворно метнулась к Осмольскому и, широко раскинув руки, загораживая несчастного паренька, быстро-быстро затарахтела по-польски. Вторая торопливо шагнула в другой угол, закрывая своими могучими телесами кресло, в котором полусидя-полулежа пребывала мелкая пигалица. Ну да, она самая – Марина Юрьевна, государыня всяя Руси.

– Вы уже убили Дмитрия, а здесь одни несчастные женщины, ясновельможный пан, – торопливо заверила меня одна из толстух.

Кажется, я ее тоже где-то видел. Ах да, во время пира, на котором присутствовал в качестве представителя королевы Ливонии Марии Владимировны. Вроде бы именно она стояла за креслом Марины, прислуживая ей на правах родственницы. Панна Тарло, если я не ошибаюсь.

– Но одного мужчину я здесь вижу, – вежливо поправил я ее, указывая на Осмольского.

– Какой же это мужчина?! – всплеснула руками вторая толстуха, как я позже узнал, Барбара Казановская. – Совсем мальчик, к тому же без сознания и потерял много крови. Попытка защитить несчастных женщин и без того слишком дорого обошлась ему, так что неизвестно, выживет он или нет. Пощадите его, любезный князь.

– Раз попытался защитить, значит, уже не мальчик, но мужчина, – не согласился я с нею и, повернувшись к своему стремени, распорядился: – Когда лекари придут, одного сюда.

Дамы продолжали взирать на меня с испугом, да оно и понятно – поди разберись влет, на чьей я стороне. Вроде обласкан государем, но ведь Дмитрий и Шуйского благодетельствовал сверх меры. На недавней свадьбе этой сволочи в боярских одеждах государь и вовсе доверил чин тысяцкого, а его родного брата и своего тезку царь назначил своим дружкой. Да и Василий Голицын тоже исполнял одну из почетнейших обязанностей – нес за Дмитрием, когда он входил в Успенский собор, царский скипетр.

Робость женщин пропала не сразу. Даже когда я учтиво склонился перед Мариной, они еще переглядывались между собой, словно продолжая гадать – враг или друг перед ними. Однако после моих слов, когда я кратко обрисовал ситуацию, настороженная тишина сменилась радостными восклицаниями. И первый вопрос был о судьбе Дмитрия. Как я понял, моему гонцу, известившему о его смерти, поверили не до конца.

Вместо ответа я стянул с головы шапку, давая понять, что Дмитрий скончался. Улыбка мгновенно спала с лица Марины. Но скорби на нем я не заметил – скорее напряженное размышление, что делать дальше. Да и взвыла она с заметным запозданием, притом чуточку сфальшивив. Во всяком случае, жест с раздираанием на груди платья мне показался несколько театральным. Правда, фрейлины были иного мнения, наперебой бросившись утешать новоиспеченную вдову.

Мне оставалось молчать и терпеливо ожидать, пока Марина слегка успокоится. Наконец, когда ее плач и стенания вроде бы поутихли, я решил вкратце рассказать об обстоятельствах его гибели, но не тут-то было.

– Что ж ты, князь, не уберег моего драгоценного супруга? – попрекнула она меня. – А ведь он тебе доверял поболее всех прочих.

Я опешил, глядя на нее. Причиной тому оказался... царский венец. Когда входил, его на голове Марины не было, руку на отсечение даю. Зато теперь золотой обруч, густо усыпанный драгоценными камнями, вот он пожалуйста. И как она ухитрилась о нем вспомнить в такие минуты? Но спохватился, надо ж отвести от себя обвинение, и пояснил:

– Горяч он был, потому и не успели за ним мои люди, чтоб его прикрыть. Лекарей же в соборе не имелось, да они бы и не помогли – пуля в грудь угодила, близ сердца. А касемо доверия вынужден разочаровать. У него имелись другие люди, которым он доверял куда больше. Им он и поручил охрану своих палат. Смею заверить, что, если бы она была вверена моим людям, такого бы не случилось, но... – И я развел руками.

– Мы учтем, – важно кивнула она, но спохватилась, что не выяснила самое главное (во всяком случае, то, что должно считаться самым главным), и торопливо спросила: – А... где же... тело?

– Я распорядился перенести его в Архангельский собор и...

– А к моему батюшке ты людишек послал, чтоб его оборонить? – бесцеремонно перебила она меня.

«Надо же какое самообладание! – невольно пришло мне на ум. – Глаза уже сухие, взгляд строгий, и полная концентрация мыслей, ничего лишнего. Такое ощущение, что у ее супруга сегодня не день смерти, а как минимум сороковины, если не... полгода».

Но вслух вежливо ответил, что ясновельможный пан Мнишек, к коему я уже посылал людей, нынче не ночевал на своем подворье. Как укатил вчера вечером в Белый город, так и с концами, зависнув в гостях у своего зятя князя Константина Вишневецкого. А сам подумал, что не иначе как хитрый Ёжик¹⁶, загодя почуяв неладное, специально припозднился и остался у князя. Да оно и понятно. Под защитой целой хоругви, имеющейся у Вишневецкого, вдобавок состоящей из соотечественников, чувствуешь себя куда спокойнее. То-то его подворье, расположенное практически рядышком с моим – Дмитрий отвел ему для проживания бывший терем Семена Никитича Годунова, находящийся неподалеку от Знаменских ворот, – практически не штурмовали. Причина проста – некому оборонять. Потому ратные холопы мятежников попросту ворвались туда, пограбили, что можно, и ушли, не найдя хозяина.

– А пан Станислав и Николай Мнишки? А на Посольский двор ты жолнеров отправил?

Я нахмурился, припоминая. Где живет ее братец, я вообще понятия не имел, да и касемо послов вроде бы особо ни с кем из стрелецких голов не обговаривал. Впрочем, надо ли

---

¹⁶ В польском произношении имя пана Мнишка Юрий звучит как Ёжи, отсюда и Ёжик.

посылать туда людей? Судя по тем предложениям, которые они мне делали за день до мятежа, послы явно знали или как минимум чуяли: вот-вот грядет нечто такое.

«Как знать, может, и предупредили бы Дмитрия, если бы не нахально отнятые у Сигизмунда города в Лифляндии, принадлежащие Речи Посполитой, – мелькнула невольная мысль и ее логичное продолжение: – Если смотреть и с этой стороны, все равно отчасти в его гибели виноват...»

Но додумать ее я себе не позволил, торопливо оборвав на середине. И что меня сегодня так и тянет на самоедство?! Воевал-то я по настоянию Дмитрия. К тому же разве у них и без этих городов не было уймы поводов быть недовольными поведением государя? Взять одни дебаты из-за титула.

Отсюда вывод – не стали бы они его предупреждать, ибо переворот был для них не просто выгодным, но вдвойне. Во-первых, убирался с трона слишком ретивый Дмитрий, а во-вторых, удавалось чужими руками, так, на всякий случай, ликвидировать тех поляков, которые могут по причине родства с Мнишками примкнуть к будущим рокошанам, то бишь мятежникам. А коль они всё знали, следовательно, сами успели подготовиться к отражению возможных посягательств.

– Стало быть, никуда не отправил, – протянула она, верно истолковав мое молчание, и, уставив тонкий палец в сторону Брянцева, властно распорядилась: – Повелеваю немедля послать на Посольский двор стрелецкий полк, еще один за моим батюшкой к князю Вишневецкому, а третий к моим братьям.

Федор Иванович крикнул и повернул голову в мою сторону. Его замешательство не осталось незамеченным экс-царицей.

– Ты что, плохо слышал?! – взвизгнула она. – Да прочим полковникам передай: ежели успеют спасти моего батюшку пана Юрия и братцев Николая и Станислава, я повелю каждого наделить годовым жалованьем.

Брянцев склонился в уважительном поклоне, но, выпрямившись, не сдвинулся с места, вновь уставившись на меня. Я вздохнул. Идти на конфликт с самых первых минут не хотелось. Но и поставить на место зарвавшуюся дамочку следовало. Поиск «золотой середины» был недолгим. Дружески хлопнув Брянцева по плечу, я примирительно заметил:

– Если посольство ляшское погромят, мы и впрямь стыда на всю Европу не оберемся. Потому распорядись послать туда людей. Ну и к панам Мнишкам – и к отцу, и к братьям – тоже.

– А где ж мне столько людишек взять? – взмолился он. – Ты сам повелел кому в Белый город, кому в Китай, кому в Занеглименье.

– Вернуть! – взвизгнула Марина.

Я бесцеремонно поправил:

– Известно, у страха глаза велики, вот и... Не надо ниоткуда возвращать людей. Сдается, по сотне отправить – за глаза хватит. Да не вздумай передавать им про годовое жалованье, – понизив голос, предупредил я его. – За каждого спасенного ляха столь щедро расплачиваться – никакого серебра в казне не хватит.

Тот слушал меня и охотно кивал, всем своим видом всячески стараясь выказать почтительность, тем самым недвусмысленно давая понять Марине, что князь Мак-Альпин – совсем иное дело и его приказы, в отличие от повелений сумасбродной полячки, будут выполнены с превеликим послушанием.

Но юная вдова оказалась на высоте, полученный урок уразумела быстро и выводы из него извлекла моментально. Она не всплила еще сильнее, а, наоборот, взяла себя в руки и изменила поведение на противоположное.

– А ты молодец, князь, вовремя меня поправил, – зазвенел ее ласковый голосок. – Что значит служивый человек. Вмиг все обмыслил. На Посольском дворе и впрямь даже двум сотням и то, поди, тесно придется, а уж о прочих подворьях говорить и вовсе не приходится. –

И вновь напустилась на обалдевшего Брянцева: – А ты что стоишь, как дурень, да глазами хлопаешь?! Немедля исполняй повеление... – Но чье – не уточнила, хотя на всякий случай прибавила, стараясь держать марку: – Али добавки от меня ждешь? Так напрасно. Я с князем во всем согласная.

Брянцев неловко поклонился и торопливо ушел. Я остался стоять, восхищенно глядя на Марину. Надо же, как лихо она выкрутилась из щекотливой ситуации! Куда там циркачам-акробатам и гуттаперчевым мальчикам! А ведь девахе всего ничего – восемнадцать лет. Однако...

– Надеюсь, князь, охрану моих палат ты тоже примешь на себя, – продолжила она. – Увы, но не зрю я более надежных людишек, кроме тебя.

По ушам резануло слово «моих». А впрочем, все в точности как я и предполагал. Придется повозиться с дамочкой, втолковывая, кто из ху. Но торопиться с пояснениями, что теперь ее номер шестнадцатый, не стал. Во-первых, все-таки муж погиб, надо совесть иметь. Во-вторых, слишком много у меня сегодня дел – нет времени. А в-третьих, надо вначале точно выяснить про ее беременность и тогда уж...

На первых порах вполне достаточно, что я за все время нашей беседы ни разу не назвал ее ни государыней, ни ее величеством. Для меня она – бывшая царица, и точка. Нет, может быть, на самом деле как-то иначе, даже скорее всего, коль венчана на царство раньше замужества с Дмитрием, но для меня она – экс-царица. Ну еще Мнишковна. Вслух, конечно, такое не произнесу, просто обойдусь без титулов. Довольно с нее и имени-отчества. Так я и поступил, уверив, что теперь Марина Юрьевна за свою жизнь и честь может быть совершенно спокойна, ибо мною все взято под надежный контроль.

Судя по недовольно блеснувшим глазам, я подметил, что она уловила мое скрытое противостояние, но перечить не стала. Понимая, что козыри в моих руках – умна девка, ох умна, – она благосклонно кивнула и эдак снисходительно махнула рукой. Дескать, императрица милостиво изволит отпустить. Но уйти не получилось. Когда я стоял в дверях, Марина вновь окликнула меня и попросила сопроводить к усопшему государю. Мол, ныне только во мне и моих людях видит она крепкую защиту.

Деваться некуда – пришлось топать в Архангельский собор. Поначалу экс-царица семенила впереди, но у самого выхода на крыльцо я остановил ее, заметив, что снаружи могут где-нибудь прятаться не пойманные нами мятежники. Словом, ей лучше всего держаться чуть позади меня во избежание возможных покушений. А для вящего правдоподобия я рявкнул сопровождавшим меня гвардейцам: «Кольцо!» Выполняя команду, они тотчас послушно перестроились, вынырнув из хвоста процессии и заняв места сбоку и спереди.

Вот так куда лучше. Теперь всякий мог видеть, как первым в процессии, если не считать трех ратников, вышагивает князь Мак-Альпин, а уж за ним эта пигалица, сопровождаемая своими фрейлинами. И все они взяты в плотное кольцо моих бойцов. Сразу и не поймешь – то ли охрана, то ли я веду важных арестанток.

Надо сказать, Марина этот нюанс тоже уловила. И не просто уловила, но попыталась исправить. Через какой-то десяток метров она окликнула меня и, сославшись на крутые ступени, предложила подать ей руку. Ладонка была узкая, холодная, чуточку влажная и слегка подрагивала. Изредка она судорожно сжимала своими пальчиками мою пятерню, при этом одаривая меня беспомощным наивным взглядом. Мол, никакого намека, упаси господь и пресвятая дева Мария, как можно?! Просто ступенька крутая, а я вдобавок и наступила неправильно, потому и немного пошатнулась.

Вот только кренилась она весьма часто, и всякий раз именно в мою сторону. А через десяток ступеней она вообще навалилась на мою руку всем телом, и к тому времени, когда мы миновали середину лестницы, для тех, кто смотрел со стороны, картина происходящего складывалась совершенно иная: обычный церемониальный выход королевы, окруженной фрейли-

нами и бдительной стражей. А кто там у нее сбоку? Ну-у, судя по взглядам, которые она то и дело бросает на своего кавалера, и по тому, как она опирается на него, не иначе как новый фаворит. Ах нет? Ну, значит, скоро станет фаворитом.

И это мне не казалось. Судя по недоуменным взглядам, которые бросали на нашу процессию стоящие поодаль гвардейцы, прекрасно осведомленные о моем обручении с сестрой Годунова, так оно и выглядело. Одно хорошо – сама Ксюша ничего этого не видит.

Глава 10

За короной в горящую избу...

Пока шли, я продолжал размышлять: к чему ее игра? Лишь для того, чтобы как-то подстраховаться и обеспечить себе симпатии человека, который имеет за плечами реальную силу, или нечто большее? Ну, например, намерение сохранить за собой пышный титул царицы, для чего предстоит заручиться поддержкой всех кого можно.

Однако ни к какому выводу я не пришел, в конце концов досадливо отмахнувшись – успею проанализировать попозже, сейчас не до того. К тому же из Кологрива наконец-то прибыл Годунов, о чем мне доложили гвардейцы, стоящие у Красного крыльца вместо французских обалдуев.

Оказывается, Федор Борисович, прискакав вместе с Зомме в Кремль и узнав о случившемся, первым делом поспешил к телу усопшего. Когда мы с Мариной вошли в собор, он находился там и, стоя на коленях, безутешно плакал, не обращая ни на кого ни малейшего внимания. Народу в храме практически не было, я имею в виду посторонних, все свои. Позади моего ученика стоял понурый Зомме, вокруг четверо телохранителей Годунова, в изголовье у Дмитрия – тоже на коленях – Исая, а подле него Корела, на которого и уставилась первым делом Марина.

– И что, мне стоять бок о бок с этим... хлопом?! – возмутилась она.

– Он не хлоп, а вольный казак, – ответил я. – И не просто казак, но один из защитников государя.

– Но есть же правила.

– Смерть их отменила, – покачал головой я.

– Грязный, и одежда в крови, – не унималась она.

– В крови врагов, – сквозь зубы зло прошипел я. Достала, ей-богу достала!

Мнишковна кисло сморщилась и что-то шепнула одной из своих фрейлин, указав на атамана. Та послушно закивала и, мелко-мелко семеня, направилась к Кореле.

«Если попробует удалить, я ее сам удалю», – мрачно решил я, но ошибся в предположениях. Дама всего-навсего заняла место по соседству с атаманом, чтобы Марина, упаси бог, никак не смогла коснуться грязной одежды Корелы.

Сама Мнишковна, уже пройдя поближе к бездыханному телу, не сразу припала к груди погибшего супруга. Поначалу она застыла в паре метров от его ног, якобы пребывая в оцепенении. Судя по ее взгляду, устремленному на Годунова, полное впечатление, будто она вновь что-то лихорадочно прикидывает и соображает. Не знаю, что именно, но вначале Марина поплотнее укрепила на голове венец, дабы он, упаси бог, не свалился, и лишь затем издала истошный крик. Но на тело не рухнула, а вначале деликатно просеменила, обходя его сбоку, и только после этого брякнулась на пол. Да и то не с маху, а эдак аккуратно, дабы не разбить коленки о твердый пол. Вдобавок одной рукой она не забыла придержать венец на голове.

Все это мне отчаянно не понравилось. По всему выходило, что Дмитрий интересовал ее постольку, поскольку являлся царем, и сейчас она попросту демонстрирует окружающим свое горе. Если же и имелась в ее плаче некая доля искренности, то не по нему, а по своим несбывшимся надеждам, погибшим вместе с ним.

Стало жаль парня, столь неудачно женившегося, и чуточку обидно за него. Пускай государь не красавец, но и далеко не Квазимодо. Подумаешь, пара бородавок на лице и одна рука короче другой. Зато весел, щедр, удал, да и силенкой господь не обидел. Помнится, во время охоты в Костроме он самолично хаживал с рогатиной на медведя. Такому пускай и не любая, но многие на шею кинутся, а эта...

И главное, было бы чем кичиться!

Происхождением? Но она хоть и шляхтянка, однако не из больно-то знатного или, тем паче, древнего рода. Ни с Сапегами, ни с Радзивиллами Мнишков не сравнить. Да и с Вишневецкими тоже, а про Острожских вовсе умалчиваю. Словом, третий сорт не брак.

Внешностью? Увы, и с этим у мамзели изрядные проблемы. Не станем касаться фигуры – возможно, тощие и корявые, полтора метра с кепкой, в Польше как раз в моде, и вообще дело вкуса, но лицо... Один острый носик чего стоит, придающий хищное выражение всему лицу. А вместо рта узкая прорезь, ибо мало того что у нее тонкие губы, но вдобавок она имеет привычку частенько недовольно их поджимать, и тогда они вообще выглядят как две ниточки-черточки. И волосы – с роскошной косой моей Ксюши никакого сравнения. Словом, далеко не Мисс Речь Посполитая и даже не Мисс Самбор – скорее всего, и в этом убогом городишке найдутся особы посимпатичнее, пускай и из обслуги.

Нет, польстил ей Пушкин в своей трагедии «Борис Годунов», явно польстил. С чем он там сравнил ее устами какого-то из польских кавалеров? Кажется, с мраморной нимфой. А по мне, девушка с веслом выглядит куда соблазнительнее. Да и с глазами Александр Сергеевич изрядно напутал. Не сказал бы я, что они «без жизни». Скорее наоборот, там-то она как раз и играет, струится, можно сказать, бьет ключом.

Впрочем, и классики могут ошибаться. Но в одном наш гений оказался прав на сто процентов: свою руку она не отдала – продала Дмитрию за русскую корону, притом нахально посчитав, что заплатила достойную цену.

От ее крика Федор вздрогнул и растерянно поднял голову, уставившись на Марину. Увидев же меня, он вскочил с колен и порывисто метнулся, припав мне на грудь.

– Вот и закатилось наше красное солнышко, – всхлипывая, прошептал он, и слезы полились по его щекам с удвоенной скоростью.

Даже странно, откуда столько безутешной скорби от кончины Дмитрия. Если вдуматься, то погиб конкурент в борьбе за власть, а он... И ведь видно, что в отличие от Марины не играет, переживает искренне и всерьез. Но потом я вспомнил, что в целом Дмитрий был весьма ласков к своему наследнику, а синяки и шишки доставались преимущественно моей голове. Годунову же перепало всего разок, когда его хотели удавить, да и то позже оно оказалось вроде бы как боярской инициативой, о которой «красное солнышко» ни сном ни духом.

В проявлении внешних эмоций Марина не отставала от царевича и даже опережала его. Причитать, как русские бабы, полячки не умеют, зато вскрикивала и рыдала она весьма громко.

– Плачь, милая, плачь, – ласково прошептал Федор, оторвавшийся от моей груди и направившийся обратно к усопшему. – Все полегче будет. – Он жалостливо вздохнул и вновь опустился на колени перед телом Дмитрия.

Признаться, было не по себе. Со всех сторон доносятся рыдания или как минимум всхлипывания – вон и на глазах моих гвардейцев слезы, а на меня накатило какое-то равнодушие. Ну вообще ничего не шевелится в душе. Скорее напротив – какое-то облегчение, только непонятно, от чего именно в первую очередь. То ли потому, что теперь не понадобится делать тяжкий выбор, решая, протягивать ему руку помощи или нет, – судьба сама сделала его за меня, то ли оттого, что наконец-то все закончилось. Разумеется, остаются всякие там Марины и Опекунские советы (да и то насчет последнего не факт), но мне это казалось легкорешаемыми проблемками, не более. Понятно, что спокойной жизни не предвидится – дел на Руси хоть отбавляй, и крутиться придется как белке в колесе, но зато без неожиданных срочных вводных. Можно спокойно планировать работу на недели, месяцы, а то и годы вперед.

Однако все равно стало стыдно. Я низко опустил голову, сетуя на собственную бесчувственность. Впору поступить как мужики в пушкинском «Борисе Годунове». Нет, тереть луковицей под глазами перебор, и украдкой смачивать их слюной ни к чему, но пару раз провел по ним рукавом кафтана – пусть думают, что утираю выступившие слезы.

Так прошло полчаса, не меньше. Кажется, приличия соблюдены, и даже с перебором. Правда, Годунов продолжал рыдать, да и Марина тоже. Деваться некуда, придется отвлечь царевича. Склонившись над Федором, я шепотом напомнил, что для скорби еще будет время, целый вечер и ночь, да не одна, а сейчас надо бы пойти со мной и до выхода на Пожар вникнуть в неотложные дела, намеченные мною на сегодня.

– Чего? – непонимающе откликнулся он.

Я терпеливо повторил.

– Да какие нынче дела, когда такое горе?! – возмутился он.

– Народ осаждают дворы, где разместили ляхов, – пояснил я. – Стрельцы посланы, но для окончательного успокоения людей я распорядился сообщать всем, чтоб они после обедни собрались на Пожаре. Мол, там ты всем и расскажешь как и что, а заодно выведешь к людям истинных изменников и убийц.

Годунов горестно кивнул и ласково провел пальцами по рукам Дмитрия, сложенным на груди, но подниматься с колен не спешил. И только теперь я заметил, что Марина притихла, перестав рыдать. Точнее, притихла она чуть раньше, едва я начал говорить. Не иначе как прислушивалась. Мою догадку подтвердили ее слова:

– Светлейший князь верно сказывает. Царственная кровь жаждет отмщения. Это мне, слабой женщине, позволительно предаваться безутешному горю, да и то я в отсутствие твоего высочества вынуждена была отдать некоторые распоряжения твоему воеводе и князю.

Федор скорбно вздохнул, всхлипнул напоследок и наконец-то поднялся.

«Ишь ты, высочеством назвала, – мысленно отметил я. – Помнится, так принято обращаться к наследникам престола, а не к государям. А она у нас, стало быть, величество. Да уж, как пить дать намучаемся мы с этой дамочкой, ох намучаемся. Если она даже сейчас, у тела своего убиенного мужа, не столько скорбит по нему, сколько думает и гадает, как удержаться у власти, то чего от нее ждать дальше?»

Но я отогнал эту мысль. Пока о Марине лучше не думать вовсе. Вот когда прояснится ситуация с ее беременностью, тогда и поглядим. К тому же в любом случае решительные шаги она предпримет не раньше чем через пару дней или через неделю, и не стоит забивать себе голову раньше времени.

Однако сегодня явно был не мой день, и я вновь, в очередной раз, не помню, который по счету, ошибся в расчетах, ибо действовать она начала куда раньше...

Мы с Годуновым только-только вышли из Запасного дворца, куда я его затащил потрапезничать на скорую руку – все-таки время обеденное, дело впереди серьезное, и надо подзаправиться. Попутно рассказал, что произошло утром, и обрисовал дальнейший план наших действий. Мол, вначале выйдем на Царское место мы трое – я, он и патриарх Игнатий. Игнатию поручим выступить первым. Пускай рассказ о случившемся прозвучит из уст главы русской церкви и опять же лица нейтрального. Я, как свидетель ранения и гибели государя, подключусь по мере необходимости, если понадобится что-то подтвердить. Но о предсмертном завещании Дмитрия умолчим. Ведь пока неизвестно, беременна ли Марина, а если нет, то и Опекунский совет не понадобится.

Ну а в заключение толкнет речь сам Годунов. И начинать ее лучше всего с покаяния – здешнему народу, как я давно заметил, это нравится. Мол, простите, люди добрые, не поспел вовремя, дабы уберечь наше красное солнышко. Кабы ведал, что такая беда ему грозит, денно и ночью коней бы от самой Ливонии гнал, в столицу торопясь, но... Далее по взмаху его руки мои гвардейцы вынесут тело государя.

– Так ведь у нас покамест ни гроба нет, да и само тело не обмыли, не приготовили, – нахмурился Федор. – Негоже как-то.

– Ничего страшного, – отмахнулся я. – Так, по-простому, получится даже лучше. Вынесут на носилках, как погибшего в бою.

– А к чему такая спешка?

– Тебе с казней правление начинать не с руки, а без них никак. Вот москвичи и помогут, – откровенно пояснил я. – Поэтому, когда люди вдоволь наплачутся, я тебе шепну, ты махнешь рукой, на площадь выведут пленных мятежников, и народ сам с ними разберется.

Вроде бы все обрисовал, можно и выдвигаться. Время-то о-го-го, а нам надо предварительно заехать к патриарху. Осталось внести последний штрих в наряд Годунова – одежда-то хороша, эдакая неброская, темных тонов, а вот ранение, полученное им в боях за Ливонию, стоит подчеркнуть. Пусть москвичи воочию лишний раз убедятся, кто за Русь кровь проливает. А если кто-то решит, что рана получена сегодня, при защите государя, еще лучше. Словом, отыскав кусок материи, Дубец соорудил роскошную перевязь.

Но не успели мы спуститься вниз, как у крыльца показался запыхавшийся Курнос, которого я в числе десятка гвардейцев оставил подле Архангельского собора. Мол, безутешная вдовица просит Федора Борисовича улучшить для нее единый часец и заехать в храм. Мы с Федором быстро переглянулись.

– Ничего там не случилось? – уточнил я.

Курнос неловко передернул плечами и помотал головой. Странно, тогда зачем ей понадобился Годунов? Я вопросительно оглянулся на своего ученика – может, послать назойливую барышню, сославшись на неотложные дела? Но Федор довольно улыбнулся:

– А ты мне сказывал, будто она за власть цепляться станет. Небось кто цепляется, своего супротивника просить ни о чем не станет, – и, повернувшись к Курносу, распорядился: – Лети обратно и упреди, что скоро явлюсь.

Через пять минут мы были у дверей Архангельского собора. Марина поджидала на крыльце, причем без сопровождения, отправив своих фрейлин в палаты. Тет-а-тет? Зачем? Еще одна загадка. Как говорила Алиса в Стране чудес, все страньше и страньше. Однако ломать над этим голову было некогда, и я, заявив, что время дорого и сам съезжу к Игнатию, направился на патриаршее подворье.

Туда меня поначалу не пустили, ссылаясь на недомогание святителя. Во всяком случае, именно в таком духе ответил мне приоткрывший калитку монах-привратник. Как я понял, хитрый грек решил остаться в стороне, выжидая время, поскольку победители вроде бы определены, но пока их слишком много, минимум двое. Желая наверняка оказаться в одной лодке с победителем, он и попытался взять тайм-аут.

– Болезнь-то не иначе как медвежья, – зло выпалил я.

Монах негодуяще засопел и попытался захлопнуть калитку перед невежей и хамом, но я успел вставить в щель ногу. Привратник нажал, я тоже. Противостояние длилось недолго – молодость победила, хотя и не без труда.

Правда, у самых покоев мне вновь преградили дорогу два дюжих плечистых монаха, стеной вставшие на моем пути. Один даже скинул с плеч полушубок и по локоть засучил широкие рукава рясы. Пришлось пригрозить. Я поднял руку, подавая знак десятку гвардейцев, стоящих позади меня, и те взяли на изготовку свои арбалеты.

– У вас, святые отцы, еще есть время, пока я досчитаю до трех, – предупредил я. – Потом его не будет. Ра-аз...

– Грех это великий, – пробурчал один из них, с укором глядя на меня.

– Спорить не берусь. Тем более с будущими мучениками, – пожал плечами я. – Ну ничего, замолю. Авось ради святого дела. Два-а...

Они нерешительно переглянулись, но продолжали стоять.

Я обернулся к гвардейцам и развел руками:

– Не хотят понимать. Ну-ка, разок, но для начала с уважением к сану.

Пять арбалетных стрел впились в притолоку, на десяток сантиметров повыше монашеских голов. Говорить «три» не понадобилось – оба мгновенно раздались в стороны. Все, проход свободен.

Патриарх действительно лежал в постели, но, как я и заподозрил, болезнью не пахло. Тем более медвежьей. Зато пахло чем-то вкусеньким. Сомнительно, чтоб у хворых людей был такой замечательный аппетит – на столе стояли исключительно пустые или полупустые блюда, а на них – вот те раз – остатки скоромной пищи. Вон в мисочке обглоданное крылышко курочки, а на краю стола сиротливо притулился недоеденный пирог с мясной начинкой. Ишь ты, а ведь нынче пятница.

Но виду не подал, тем более православная церковь болящим действительно разрешает не соблюдать посты. Да и время поджимало, не до подковырок. Взяв быка за рога, я заявил, что сегодня каждому придется определиться со своим выбором и на чьей он стороне. Игнатий слабым голосом принялся уверять, будто он еще поутру хотел урезонить неразумных, ан глядь, а от великого огорчения ноги отнялись. Так-то он конечно же всей душой с нами, и если бы не окаянная немощь, то он непременно... но я бесцеремонно перебил его:

– Душой, святитель, – это замечательно, но к ней придется добавить тело.

Он открыл рот, но возразить не успел. Не давая ему встрять, я небрежно поинтересовался, известно ли патриарху, что помимо государя заговорщики планировали заменить и главу православной церкви. Игнатий встрепенулся, настороженно уставившись на меня. Конечно, я блефовал. Но, помнится, когда поляки сидели в Кремле, письма по городам с призывами к народу рассылал уже Гермоген, и сложить два и два труда не составило.

– А Федор Борисович? – деловито спросил он.

«Надо же, взбодрился, и голос окреп», – умилился я, ответив, что Годунов – человек богобоязненный и никогда не позволит себе произвола в отношении столь важной духовной особы. Кроме того, он весьма охотно прислушивается к моим советам, а мне нынешний патриарх, если честно и откровенно, как на исповеди, весьма и весьма симпатичен. Говорю не голословно, ибо оное ранее успел неоднократно доказать на деле, решительно вставая на его сторону. Например, когда ныне покойный государь возжелал сместить с ростовской митрополичьей кафедры владыку Кирилла. Но ныне пришел черед самого Игнатия поддержать нас, поэтому придется встать и, преодолевая свою тяжкую хворь, прошвырнуться на Пожар, дабы помочь окончательно добить врагов.

– *Наших общих* врагов, – на всякий случай уточнил я.

– Превозмогу, – твердо пообещал он.

– Тогда мы с Федором Борисовичем через полчаса будем ждать тебя у Константино-Еленинской башни, – предупредил я и, дождавшись его согласного кивка, отбыл обратно, к Архангельскому собору, забирать Годунова.

Марина и Федор по-прежнему оживленно беседовали подле храма. Издали это напоминало свидание робкой школьницы, жаждущей признаться в любви, со здоровенным физруком. Сам физрук, то бишь Годунов, в основном помалкивал, смущенно улыбаясь и время от времени снисходительно кивая. Школьница, это чувствовалось даже на расстоянии, в обилии источала флюиды ласки и нежности.

Подъехав поближе и спешившись, я понял, что первое впечатление меня не обмануло – суть происходящего именно такова. Правда, при мне Марина ворковала недолго, быстренько закруглившись, но таким тоном, что казалось, будто еще миг, и она признается Федору в любви, бросившись на шею. Точно, точно. Даже само построение фраз и то продумано – чуть ли не каждая вторая без окончания, для соблюдения многозначительности, дабы человек сам мысленно продолжил недосказанное. Все остальное – и жесты, и мимика – соответствовало. А темные миндалевидные глаза ее чуть не светились от переполнявшей их нежности к царевичу.

– Вижу, его высочество торопится, потому более не задерживаю, – промурлыкала она напоследок.

– Да уж, и впрямь поспешать надобно, государыня, – посетовал Годунов.

Марина понимающе закивала, а меня его последнее слово резануло по ушам. Я недовольно прикусил губу, отметив свою вину. Следовало заранее проинструктировать Федора, что отныне называть ее так нежелательно. Пришлось компенсировать оплошность собственной подчеркнутой угодливостью – пусть видит, кто теперь на Руси истинный правитель, и я ринулся помогать Годунову забраться на коня. Но когда он уже оказался в седле, а я подошел к своей лошади, Марина, словно спохватившись, обратилась к царевичу с просьбой:

– Ах да, мне бы хотелось потолковать с твоим воеводой.

Федор оглянулся на меня. Я, сделав каменно-непроницаемое лицо, заметил:

– Вообще-то нам сейчас надо к Константино-Еленинской башне да распорядиться, чтоб выводили мятежников, а потом скоренько на Пожар – народ собрался и волнуется.

Она молча посмотрела на Годунова. Тот благодушно отмахнулся:

– Оставайся, я сам все повелю. Токмо не мешкай больно-то.

– Не позднее чем через один дробный часовец я его отпущу, – заверила Марина и в знак благодарности за выполненную просьбу слегка склонила голову.

Федор в ответ смущенно улынулся и неловко отмахнулся – мол, чего там, пустяки, право слово.

«Значит, промашка у меня получилась с анализом, – пришел я к выводу. – Судя по всему, деваха сделала ставку на моего ученика. Но как быстро она его уделала! Даже удивительно. А что уделала, точно – вон как раскраснелся от смущения. Ладно, нынче вечером предупрежу, дабы впредь держал с ней ухо востро и не расслаблялся».

Однако ставка ставкой, но и мою кандидатуру Марина упускать не хотела. Стоило Годунову удалиться, как она покосилась на пятерку моих гвардейцев во главе с Дубцом, нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу, и осведомилась:

– А хлопы верны тебе?

Я немного обиделся. Нашла в чем сомневаться. Хотя да, полячка, чего с нее взять, и, приосанившись, гордо заявил:

– Во-первых, они не холопы, а гвардейцы. Во-вторых, всего год назад они так и именовались: Стража Верных, а в-третьих, за меня в огонь и воду.

– И молчать умеют? – уточнила Марина.

– Как рыбы, – отчеканил я. – Но для вящего спокойствия... – И я, подзвав Дубца, велел отправляться вместе со всеми остальными к Константино-Еленинской башне и передать престолоблудителю, что скоро появлюсь. Очень уж интересно стало, что она мне скажет, оставшись наедине.

– Престолоблудителю... – иронично усмехнулась она, глядя, как гвардейцы садятся на коней и послушно отъезжают. – Кажется, один раз он уже не сумел соблюсти свой престол, расставшись с ним. Да и жизни своей лишился бы, если б не верность ясновельможного князя. За такое с головы до ног золотом осыпать и то мало, а он... Я слыхала, кроме двух убогих деревенок, у тебя нынче вовсе ничего за душой нет. Конечно, *beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus*¹⁷, но все равно. Выходит, не больно-то Годунов тебя ценит. То не добже. У нас в Речи Посполитой иначе, и истинно верных мы награждаем *ad valorem*, а ты, князь, достоин вдвойне, ибо помимо того, что *vir magni ingenii*, еще *sapiens et totus*, – выпалила она и выжидающе уставилась на меня.

---

¹⁷ Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести (*лат.*).

Не хотелось признавать ее превосходство в чем бы то ни было, даже в таких мелочах, как знание латыни, но деваться некуда. Если промолчать сейчас, позже правда все равно всплывет наружу, и получится гораздо хуже: коль скрывал, следовательно, стеснялся, и я переспросил:

– А что означают последние слова?

– Ясновельможный князь не розумеет мовь благородных людей? – удивилась она.

– Весьма худо, – развел руками я, честно сознавшись: – С десяток-полтора мудрых пословиц, не более. Но говорить на ней, увы...

– Странно.

– Ничего странного. Я просто не считал нужным изучать мертвый язык. К тому же на Востоке, где мне довелось пребывать долгое время, у меня хватало забот с изучением иных языков, на которых разговаривали местные народы.

– Жаль, жаль... – протянула Марина, но пояснила: – Я назвала тебя человеком большого ума, следовательно, понимающим, на какой стороне искать свою выгоду. А еще верным и смелым, коих надлежит награждать по достоинству.

– По достоинству – это хорошо, – согласился я.

Не дождавшись от меня продолжения, Мнишковна воровато оглянулась на двери собора и, снова уставившись на меня, выпалила:

– Ныне я покамест не вправе что-либо вершить. Но верь, князь, едва стану полновластной царицей, в первые три дня ты получишь из казны сто тыщёнцев. Ну и верные твои тоже в обиде не останутся. То не за государя – его вы не спасли, – а за государыню, жизнь и честь коей вы сберегли. За такое скупиться негоже. И четверть всех вотчин, оставшихся от тех, – кивнула она в сторону Константино-Еленинской башни, – твоими станут. Да и после не забудем и лаской не обделим... коли и дальше верность хранить станешь. – И она вопросительно уставилась на меня, ожидая согласия.

Я продолжал молчать. Нет-нет, не из-за колебаний. Они-то отсутствовали напрочь. Просто столь нагло меня до сего дня не покупали, зато ныне то Шуйский, теперь вот Мнишковна. Но боярина я сам спровоцировал, оттягивая время, а тут... Потому и молчал, отчаянно сражаясь с желанием послать ее куда подальше. Вообще-то я стараюсь быть вежливым со слабым полом, но только когда они ведут себя соответственно своему положению. Если ты считаешь себя благородной, то соответствуй, а не веди себя как торговка с Пожара, считающая, что купить можно все на свете и вопрос исключительно в цене.

Кстати о деньгах. А почему столь дешево? Вон Шуйский за разовую услугу и то двести пятьдесят тысяч пообещал, а тут втрое меньше. Хотя да, плюс вотчины, и опять-таки на первых порах, а далее еще... может быть. Ну-ну. Тогда куда ни шло. Но как лихо мадам сорит русскими деньгами, аж восторг берет. А между прочим, казна не безразмерная, о чем я и не преминул напомнить:

– На Руси говорят – покупать легко, да потом платить тяжко. Подумать надо. Очень уж все неожиданно.

Легкая, еле заметная тень разочарования скользнула в ее глазах.

– О-о, так князь есть кунктатор, – усмехнулась она и благосклонно кивнула. – Что ж, подумай. Но недолго. *Bis dat, qui cito dat.*

На сей раз перевести она не удосужилась, забыв про мое незнание латыни, но эта поговорка была мне известна: «Кто быстро дает, тот дважды даст».

– До завтрашнего полудня ответ ждать буду, не более. И помни, – ее рука выскользнула из меховой муфты и вкрадчиво легла мне на грудь, – это княжеских венцов много, а царский – он один. – И ее ладонь ласково и многообещающе легла на собственный, якобы поправляя его. – Чуть промешкал, и все, он на другом. – Она резко отдернула от венца руку, пряча ее обратно в муфту, и вновь испытующе уставилась на меня – понял ли я.

Ясное дело, чего ж тут не понять. Хотя погоди, я же медлительный, как она меня обозвала, пользуясь моим незнанием латыни, то есть тугодум, мозги тяжко вертятся, со скрипом, надо соответствовать...

– А при чем тут царский венец?

Она досадливо передернула узенькими тощими плечиками:

– В любом деле без помощника никак, а в государевом...

– У тебя, Марина Юрьевна, и без меня советников хоть отбавляй, – возразил я.

– Как поглядеть, князь, как поглядеть, – вздохнула она. – Скрывать не стану – мои соотечественники куда ближе к сердцу, но нельзя. То Москве и прочему русскому люду в обиду станет. А на бояр положиться – проще самой труцизну¹⁸ принять. Вот и получается, один ты у меня остаешься. У тебя и своя сила за плечами, и стрелецкие полковники тебе почтение изъявляют. Но ежели призадуматься, и тебе опереться не на кого. Иноземец ты, чужак. Правда, православную веру ты принял, но недавно, года не прошло. Да и проку с нее, коль Боярская дума тебя без соли съест готова. Полковники же стрелецкие супротив нее нипочем не пойдут. А чернь тебя хоть и любит, но это ныне, а как завтра – неведомо, уж больно ее любовь изменчива.

Я не стал спорить, покладисто согласившись:

– Все так.

– А коль так, то получается, что нам прямой резон действовать рука об руку. – И она спохватилась: – Я Годунову обещала поскорее тебя отпустить, потому подробно о прочем мы с тобой позже потолкуем, а покамест ступай, пан кунктатор, размышляй. Годунову же ответствуй, ежели вопрошать начнет, о чем мы с тобой говорили, будто я, напужавшись рокоша, выпрашивала тебя, не повторится ли такое впредь, ибо страшно мне. Мыслю, проглотит таковское. Да еще выпытывала, точно ли хватит у тебя ратников, чтоб управиться с бунтовщиками, ежели наперед какие волнения приключатся...

Я кивнул, не в силах сказать ни слова. Ну и лихо девица работает, аж восторг берет. Оказывается, не только в русских селеньях есть женщины, которые и коня на скаку, и в горящую избу. Иные полячки тоже согласны шагнуть в полыхающий дом. Особенно если там на столе лежит ничейная корона. Как она меня мастерски уделала! Оглянуться не успел, как аркан накинула. Точнее, попыталась.

А Марина, решив, что дело сделано, поторопила:

– Езжай, езжай, а то Федор Борисович заждался, поди. Он же, как я подметила, ровно теленок малый – без тебя ничего сделать не может. – И губы ее изогнулись в презрительной усмешке. – Шаг один ступит, а перед другим на тебя оглядывается, совета твоего ждет. Ты теперь, главное, не ошибись с советами этими. *Carpe casus*¹⁹, князь, да не забывай, что княжеский венец хоть и красив, но токмо в царском истинная лепота сокрыта.

Гм, ей бы рыбу ловить – вон как мастерски подбирает нужные блесны для своих крючков. Да все радужные, так и сверкают, так и переливаются. В одном лишь она дала промашку – не рассчитала, что такая щука, как я, ей не по зубам. Зато с Годуновым ей управиться – делать нечего. И я дал себе слово, что завтра же поутру отправлю десяток гвардейцев в Кострому за Любовай. По принципу клин клином. Вот и ответим на польское словесное колдовство русским телесным естеством.

Но Федору я решил о предложениях экс-царицы пока ничего говорить. Слишком он простодушен, сразу выдаст свою осведомленность, а мне куда выгоднее побыть в ее глазах тайным союзником. Пускай недолго, но основное я успею, а там поглядим, может, и дальше получится косить под двойного агента. Да и ни к чему загружать Годунова тем, что в любом случае придется решать мне самому.

---

¹⁸ Яд (*польск.*).

¹⁹ Лови случай (*лат.*).

К тому же едва я добрался до Константино-Еленинской башни, как столкнулся с новой проблемой...

Глава 11

Неожиданное помилование, или Старая схема на новый лад

Оказывается, извлеченные из застенков знатные мятежники, догадываясь, куда их поведут и для чего, взмолились, чтобы им прислали священников для исповеди и отпущения грехов. Взывали они не к Годунову, а к патриарху Игнатию, находившемуся поблизости в своем золоченом санном возке. И подоспел я как нельзя вовремя, ибо святитель откровенно растерялся и, судя по его лицу, был готов снизойти к их просьбе. Мгновенно прикинув, что это грозит нешуточной затяжкой по времени – пока попы прибудут, да и то от силы два-три, то есть к каждому выстроится очередь из полутора десятков человек, которые примутся неспешно каяться, ибо перед смертью не надышишься, – я понял, что допустить этого ни в коем случае нельзя.

Торопливо направив своего коня к возку Игнатия, я выпалил:

– Если промедлим, толпа сюда ворвется.

– Может, их вовсе не выводить? – предложил он.

– Нельзя, – отрезал я. – Слишком много у наших общих врагов тайных сторонников, а потому, если денек промедлить, всякое может приключиться. Кроме того, завтра состоится заседание Боярской думы, а они могут многое переиначить.

Напоминание о наших общих врагах и Думе решило дело. В глазах патриарха мгновенно загорелся недобрый огонек. Он нахмурился и, выйдя из саней, сурово воззрился на мятежников, поочередно останавливая свой взгляд чуть ли не на каждом. Те стихли в ожидании его слова. И патриарх не подвел, но изрек далеко не то, на что надеялись пленные:

– Сказано апостолом Павлом в его Послании к римлянам, что всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо несть власти не от бога. А посему противящийся власти противится и божьему установлению, стало быть, идет против самого господа. Тако же и в Правилах святых апостолов, записанных у нас в Кормчей книге, говорится. Аще кто досадит царю али князю не по правде, да понесет наказание. И аще таковой будет из клира, да будет извержен от священного чина. Аще же мирянин, да будет отлучен от общения церковного. А посему властью, данной мне господом, за богомерзкие деяния отлучаю вас от церкви и анафемствую вам, яко безбожным злодеям.

Класс! Была бы возможность, захлопал в ладоши, но нельзя, чай, не театр.

Пораженные такой гневной отповедью, закончившейся анафемой, заговорщики стихли, смирившись с неизбежным. Кроме одного. Им оказался все тот же Василий Шуйский. Улучив момент, он метнулся к восседавшему на коне Годунову и торопливо зашептал:

– Государь, дозвожь мне слово тайное молвить, кое ты давно жаждешь услышать.

Федор брезгливо покосился на него, дал знак стрельцам, поспешившим к боярину, но тот, вцепившись в красный сапог царевича обеими руками и испуганно оглядываясь на подхлывшую к нему стражу, не унимался:

– Князь Мак-Альпин – иноземец, потому ему на смерть твою батюшки наплевать и растереть, а я хочу тебе назвать подлинное имя его убийцы.

Стрельцы наконец-то оторвали и поволокли Шуйского прочь, но Федор встрепенулся и крикнул вдогон:

– Стойте!

Те послушно остановились. Годунов направил коня к извивавшемуся в их руках боярину, в этот момент удивительно похожему на гигантскую гадюку, скользкую и жутко ядовитую. Я спешно ринулся наперехват, загоразивая своим конем дорогу царевичу.

– Ты чего? – уставился на меня Годунов.

– Он жизнь себе станет выпрашивать, – мрачно предупредил я.

– Пускай, – упрямо набычился Федор. – За такое имечко можно не токмо ее даровать.

В глазах его светилась такая непреклонность, что остальные возражения застряли у меня в горле – бесполезно. Пришлось уступить дорогу. А он, вновь направив коня к Шуйскому и остановившись подле боярина, махнул стрельцам рукой, чтобы отпустили.

– Говори, – потребовал он.

Высвободившийся из крепких рук боярин угодливо склонился перед ним в низком поклоне и осведомился:

– А животом одаришь?

Я в сердцах сплюнул – так и есть. Ну до чего ж поганый старикашка. Всегда отыщет выход.

– Ежели правду сказываешь, одарю, – твердо посулил Годунов, в подтверждение своих слов перекрестился на золоченые церковные купола и вновь повторил: – Имя. Ну?

– За-ради тебя, государь, никого не пощажу, – заторопился Шуйский. – Мы ить и мятеж токмо за-ради тебя учинили, на царство тебя жажда возвести, опосля того как дознались, что не подлинный сын Иоанна Васильевича на престол посажен. Лжедимитрий он.

– Не о том речешь! – рявкнул на него престолоблудитель. – Имя!

Василий Иванович тяжело вздохнул:

– Токмо на ухо, чтоб никто не слышал.

Тут уж и мне стало любопытно. Я подъехал поближе. Шуйский опасливо покосился на меня, перевел умоляющий взгляд на Годунова, но тот сурово произнес:

– От князя у меня утаек нет. Ну, сказывай!

Шуйский издал повторный тяжкий вздох и еле слышно выдавил:

– То брат мой, Иван Иванович был. Он и сговорился со стольником Васькой Темкиным-Ростовским. Васька ентот смертное зелье, когда батюшка твой с послами сиживал, улучив миг, и поднес в кубке Борису Федоровичу.

– Кто-о? – изумленно протянул Годунов. – Пуговка?!

– Ну да, – печально подтвердил боярин. – А зелье сие ему женка Дмитрия, братца мово, изготовила.

– Екатерина Григорьевна?! – вытаращил на него глаза Федор. – Она ж мне тетка, а Борис Федорович ей – зять родной! Да как же это?! Точно ли так? Не брешешь?!

– Нешто я нехристь какой, чтоб в свой смертный час ложью уста осквернять?! – в свою очередь возмутился Шуйский. – В том и пред святыми крестами клянусь. – И он принялся торопливо креститься на купола, приговаривая: – За-ради тебя, Федор Борисыч, я от кого хошь отрекусь, ибо царь для меня не токмо братьев дороже, но и отца с матерью. Да ты сам вспомни, с чем я к тебе в Кострому приезжал? Сватовство-то поводом было. К чему мне женка-то, сам помысли? Я ить тебе еще тогда предлагал...

– Предлагал, чтоб государю продать, – встрял я. – И продал.

– Лжа! – завопил он. – Поклеп! Оговор!

Возмущение его выглядело столь искренним, что я слегка опешил от подобной наглости, но быстро пришел в себя.

– Какой же поклеп, коли мне об этом сам царь в Ярославле поведал.

Годунов удивленно уставился на меня. Я спохватился, что тогда так ничего и не рассказал своему ученику – не до того было, а позже и вовсе выскочило из головы.

– Сейчас не время, – пояснил я, – а позже расскажу.

– Хорошо, – кивнул он и, повернувшись к стрельцам, распорядился, указывая рукоятью плети на Шуйского: – Этого и... вон тех обоих, – ткнул он в сторону белых как мел братьев Василия Ивановича, – сызнова в узилище.

– И Мишу, племяша моего, Скопина-Шуйского, – встрял боярин.

– И Мишу, – отмахнулся Годунов. – Вернусь с Пожара, тогда и потолкуем.

Я скрипнул зубами, но возражать не стал, решив заняться этим попозже и торопясь на площадь, где собравшийся народ гудел все громче и громче, начиная закипать.

Там изначально пошло не так, как я рассчитывал. Во-первых, патриарх, еще когда мы находились под аркой Фроловских ворот, повернувшись ко мне, заявил, что рассказывать, как оно происходило, надлежит мне, «яко видоку» всех событий. И сказано это было столь категорично, что стало ясно – любые уговоры бесполезны, да и нет на них времени.

Впрочем, может, оно и хорошо. Смею надеяться, речуга у меня получилась куда образнее и красноречивее, нежели у него. Во всяком случае, люди реагировали весьма бурно. Они то ревели от злости на окаянных заговорщиков, требуя вывести их на площадь и отдать им, то бурно негодовали на самих себя, то радовались хитроумности Дмитрия, сумевшего ускользнуть из палат и незаметно добраться до моего подворья, то горестно охали, когда я рассказывал о последних минутах его жизни.

Затем Арлекино, то бишь я, умолк, и слово взял Пьеро, который Годунов, в свою очередь заставив людей сокрушаться и плакать. Не зря я доверил ему именно эту, так сказать, покаянно-траурную часть. Самое то. Но когда Федор дал отмашку и из-под арки Фроловских ворот показалась траурная процессия, я чуть не ахнул, уставившись на ее участников, в числе которых находилась и... Марина.

Ну кто мог предвидеть, что, пока мы с Федором трапезничали, она вместо продолжения безутешных рыданий на груди убиенного супруга начала расспрашивать моих гвардейцев, оставленных подле тела Дмитрия. Вначале допытывалась о том, как случилось, что государя не уберегли, а вслед за этим, когда языки у ребят развязались, принялась за дальнейшие вопросы. Задавала она их с хитрецей. Мол, не передавал ли царь-батюшка в последние часы своей жизни какой наказ ей самой и о чем вообще говорил перед кончиной. Ей ведь ныне каждое словцо дорого. Нет-нет, ребята были надежные и помнили про мой запрет, но ведь он касался исключительно Юрия Мнишка, а также бояр, но не ее самой. Да им и в голову не могло прийти, будто государь упомянул про ребенка на всякий случай. Раз сказано, значит, точно известно, что дите зачато. Словом, всплыл в их рассказах и Опекунский совет, и неперемное условие для его создания, и его состав, пускай и в сокращенном варианте.

А едва Марина выяснила, как будет обстоять дело с короной при отсутствии ребенка, то мгновенно сообразила, что ее беременность если не единственный, то во всяком случае самый надежный шанс остаться у руля. Пускай не одной, но остаться, а там поглядим. Но начинать борьбу за власть надо именно с сегодняшнего дня, а для этого требовалось появиться перед московским людом прямо на площади. Так сказать, засветиться, чтоб вспомнили – государь-то убит, но государыня жива.

Для того ей и понадобился Федор, у которого она, воспользовавшись моим отсутствием, попросила дозволения сопровождать тело государя на Пожар. Тот поначалу замаялся, но она намекнула о своей беременности. И царевич, простодушно решив, что коль придется править всем вместе, отчего бы ей не показаться на площади, дал «добро».

Ну а попутно на всякий случай, ведь неизвестно, как оно обернется, Марина постаралась обеспечить себе реальную силу, и последовала вторая просьба: послать гонцов за ее отцом, братьями, дядей, а также к Посольскому двору. Дескать, Олесницкому и Гонсевскому тоже стоит поглядеть на происходящее и воочию убедиться, что теперь с беспорядками в столице покончено раз и навсегда, а виновные в них надежно обезврежены и будут сурово наказаны.

И вновь Годунов согласился.

Словом, развела она его, как ловкий наперсточник растяпу лоха, уверенного, что угадал, где находится шарик. Да и немудрено, ибо каждая из просьб выкладывалась как бы между прочим, словно незначительный пусячок. А в промежутках Марина щедро поливала своего

собеседника патокой лести, измазюкав ею моего простодушного ученика с головы до ног – только успевай облизываться. Но об этом я узнал позднее, а пока растерянно взирал на траурную процессию и на Мнишковну, шедшую подле носилок с телом ее супруга, и... невольно восхищался ее мужеством.

Страшно дамочке было до жути. Это чувствовалось и по ее перепуганному лицу, и по затравленным взглядам, которые она искоса бросала на окружавшую ее толпу, не представляя, чего от нее ждать. Одна ладонь ее лежала поверх скрещенных на груди рук Дмитрия, то есть как бы при деле, зато вторая свободная рука столь судорожно комкала платок, что оставалось догадываться, каких трудов стоит ей сдерживать себя и не трястись от страха. И при всем этом она рискнула появиться совершенно одна, справедливо посчитав, что польское окружение изрядно умалит нужный эффект. Впрочем, если бы отец с братом успели добраться до Кремля, не исключаяю, что она прихватила бы их с собой, как знать. Все-таки родичи. Но ведь помимо них у нее имелись фрейлины, а она запретила им сопровождать ее.

Лишь теперь мне стало понятно, куда и зачем она отправила своих дам. Пока Федор, а потом я с нею беседовали, они уже готовили ее одежду для выхода на площадь, подобрал исключительно русские наряды. Нет, возможно, под низ она надела что-то попривычнее, но темно-вишневая шуба, богато отороченная черными с проседью соболями, надежно скрывала остальное, за исключением красных щегольских сапожек. Разумеется, не остался позабыт и венец. Это тоже не в пользу Годунова. Он-то пока не вправе надеть на свою голову символ царской власти.

Наконец носилки прибыли к Царскому месту, остановившись подле него. Я мрачно подумал, что, если она еще и толкнет речугу, будет совсем караул, но Марина молчала. То ли не решилась говорить по причине все того же страха, то ли это был обычный расчет. Судя по проявленному ею мужеству, я склонялся ко второму варианту. К чему рисковать? Хорошо заметный польский акцент изрядно умалил бы эффект от ее появления. Куда проще заходиться от рыданий, изображая безутешное горе, и делать вид, что не в силах выдавить из себя ни слова. Изрядно помогал и платок, который она то и дело подносила к лицу трясущейся рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.